

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

На правах рукописи

Варвара Юрьевна Стешевич

**Категория императивности
и средства ее объективации
в русском и сербском языках**

Специальность 10.02.03 – Славянские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
А.Ф. Журавлев

Москва 2015

Оглавление

Введение	4
Глава I. Теоретические проблемы императивности	14
0. Предварительные замечания об исследуемых языках и языковом материале исследования	14
1. Дискуссия об императивной семантике в философии языка	19
2. Теоретические проблемы категории императивности в современной русистике	27
3. Изучение императива и императивности в современной сербистике	35
4. Императивность как особая семантическая категория	44
Глава II. Ядро категории императивности	54
1. Специфика категорий лица, числа, глагольного вида и отрицания в императивных формах	55
2. Семантическая структура ядра императивности и классификация функционально-семантических вариантов	67
Глава III. Средства выражения побуждения к совместному действию. Приядерные элементы категории императивности	106
1.0. Общие замечания о статусе форм побуждения не 2-го лица	106
1.1. Общие замечания о формах побуждения 1-го лица мн. ч.	106
1.2. Формы совместного действия в русском языке	110
1.3. Формы совместного действия в сербском языке	122

Глава IV. Побуждение 3-го лица. Ближняя периферия категории императивности	140
1.0. Общие замечания о формах побуждения 3-го лица	140
1.1. Формы побуждения 3-го лица в русском языке	144
1.2. Формы побуждения 3-го лица в сербском языке	151
2.0. Общие замечания о формах побуждения 1-го лица ед. ч.	157
2.1. Формы выражения автопобуждения в русском языке	163
2.2. Формы выражения автопобуждения в сербском языке	169
Глава V. Средства выражения побуждения не императивными формами. Дальняя периферия категории императивности	176
1. Транспонированные высказывания	177
1.1. Конструкции с инфинитивом	177
1.2. Конструкции с настоящим и будущим временем индикатива	182
1.3. Конструкции с прошедшим временем индикатива	185
1.4. Императивные конструкции с сослагательным наклонением	188
1.5. Вопросительные предложения	190
2. Эллиптические императивные конструкции	192
3. Междометия с императивной семантикой	197
Заключение	200
Литература	206
Приложение	219

Введение

Исследования средств объективации семантических категорий в различных языках занимают значительное место в современном языкознании и продолжают оставаться перспективными. Данная диссертация посвящена анализу одного из частных вопросов грамматической семантики и функциональной грамматики — категории императивности. Интерес к данной категории обусловлен тем, что императивные высказывания занимают важное место в речевой коммуникации, а сама категория обладает разнообразными и разноуровневыми средствами выражения. Функционирование и внутренняя организация категории императивности постоянно привлекают внимание исследователей.

В описательных грамматиках русского и сербского языков, а также в большинстве теоретических лингвистических работ, императив традиционно рассматривается как одно из глагольных наклонений, притом, что наклонение понимается как «грамматическая категория, выражающая отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего»¹. Однако положение императива в системе глагола специфично — отличные от индикатива личные показатели, иная структурная организация парадигмы, существенные различия в описаниях даже в рамках одного языка.

Специфика как форм, так и семантического содержания категории императивности не раз привлекала внимание исследователей. Роман Якобсон², назвав императив «наклонением произвольного действия», одним из первых отметил, что это наклонение не имеет ни самостоятельной корреляции лица, ни времени, ни согласования в числе и роде, в отличие от других наклонений. Также Якобсон обратил внимание на то, что императив выполняет не только репрезентативную (референтивную) функцию, но и

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 321.

² Якобсон Р.О. О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

апеллятивную, что сближает его в функциональном плане со звательным падежом у имен. На сходство императива с вокативом указывал также Э. Бенвенист¹. Эта точка зрения была разделена и В.В. Виноградовым², писавшим о сближении императива с междометиями и о том, что императив, находясь на периферии глагольной системы, сильно отличается от других глагольных наклонений.

Ряд современных ученых, как, например, Л.С. Ермолаева³, Д.А. Штелинг⁴, В.С. Храковский и А.П. Володин⁵, разрабатывая вопрос о соотношении императива и глагольного наклонения, приходит к выводу, что, ввиду своих формально-семантических особенностей, императив не входит в состав категории глагольного наклонения. Наряду с этим, как отмечает А.И. Изотов, категория императивности занимает двойное положение в рамках семантической зоны модальности, поскольку «императивные высказывания, традиционно и вполне обоснованно относимые к ирреальной модальности..., в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности»⁶, то есть имеют непосредственное отношение также и к оценочной модальности. А.В. Бондарко⁷ были разработаны понятие функционально-семантического поля императивности и понятие императивной ситуации.

¹ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 173.

² Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

³ Ермолаева Л.С. Типология системы наклонений в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 4.

⁴ Штелинг Д.А. О грамматическом статусе повелительного наклонения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.. 1982. Т. 41, № 3.

⁵ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

⁶ Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2007. С. 6.

⁷ Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Специфические черты императива были отмечены целым рядом исследователей. Специфика интонации императивных высказываний описывалась А.М. Пешковским¹, О.Г. Козьминым², Е.А. Крашенинниковой³. Своеобразие синтаксических конструкций с императивом отмечалось А.М. Пешковским⁴ и В.В. Виноградовым⁵. Морфонологические особенности императивных форм впервые были отмечены Р. Якобсоном⁶. Им же была отмечена особая аппеллятивная функция, среди глагольных форм присущая исключительно императиву. Целый ряд исследований посвящен семантике императива, среди них работы Р.В. Пазухина⁷, Л.А. Бирюлина⁸, Е.И. Беляевой⁹.

По мнению В.Г. Руделева¹⁰, на основе дистрибутивных различий императив можно выделить как особую часть речи, наряду с полным причастием, кратким причастием, кратким прилагательным, деепричастием, инфинитивом, перфектом и презенсом. Подобный принцип членения частей речи уже имел место в русском языкознании. Как особую часть речи выделял императив и А.А. Шахматов¹¹. И в той, и в другой теории разработка формальных принципов отождествления лексем одной части речи была

¹ Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Изв. АН СССР. Отд. по русск. яз и словесн. Л., 1928. Т. 1.

² Козьмин О.Г. Интонация побудительных предложений в современном немецком языке // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике. М., 1966.

³ Крашенинникова Е.А. Побудительная модальность в немецком языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1953. Т. 12, вып. 5.

⁴ Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Изв. АН СССР, Отд. по русск. яз и словесн. Л., 1928. Т. 1.

⁵ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

⁶ Якобсон Р.О. О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

⁷ Пазухов Р.В. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Posnaniensia. Poznan, 1974. № 6.

⁸ Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994.

⁹ Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992. Существуют также комплексные описания категория императива, например, работы Эйрлис Дэйвис (*Davies Eirlys. The English Imperative. London, 1986*) и Чарльза Хэмблина (*Hamblin C.L. Imperatives. London, 1987*) на материале английского языка.

¹⁰ Руделев В.Г. Место существительных среди других частей речи русского языка // Грамматические классы в современном русском языке. Тамбов, 1976.

¹¹ Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

вызвана стремлением последовательно проводить синтаксическую точку зрения на словоизменение, которая была обоснована в свое время Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматовым, П.С. Кузнецовым.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется исследованию различных способов речевого побуждения и их грамматическому выражению. Оформилось понимание побуждения как особого типа речевого акта, который занимает значительное место в речевой деятельности человека. Однако вопрос о количестве грамматических форм в парадигме императива остается спорным. Причина разногласий заключается в различном подходе как к значению императива (могут ли быть субъектом каузируемого действия все участники речевой ситуации и лица, не принимающие участия в коммуникации), так и к понятию императивной парадигмы (могут ли быть включены в парадигму разнородные по способу образования словоформы и разнотипные по строению глагольные конструкции)¹.

Однако, несмотря на все вышеупомянутые работы, круг проблем, связанных с категорией императивности, не может считаться решенным. Множество существующих концепций указывает на то, что исследования в данном направлении необходимо продолжать. Отметим также, что исследование сербского императива в количественном отношении уступает русскому. Это послужило одной из причин выбора данной категории в качестве предмета диссертационного исследования. Сопоставительный аспект предполагаемого исследования мотивирован тем, что сравнительное изучение языкового феномена позволяет сделать более глубокие и обширные выводы, чем исследование исключительно в рамках одного языка. Сравнение же двух близкородственных, типологически одинаковых языков способно выявить нюансы как морфологического, так и семантического характера, ускользающие при контрастивном анализе типологически различных языков

¹ Подробнее см. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

или незаметные при узком рассмотрении проблемы внутри системы одного языка.

Лингвистические работы, в которых бы предлагалось комплексное сопоставительное рассмотрение категории императивности в славянских языках, до сих пор отсутствуют. В диссертационном исследовании представлено сопоставительное рассмотрение категории императивности на материале сербского и русского языков. Целесообразность такого выбора славянских языков обусловлена тем, что исследование сербского императива в настоящее время в количественном отношении уступает исследованию императива русского. Тем самым определяется **актуальность** диссертационного исследования, а именно сравнительно небольшой изученностью категории императивности и необходимостью изучения средств выражения данной категории не только в рамках одного языка, но и в соотнесении с системой другого, похожего, но имеющего отличия языка.

Объектом исследования являются фрагменты двух языковых систем, представляющие собой совокупность явлений языка, объединенных категориальной семантикой императивности, а именно: высказывания со специфическими императивными формами, высказывания с неспецифическими императивными формами и высказывания без императивных форм, но обладающие императивной семантикой.

Целью исследования является изучение и описание грамматико-семантических особенностей средства выражения императивности в русском и сербском языках, установление структурно-содержательной специфики категории императивности и определение сходств и различий в средствах выражения категориальной семантики императива в сопоставляемых языках, что в дальнейшем может быть использовано построения языковой картины мира.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- исследование теоретических основ и концепций императивности в свете классических и новых научных направлений языкознания;
- систематизация языковых средств различного уровня, выражающих понятийную категорию императивность в русском и сербском языке, их сопоставительный анализ;
- построение функционально-семантической модели категории императивности в русском и сербском языках, определение ядра и периферии функционально-семантического поля данной категории;
- анализ ядерных, приядерных и периферийных репрезентаций категории императивности для каждого из исследуемых языков;
- сопоставительный анализ внутреннего устройства категории императивности, ее членения на микрополя.

В качестве **материала исследования** были использованы электронные тексты из компьютерной сети Интернет, среди которых есть как написанные на литературном языке, так носящие ярко выраженный разговорный характер. Привлечение текстов разговорного некодифицированного языка, максимально близких к спонтанной устной речи, позволяет обнаружить наиболее актуальные тенденции современного формообразования и множество смысловых контекстов, не встречающихся в нормированных литературных текстах. Основной объем материала был собран в доменах .ru и .rs с 2009 по 2012 год.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды ведущих русистов (В.В. Виноградова¹, Л.А. Бирюлина²), сербистов (Б. Тошовича³, Д. Войводича¹, М. Ивич², М. Стевановича³), типологов

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове)/ Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

² Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994.

³ Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М, 2006.

(В.С. Храковского⁴, В.Б. Касевича⁵), специалистов в области семантики (Дж. Остина⁶, Дж. Серля⁷, А. Вежбицкой⁸) и функционально-семантической грамматики (А.В. Бондарко⁹). Наиболее существенными для нашего исследования являются такие понятия, как семантическая категория (инвариантный категориальный признак, или семантическая константа) и функционально-семантическое поле (комплекс разноуровневых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций), которые были сформулированы А.В. Бондарко в рамках теории функциональной грамматики¹⁰. Семантические категории являются содержательными понятиями, регулярно представленными в содержании высказывания, они участвуют в формировании конкретного смысла высказывания и связаны со средствами выражения, то есть с языковыми формами¹¹. Использование концепции поля в лингвистике имеет давнюю традицию¹². Не останавливаясь подробно на истории вопроса, отметим, что концепция впервые начала разрабатываться в германистике и значительный вклад в ее развитие внесли отечественные германисты Е.В. Гулыга и

¹ *Войводиц Д.* Об инклюзивных формах императива в славянских языках // *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura u inoslovenskoj sredini*. Beograd, 1998.

² *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica*. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005.

³ *Stevanović M.* *Savremeni srpskohrvatski jezik*, 1. Beograd, 1999.

⁴ *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

⁵ *Касевич В.Б.* Императивность, каузативность, перформативность // *Функционально-логические аспекты анализа императива*. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990.

⁶ *Остин Дж.* Избранное. М., 1999.

⁷ *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1986. Вып. 17.

⁸ *Вежбицка А.* Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

⁹ *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Л., 1990; *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность временная локализованность, таксис*. Л., 1987; *Бондарко А.В., Шуби С.А.* (отв. ред.) *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. СПб, 2005.

¹⁰ *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность временная локализованность, таксис*. Л., 1987. С. 11–28.

¹¹ Там же. С. 30–31.

¹² см, например, *Щур Г.С.* *Теория поля в лингвистике*. М., 1974.

Е.И. Шендельс, которые описали поле как сложную структуру, которую «можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений. По горизонтали располагаются семантические участки — микрополя... По вертикали располагают конститuentы микрополей, которые в то же время являются конститuentами макрополя»¹. Вслед за Гулыга, Шендельс и Бондарко² мы используем термин «микрополе» для обозначения минимального элемента поля. Кроме того, исключительно важным для нашего исследования является понимание того, что семантическая категория обладает структурой, состоящей из ядра (центра)³ и периферии. Подобный подход, в котором противопоставляется центр и периферия, разрабатывали многие лингвисты применительно к структуре различных языковых явлений, отметим лишь, что «если функционально-семантическая категория опирается на категорию грамматическую, то именно эта последняя выполняет роль ядра или центра, потому что в ней содержание данной функционально-семантической категории находит наиболее «специализированное» и концентрированное выражение»⁴.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней рассмотрена вся совокупность средств выражения императивности в сербском языке (включая как общепризнанные средства, так и пока что еще не привлекавшие внимания лингвистов), установлены общие грамматико-семантические тенденции для обоих сравниваемых языков, выявлены частные императивные значения и обнаружены различия в устройстве ядра и периферии семантического поля обоих языков. Впервые описываются разговорные формы императива совместного действия в сербском языке, отмечаются новые тенденции к грамматикализации сочетаний с *идем* в

¹ Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 9–10.

² Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. М., 1971. С. 68.

³ Мы используем термин «ядро», считая его полным синонимом термина «центр».

⁴ Бондарко А.В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Л., 1968. Цит. по Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974. С. 69.

русском и с *daj* в сербском в побудительном значении. Также дополнен список средств непрямого выражения императивности неспецифическими формами.

Теоретическая значимость работы заключается в ряде выводов о природе императивности, ее основных семантических признаках и соотношении с другими семантическими категориями, а также в рассмотрении новых, малоизученных форм выражения императивности.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что полученные результаты анализа языкового материала могут быть использованы как в лекционных курсах по теоретической грамматике русского и сербского языков, так и в переводческой практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория императивности — это одна из базовых семантических категорий, которая может быть представлена в виде функционально-семантического поля, имеющего ядро и периферию.

2. Императивную семантику объективирует особый тип высказываний, которые являются самостоятельными, непроеизводными и обладают набором конституирующих признаков.

3. Категория императивности членится на функционально-семантические микрополя (или частные императивные значения)

4. Ядро функционально-семантического поля императивности составляют специализированные формы с морфологическим показателем императивности *-u/-й-* (*-i/-j-*). При этом в русском языке в состав ядра входят формы 2-го лица, в состав ядра в сербском языке входят формы 2-го лица и синтетические формы 1-го лица мн. ч. В русском языке аналитические формы 1-го лица мн. ч. входят в приядерную зону. В сербском языке аналитические формы 1-го лица мн. ч. также входят в приядерную зону.

5. В приядерной зоне функционально-семантического поля императивности в обоих языках идет процесс грамматикализации новых аналитических форм.

6. Ближняя периферия функционально-семантического поля императивности состоит из неспецифических форм 3-го лица, которые помимо императивности могут являться средством выражения смежных семантических категорий.

7. Дальнюю периферию функционально-семантического поля императивности конституируют императивные высказывания без императивных форм, в которых семантика императивности объективируется формами в переносных значениях и эллиптическими конструкциями.

Апробация работы. Основные результаты исследования изложены в следующих публикациях:

1. Аналитические способы выражения побуждения к совместному действию в русском и сербском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Москва, 2014. № III:3(38). С. 20–35.

2. Способы побуждения 3-го лица в русском и сербском языке // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2014. № 2(44). С. 277–285.

3. Специфика категорий лица, глагольного вида и отрицания в императивных формах русского и сербского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5(35) 2014. Часть II. С. 192–197.

4. Автопобуждение в русском и сербском языке // Славяноведение, № 1. 2015. С. 93–100.

Структура диссертация помимо введения включает пять глав, заключение, библиографию и приложение с указанием источников языкового материала.

Г л а в а I

Теоретические проблемы императивности

Данная глава посвящена теоретическим вопросам семантики императива и средствам ее языковой реализации. В ней дается обзор и сравнение принципов, определяющих подход к категории императивности и трактовку языковых средств реализации рассматриваемой категории в современной лингвистике. Основной целью главы является попытка выявить семантические составляющие категории императивности и сформулировать значение рассматриваемой категории. Для этого мы очертим круг нашего исследования и предложим собственный взгляд на то, какие формы могут выражать значение императивности, а какие нет. Ввиду того, что в современном языкознании накоплено множество наблюдений и сформированы различные (зачастую противоположные) подходы как к семантике императивности, так и средствам ее объективации, мы считаем данную предварительную работу уместной и необходимой.

0. Предварительные замечания об исследуемых языках и языковом материале исследования

Прежде всего мы хотели бы разъяснить свою позицию по поводу названия исследуемых и сопоставляемых языков. И если с дефиницией русского языка у лингвистов разногласий не возникает, то определение объема понятия «сербский язык» зачастую вызывает споры. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, государственными языками которой были сербохорватский, македонский и словенский, вопрос о названии языков на территории образовавшихся государств стал политически ангажированным. Сербохорватский язык, имевший две литературные нормы — сербскую и хорватскую, распался на два языка — сербский и хорватский. «После распада в 1991 г. общего государства...

употребляются названия языков соответствующих титульных наций новых государств данного ареала: хорватский (hrvatski — Хорватия, хорваты в Боснии и Сербии), сербский (srpski — Сербия и Черногория, сербы в Боснии и Хорватии)»¹. На данный момент сербский является государственным языком (službeni jezik) в Республике Сербия, а также в Боснии и Герцеговине. В Республике Черногория сербский язык является официальным языком (jezik u službenoj upotrebi).

На сайте Института сербского языка приводится определение, взятое из работы Павле Ивича: «Jezik kojim govore Srbi najčešće se u nauci naziva srpskohrvatskim. Njime se služe osim Srba i Hrvata i slovenski muslimani u Bosni i Hercegovini, kao i u Sandžaku (nekada Novopazarskom), odn. Staroj Raškoj (pojas duž većeg dela sadašnje granice između Srbije i Crne Gore), a uprošlosti je bilo i drugih etničkih grupa koje su govorile tim jezikom, a nisu imale ni srpsko ni hrvatsko opredeljenje. Hrvati nazivaju taj jezik hrvatskim, a Srbi srpskim»². [Язык, на котором говорят сербы, чаще всего в науке называется сербохорватским. Кроме сербов и хорватов им пользуется славянское мусульманское население Боснии и Герцеговины, а также население в Санджаке, или Старой Рашке (пояс вдоль большей части границы между Сербией и Черногорией; в прошлом же были и другие этнические группы, которые говорили на этом языке, но не определяли себя ни в качестве сербов, ни в качестве хорватов. Хорваты называют этот язык хорватским, а сербы — сербским]. В дальнейшем в нашей работе мы будем придерживаться подхода, сформулированного Павле Ивичем.

Объектом исследования в предлагаемой работе является семантико-грамматическая составляющая языка, то есть та подсистема языка, которая является общей для всех национальных вариантов. Грамматический уровень

¹ *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) / Языки мира. Славянские языки (Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик). М., 2005. С. 139.

² *Ivić P.* Književni jezik kao instrument kulture i produkt istorije naroda. / Istorija srpske kulture. Beograd, 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://isjsanu.rs/index.php?route=product/category&path=20> (дата обращения 20.03.2014)/

языка — самый консервативный из всех уровней, он в наименьшей степени осознается носителями и менее всего подвержен внешнему воздействию. Однако, несмотря на стабильность, в грамматическом строе постоянно проходят малоприметные процессы, которым требуется длительные временные периоды, чтобы стать наблюдаемыми. Это естественные языковые изменения, которые не подвластны воле и намерениям носителей языка. Легче всего их заметить в устной разговорной речи.

Наиболее близкой к разговорной речи является спонтанная, не подготовленная коммуникация на интернет-форумах, созданных для проведения дискуссий на различные интересующие пользователей темы. Интенсивность и жанровая специфика общения в интернете привели к появлению такого феномена как «письменная разговорная речь»¹. Г.Н. Трофимова описывает данный феномен, используя слегка отличающийся термин «письменно-устная речь»: «... достаточно обособленные в прошлом формы реализации языка — устная и письменная — сближаются, активизируя свое естественное взаимодействие. Интернет придает этому процессу еще большее ускорение, так как его коммуникативно-демократическая направленность провоцирует воспроизводить даже заранее подготовленные тексты с эффектом спонтанности, неподготовленности и «устности»... Границы форм речи становятся размытыми, в результате функционирования в Интернете появляется особый тип речи, суть которого точнее всего определяется как «письменно-устная» речь»². Внимание лингвистов все чаще привлекают

¹ Буторина Е.П. А поговорить? Интернет как лингвистический феномен [Электронный ресурс] // Мир медиа XXI. 1999. № 1. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_50; Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань, 2001. Т. 2. С. 7–9; Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2. С. 24–26.

² Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1095967-pall.html> (дата обращения: 26.11.2013).

особенности функционирования языка в Интернете, фонетико-графические инновации, актуальные лексические, словообразовательные и синтаксические процессы, характерные для русскоязычного сектора интернета¹. Однако необходимо отметить, что грамматические категории оказываются не вовлечены в эти бурно развивающиеся процессы. Грамматические категории языка и средства их выражения максимально изолированы от воздействия социальной среды. Тем не менее, изучая морфологические изменения, которые претерпели русский и сербский языки в прошлом, мы не можем не признавать, что языки продолжают меняться и в данный, текущий момент. Сегодняшнее состояние языка не оторвано от его прошлого и будущего, а является этапом эволюционного пути. Даже при строго синхронном анализе языка в категории императивности выделяются участки стабильные и нестабильные, то есть участки с большой вариативностью, где нет однозначного соответствия морфологической формы значению и где накапливается большое количество «неправильных», но регулярно порождаемых форм.

Неправильные употребления, которые трактуются как ошибочные с точки зрения нормы, характерны для разговорной речи, и для письменно-разговорной в том числе. Однако их частотность указывает на то, что носителями языка (в данном случае речь идет о сербском языке) они не воспринимаются как ошибочные и коммуникативным препятствием не являются. При описании форм императива мы ориентировались не только на норму, изложенную в грамматиках, но и на употребления, которые не соответствуют грамматической норме, но выполняют ту же самую функцию, что и формы, зафиксированные в грамматиках. Мы придерживаемся концепции А. Фрея, изложенной в его работе «Грамматика ошибок»², согласно которой ошибки обусловлены функционированием речи и их

¹ Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1095967-pall.html> (дата обращения: 26.11.2013).

² Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.

появление мотивировано языковыми законами и процессами, которые могут значительно опережать норму. Очевидно, даже не прибегая к данным диахронии или сопоставлению с другой языковой системой, что «проблемный» участок — это свидетельство процесса, протекающего в языке. Сопоставление с другим языком, особенно с близкородственным, позволяет предположить, какой именно процесс проходит в языке и каков его возможный результат.

Наиболее информативной для исследователей-синхронистов является разговорная речь и, в том числе, письменная разговорная речь, которая в силу спонтанности и отсутствия рефлексии Говорящего над формой позволяет увидеть морфологические формы и употребления, неописанные в грамматиках и которые, возможно, подверглись бы исправлениям со стороны корректоров или языковых пуристов. Именно по этой причине мы использовали в качестве языкового материала дискуссионные форумы, на которых люди пишут непосредственно так, как говорят. Они не ограничены нормами словоупотребления или формообразования, то есть выражают свои мысли так, как считают нужным, не соотнося используемые формы с категорией правильности/неправильности. Списки форумов для обоих языков приводятся в Приложении 1.

Для сербского языка мы старались рассматривать сайты из домена .rs, однако многие сайты, использующие сербский язык, зарегистрированы в домене .com, .org или .info. Также мы привлекали сайты из домена .ba (Босния и Герцеговина) и сербскоязычные разделы на сайтах в домене .eu.

1. Дискуссия об императивной семантике в философии языка

Изучением императивов и императивности занимаются не только лингвисты, но и логики, и философы языка.

Судя по свидетельству Диогена, первым, кто предложил деление речи на части по цели высказывания, был Протагор, который выделял четыре типа высказываний: вопрос, ответ, просьбу и приказание. Алкидам выделял три типа: вопрос, ответ и приветствие. Другие софисты, чьи имена Диогеном не упоминаются, предлагали семичастное деление: вопрос, ответ, повествование, приказание, выражение желания, просьба и призыв. Попытки подобного деления речи оказали большое влияние на становление риторики и грамматического учения¹. Кроме того, в античности были заложены основы учения об истинности и ложности высказывания, которое оформилось в трудах Платона и Аристотеля. Однако Аристотель отмечал: «Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна»².

Согласно Готлобу Фреге³, в основе любого высказывания лежит стремление выразить сущность, значением любого предложения является его истинностное значение, а смыслом — «мысль», или объективное содержание. «Мыслью» (или суждением) являются только те высказывания (предложения), в которых выражается суждение, то есть кто-либо признает нечто истинным. Если истинностная оценка не может быть приписана высказыванию, то в нем нет «мысли». Императивы, а также вопросы, «мыслями» не являются.

Идеи Фреге были реинтерпретированы последователями так, что повествовательные предложения как носители «мысли» (пропозиции) стали

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2., М., 1969.

² Аристотель. Об истолковании 17а 3-5 // Аристотель Сочинения в 4 тт. Т. 2, М., 1978.

³ Фреге Готлоб. Смысл и значение // Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 220–246.

рассматриваться как прототипические и основные, а вопросы и императивы — как второстепенные и производные.

Очевидно, что у трех предложений

Фреге пишет статью «О смысле и значении»;

Пишет ли Фреге статью «О смысле и значении»?

и Фреге, пишите статью «О смысле и значении»!

есть некий общий смысловой компонент — образ Фреге, пишущего статью — который формулируется в виде утверждения, вопроса или приказа. Долгое время формальная семантика была сосредоточена на поиске и формализации этого общего смыслового компонента, который понимался как пропозиция, обладающая характеристикой истинности/ложности, и попытках осознать императивы путем их переформулировки декларативами. Вышеприведенные примеры трактуются как

Это факт — то, что Фреге пишет статью «О смысле и значении»;

Факт ли то, что Фреге пишет статью «О смысле и значении»?

и Сделай фактом то, что Фреге пишет статью «О смысле и значении».

С лингвистической точки зрения подобные трансформации выглядят довольно шаткими. Наиболее очевидным минусом является то, что далеко не каждое утвердительное предложение имеет, условно говоря, парадигму, в которую бы входили интеррогатив (вопросительное предложение) и императив (повелительное предложение). Если к декларативу *Фреге пишет статью «О смысле и значении» в 1892 году* вопрос возможен, хотя и предполагает необычный контекст (*Пишет ли Фреге статью «О смысле и значении» в 1892 году?*), то императив *Фреге, пишите статью «О смысле и значении» в 1892 году!* предполагает, что 1892 год для Говорящего еще не наступил. Есть декларативные высказывания, от которых невозможно произвести императив (*Автором статьи был Фреге*), и есть такие, к которым невозможно задать общий вопрос (*Возможно, автором статьи был Фреге*).

Возможность ответа на вопрос императивом (*Я могу идти? – Идите!*), насколько нам известно, философами языка всерьез не рассматривается. Императивы в стандартной теории формальной семантики рассматриваются в качестве инструкции, как сделать пропозицию истинной.

Джон Остин¹ в своих лекциях указывал, что в естественном языке есть предложения, не имеющие значения истинности. Предложения, не имеющие дескриптивной функции, но являющиеся эквивалентными действию, Остин назвал перформативами. (Эту же идею высказывал Эмиль Бенвенист², называя глаголы, способные одновременно выражать речевой акт и действие, делокутивными). Остин разделил перформативные высказывания на явные перформативы *Я приказываю тебе закрыть дверь!* и неявные (простые) — *Закрой дверь!*

В дальнейшем в трансформационной грамматике³ простое декларативное предложение стало рассматриваться как имеющее на глубинном уровне двухуровневую структуру с главным и зависимым предложениями, главное из которых — перформатив. Например, *Земля вращается вокруг Солнца* рассматривается как *Я говорю тебе, что Земля вращается вокруг Солнца*.

Эрик Стениус⁴ привнес в философию языка различие между пропозициональным содержанием (корнем предложения, *sentence radical*) и сентенциальным наклонением (*mood*). «Наклонение» не является частью содержания предложения, но выражает роль предложения в языковой игре. Употребление «наклонений» имеет свои правила. Например, используй индикатив, только если пропозиция (*sentence radical*) истинна; используй императив, чтобы сделать пропозицию истинной. (Однако в естественном

¹ Остин Дж. Избранное. М., 1999.

² Бенвенист Э. Делокутивные глаголы // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 320–323.

³ Ross J.R. On declarative sentences // Readings in English Transformational Grammar. 1970. P. 222–272.

⁴ Stenius E. Mood and language-game // Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of natural language. 1972. P. 254–274.

языке нет ограничений на ложные пропозиции. Как отмечал Бертран Рассел¹, «С каждым фактом соотносятся две пропозиции, одна — истинная, а другая — ложная, и в природе символа нет ничего такого, что показывало бы нам, какая именно из них истинна, а какая — ложна»).

Дэвид Льюис также определял значение предложения через категорию истинности/ложности² и попытался расширить значение истинности, в том числе и на не-декларативные предложения. Он предложил считать не-декларативные высказывания парафразами соответствующих перформативов³, а перформативы классифицировать как декларативы. Различия между декларативами и не-декларативами трактуются им как поверхностно-синтаксические.

Императивные предложения типа *Земля, вращайся вокруг Солнца* имеют глубинную структуру *Земля, я приказываю тебе вращаться вокруг Солнца*, и второе предложение истинно, если в момент высказывания Говорящий на самом деле приказывает Слушающему совершать вращательные движения вокруг Солнца. Отношение между явными и неявными перформативами рассматриваются как аргумент в пользу трактовки императивов как констативов (декларативов).

Льюис ограничивается перформативными трансформациями только не-декларативов. «Если кто-то говорит *Я утверждаю, что Земля плоская* (искренне, не разыгрывая роль), я считаю, что он говорит истинно: он и

¹ Рассел Б. Логический атомизм // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Пер. с англ., нем. Отв.ред.: А.Ф. Грязнов. М., 1998.

² A meaning for a sentence is something that determines the conditions under which the sentence is true or false [Значение предложения — это то, что определяет условия, при которых предложение является истинным или ложным]. Lewis D. General Semantics // Semantics of Natural Language. D. Davidson and G. Harman (eds.), Dordrecht: Reidel, 1972. P. 169–218.

³ I propose that these non-declaratives ought to be treated as paraphrases of the corresponding performatives, having the same base structure, meaning, intension, and truth-value... And I propose that there is no difference in kind between the meanings of these performatives and non-declaratives and the meanings of the ordinary declarative sentences... [Я предлагаю считать эти не-декларативы парафразами соответствующих перформативов, которые обладают той же базовой структурой, значением, интенцией и значением признака истинности/ложности... Также я предлагаю считать, что различия между значениями этих перформативов, не-декларативов и обычных декларативных предложений нет]. Там же.

вправду это утверждает. ... Кто-то может считать, что высказывание ложно, потому что предложение, вставленное в перформатив — содержание утверждения — ложно. Поэтому я не предлагаю рассматривать обычные декларативы в качестве перефразированных перформативов (как было предложено Россом), потому что это приведет к ошибочному пониманию условий истинности»¹.

Однако если перформативный анализ не применим к декларативам, то правомерно задать вопрос: почему он считается применимым к императивам? Единственным преимуществом перформативного анализа является то, что, если императивы могут быть переформулированы в качестве явных перформативов, то им может быть приписано значение истинности. Но если (несмотря на утверждение Остина) явным перформативам (*Я объявляю вас мужем и женой*) с некоторой натяжкой может быть присвоена характеристика истинности/ложности (*Нет, не объявляете, так как у вас нет полномочий*), то с неявными, простыми перформативами (то есть императивами) это невозможно. На императив *Закройте дверь!* нельзя ответить *Нет, вы этого не делаете*.

Ноэм Хомский² предложил другую глубинную структуру для императивов, которая состоит из субъекта «ты» и вспомогательного элемента «должен» (will, must). Вспомогательный элемент удаляется в процессе трансформации, субъект также может быть удален. Вспомогательный элемент объясняет, почему императивы не сочетаются с обстоятельством прошедшего времени, а субъект «ты» позволяет объяснить, почему только местоимение 2-го лица возможно в императивах (*Иди ты уже домой!*).

¹ If someone says «I declare that the Earth is flat» (sincerely, not play-acting, etc.) I claim that he has spoken truly: he does indeed so declare. I claim this not only for the sake of my theory but as a point of common sense. Yet one might be tempted to say that he has spoken falsely, because the sentence embedded in his performative - the content of his declaration, the belief he avows - is false. Hence I do not propose to take ordinary declaratives as paraphrased performatives (as proposed in Ross, 1968) because that would get their truth conditions wrong. Lewis D. General Semantics // Semantics of Natural Language. D. Davidson and G. Harman (eds.), Dordrecht: Reidel, 1972. P. 210–211.

² Chomsky N. The logical structure of linguistic theory. Chicago, 1975.

Получается, что императивы в очередной раз в результате парафразы получают перформативное прочтение. *Закрой дверь!* — *Ты должен закрыть дверь!* Однако не ясно, является ли высказывание *Ты должен закрыть дверь!* декларативом или приказанием. Катц и Постал предлагают ввести абстрактную морфему «я», которая позволяет прочесть высказывание *Ты должен закрыть дверь!* как приказание (*Я говорю: ты должен закрыть дверь!*) В дальнейших работах Джерролда Катца¹ (в которых предлагается идея двухуровневой пропозиции, имеющей уровень содержания и уровень речевого акта) морфема «я» относится исключительно к уровню речевого акта. Катц и Постал ввели различие типа пропозиции, который характеризуется функцией предложения в разговоре, и содержания пропозиции, которое является постоянным элементом декларативных предложений и их не-декларативных аналогов.

Идея различных типов предложений, связанных с различными пропозиционными операторами, опять-таки восходит к Фреге. «В вопросительных и утвердительных предложениях содержится одна и та же мысль, но утвердительное предложение содержит также еще нечто, называемое ассерция. Вопросительное предложение содержит нечто, называемое вопрос. Таким образом, в утвердительном предложении надо различать: содержание, которое является общим для него и пропозиционального вопроса, и ассерцию. Первое — это мысль или, по крайней мере, содержит мысль. Таким образом, возможно выразить мысль, не утверждая ее истинность. Эти две вещи так тесно связаны в утвердительном предложении, что различие легко упустить из виду. Мы последовательно различаем: 1. схватывание мысли — мышление,

¹ Katz J.J. Propositional structure and illocutionary force: A Study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts. New York, 1977.

2. признание истинности мысли — акт суждения, 3. манифестацию этого суждения — ассерцию»¹.

Довольно распространенной среди философов языка является идея, что императивную модальность вводит определенный оператор, который присоединяется к корню предложения, который обычно отождествляется с пропозицией. Оператор императивности обычно формулируется в виде «Пусть будет фактом, что А», «Сделай так, что А» или «Позаботься о том, чтобы А». Под А подразумевается корень предложения, сформулированный в виде декларатива. Например, Мак Гинн² считает, что императиву *Закрой дверь!* соответствует корень *Дверь закрыта*. Однако содержанием императива не может быть состояние (дверь закрыта), содержанием императива может быть только действие (закрытие двери). Но самым слабым местом подобных операторов, по наблюдению современного исследователя семантики Р. Мастопа³, является то, что одно дело сказать, что кто-то позаботился о том, чтобы наступить вам на ногу, совсем другое — сказать, что кто-то наступил вам на ногу. Аналогичное замечание справедливо и для императивов. (*Купи хлеба!* и *Позаботься о том, чтобы купить хлеба!* — разные высказывания, второе подразумевает спланированную деятельность, а также, возможно, ряд препятствий на пути ее осуществления).

Если отказаться от постулата, что императивные высказывания имеют условие истинности, то становится очевидным, что анализ глубинной структуры императивов не может обнаружить в них условие истинности.

Ньюел Белнеп в работе «Declaratives Are Not Enough»⁴ отмечает, что часто под «предложением» в логике и философии языка подразумевается

¹ Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Философия, логика, язык. Пер. с англ. и нем. Сб. статей / Сост. и предисл. В.В. Петрова, общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М., 1987.

² McGinn C. Semantics for nonindicative sentences // *Philosophical Studies* 32, 1977. P. 301–311.

³ Mastop R. What can I do? Imperative mood in semantic theory. PhD dissertation, Amsterdam: Institute for Logic, Language and Computation, 2005.

⁴ Belnap N. Declaratives Are Not Enough // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 59. No. 1 (May, 1990). P. 1–30.

«утвердительное предложение» (декларатив), имеющее пропозицию и значение истинности, предложение, которое что-то сообщает и которое может играть роль в умозаключении в качестве предпосылки или вывода. Такой подход Белнеп называет «декларативной ловушкой» (Declarative Fallacy). Заблуждение – считать, что во всех предложениях может быть обнаружено прототипическое содержание декларативных предложений. Избежать «декларативной ловушки» поможет признание интеррогативов и императивов не только иначе маркированными, по сравнению с декларативами, но и обладающими принципиально другой содержательной структурой. Декларативы не должны рассматриваться как более фундаментальные или элементарные языковые единицы по сравнению с императивами.

Мастоп — современный исследователь философии языка — отсылает нас к объяснению Витгенштейна, что отрицательное высказывание не показывает иное положение вещей, а указывает на то, что описываемое положение вещей не существует, и, таким образом, утвердительное и отрицательное высказывания занимают два различных «логических места». Точно так же, считает Мастоп, императивы не показывают «картинку» (в терминах изобразительной концепции Витгенштейна), а приказывают «картинку». Императивность, как и негация, имеет свое «логическое место». Перечисляя различия между императивами и декларативами — императивы требуют агентивный глагол; не у всех императивов есть формально выраженный субъект, если он есть, то указывает на Адресат высказывания; императивы направлены в будущее — Мастоп приходит к выводу, что различие между декларативами и императивами не только в модальности (иллокутивной силе), но также и в содержании. Так же, как и Белнеп, Мастоп приходит к выводу, что императивы и декларативы показывают разные вещи. При этом он отмечает, что еще Фреге указывал на то, что значение приказов не может быть охарактеризовано по признаку истинности/ложности, то есть

приказы не содержат «мысль» (пропозиционное содержание). Императивы не являются синтаксическим вариантом декларативов и не могут быть охвачены семантической теорией истинности.

В отличие от предшествующей философско-лингвистической традиции, которая искала общую часть декларативов и императивов в пропозиции, корне предложения или «картинке», Р. Мастоп предлагает считать, что корреляция между императивами и декларативами заключается в «перспективном контрасте». То, что с одной точки зрения является выполнимым действием, с другой — наблюдаемый факт. Первая перспектива — это перспектива агенса до, вовремя (или во время планирования) действия. Вторая — перспектива наблюдателя вовремя или после (или во время воспоминания) события, участие в котором принимал агентс. В целом, как отмечает Мастоп, схожие императивные и декларативные высказывания (типа *Миша закрывает дверь* и *Миша, закрой дверь!*) имеют общую часть на более абстрактном уровне, чем пропозиция. Императивы имеют пост-условие (императив «осуществим», если приказанное действие выполнено; мир приведен в соответствие со словом), а декларативы имеют предварительное условие, пред-условие (декларатив истинен, если его пропозиция, семантическая константа, истинна; слово приведено в соответствие с миром).

2. Теоретические проблемы категории императивности в современной русистике

Существует целый ряд определений императива¹, при формулировке которых авторы либо пытаются найти некоторое универсальное значение, объединяющее как прямые, так и не прямые употребления императивных

¹ См. краткий обзор в работе *В.Ю. Гусева*. Типология специализированных глагольных форм императива. М., 2005. Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2005.

форм¹, либо отбрасывают не прямые употребления, в которых не выражено непосредственное обращение Говорящего к Адресату с побуждением к действию, и исходят исключительно из прямого, категориального значения императива². Приводимые ниже определения императива и императивности, на которые мы будем опираться в дальнейшем, основаны на втором, более узком подходе, при котором рассматриваются императивные формы в их прямом значении, а формы, не имеющие императивной семантики, не учитываются. Наша позиция основывается на том, что формулировки инвариантного значения императива в русском языке, основанные на поиске общих семантических признаков у всех его употреблений, оказываются малосодержательными³.

Согласно Русской грамматике 80, «значение побуждения, то есть представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-л. говорящий»⁴ является категориальным значением повелительного наклонения. В повелительном наклонении противопоставлены два ряда форм: 1) основные формы 2-го лица (ед. и мн. ч.): *возьми, говори, возьмите, говорите*, которые образуют ядро парадигмы, к которому примыкает 2) ряд форм совместного действия: *возьмем(те), будем(те) говорить, давай(те) говорить*. Формы совместного действия определяются как формы мн. ч., обозначающие побуждение, которое относится к двум или более лицам: к Адресату (или группе лиц, рассматриваемой в качестве Адресата) и к самому Говорящему⁵. Как отмечает А.В. Бондарко, «с основными формами императива их объединяют такие признаки, как значение побуждения,

¹ Напр., *Перцов Н.В.* Инварианты в русском словоизменении, М., 2001. С. 221–244; *Грабье В.* Семантика русского императива. М., 1983; *Ebeling C.L.* On the verbal predicate in Russian. The Hague, 1956; *Фортейн Э.* Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1.

² Как, напр., *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. М., 1986. С. 226–246.

³ *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. С. 109.

⁴ Русская грамматика / *Шведова Н.Ю.* (глав. ред). М., 1980. Т. 1. С. 620.

⁵ Там же. С. 622

императивная интонация, наличие аффикса *-те*. Однако эти формы отличаются от основных неполной парадигматичностью, недостаточностью формальной характеристики, ограниченностью охвата лексики, стилистическими ограничениями, особым отношением к лицу, не характерным для основных форм императива»¹.

В последнее время традиционное включение императива в ряд косвенных глагольных наклонений было пересмотрено. Разрабатывая вопрос о соотношении императива и глагольного наклонения, современные лингвисты, например, Л.С. Ермолаева², Д.А. Штелинг³, Р. Пазухин⁴, В.С. Храковский и А.П. Володин⁵, приходят к выводу, что, ввиду своих формальных (отличные от индикатива личные показатели, иная структурная организация парадигмы) и семантических особенностей (наличие дополнительного предиката волеизъявления, вследствие чего императив может быть охарактеризован как рамочная конструкция), а также специфической коммуникативной (апеллятивной) функции, императив не входит в состав категории глагольного наклонения. Следовательно, категория императивности, не являясь наклонением, не связана с выражением реальности/нереальности сообщаемого факта и в целом не имеет дескриптивного значения, которое могло бы быть охарактеризовано как реальное или нереальное.

Специфика императива состоит в его достаточно большой автономии как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане (императив, фактически являющийся перформативом, может употребляться без

¹ Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 25.

² Ермолаева Л.С. Типология системы наклонений в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 4.

³ Штелинг Д.А. О грамматическом статусе повелительного наклонения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 3.

⁴ Пазухин Р. Так называемое «повелительное наклонение» // *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan, 1975 (6).

⁵ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив, М., 2001.

языкового контекста, автономно). Помимо этого, императив в некоторых случаях может быть единственной формой лексемы. Как указывает А.А. Караванов¹, в современном русском языке имеются императивы несуществующих глаголов, например: *Постой!* (стой, подожди), *Посуди сам!* (суди сам), *Побойся бога!* (бойся бога) — во всех указанных примерах приставка «по-» не имеет значения «слегка, немного, некоторое время» (ср. *В зимнее время надо бы побережться от простуды*) и императивные формы не связаны с глаголами *постоять*, *посудить*, *побояться* и т. д. Также исследователь в указанной статье приводит примеры изолированных императивов, не относящихся к словоизменительным парадигмам существующих глаголов, например, *Поезжай!* По сути, *Поезжай!* — это супплетивная форма глагола *поехать*. Подобное явление может быть обнаружено и в английском языке, где есть императив *shut up!* (*заткнись*), не имеющий индикативных форм и на современном уровне не связанный с глаголом *to shut* (*закрывать*). Оформление глагола приставкой проходило не по лексеме в целом (то есть не по всем формам одновременно), а неравномерно по разным формам, и императив утратил связь с исходной лексемой в процессе развития языка. Это свидетельствует о большой автономности императива в рамках глагольных форм.

Вопрос о значении императивной категории и ее статусе в системе глагольных категорий является существенным для определения конституирующих ее элементов. Императив выражает прямое волеизъявление, или прямую речевую каузацию, относительно выполнения или невыполнения действия. Для более полного и точного определения значения императива обратимся к понятию императивной ситуации. Основными элементами императивной ситуации являются:

- 1) субъект волеизъявления;
- 2) субъект-исполнитель;

¹ Караванов А.А. К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 108.

3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, направленного на преобразование данной ситуации (СИТ1) в новую (СИТ2) ¹.

Схожее определение императивной ситуации дается и в работе «Sintaksa savremenoga srpskog jezika»: «Situativni okvir kategorije imperativnosti čine ... *govorno lice* u ulozi onoga koji podstiče na nešto, *sagovornik* u ulozi onoga koji se podstiče i *situacija koja se želi imperativnim iskazom ostvariti*» ² (курсив наш – В.С).

Таким образом, в императивной ситуации выделяются три макророли ³ – Говорящий (Прескриптор), Слушающий (Получатель прескрипции) и агенс каузируемой пропозиции (Исполнитель прескрипции). И если первые две макророли определены самой структурой речевой ситуации (Говорящий — субъект апелляции и субъект каузации, Слушающий — объект апелляции), то информация о том, кто является Исполнителем действия (объектом каузации) неопределенна и представляет содержательную составляющую высказывания.

Модель структуры содержания императивных высказываний ⁴ включает в себя:

1. план прескрипции (иллокутивный акт) и его участников: Прескриптора, Исполнителя и иногда Транслятора, передающего прескрипцию от Прескриптора Исполнителю;
2. план коммуникации (локутивный акт) — Говорящий, Адресат или Адресаты и лица, не участвующие в коммуникативном акте; (участники локутивного и иллокутивного актов не всегда совпадают, например, Адресат не всегда является Исполнителем);

¹ Бондарко А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2, М, 1990. С. 4–9.

² Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. С. 660.

³ Долинина И.Б. Императивная парадигма: содержательная структура и механизмы маркировки // Типология императивных конструкций. СПб., 1990. С. 281.

⁴ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций, СПб., 1992, а также Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994.

3. план каузируемого положения вещей (пропозициональный план);
4. перлокутивный план, имеющий отношение к следствиям побуждения к действию.

Наиболее универсальное и обобщенное значение императива сформулировано в работе Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского «Повелительные предложения: проблема теории»: «Повелительными можно называть положительные/отрицательные предложения, в которых выражается идея прямой речевой каузации, интерпретируемая следующим образом: (не) желая исполнения действия Р, которое в момент речи t либо не исполняется, либо исполняется, Говорящий сообщает Слушающему, кто (не) должен быть Агенсом действия Р, и пытается каузировать (не)исполнение действия Р самим фактом этого сообщения»¹.

Остановимся подробнее на соотношении локутивного и иллюкутивных планов, то есть на соотношении ролей участников императивной ситуации и участников коммуникативного акта. На соответствии и несоответствии участников рассматриваемых планов Л.А. Бирюлин строит классификацию императивных высказываний, состоящую из четырех логически возможных пунктов:

1. Говорящий = Прескриптор, Слушающий = Исполнитель;
2. Говорящий = Прескриптор, Слушающий \neq Исполнитель;
3. Говорящий \neq Прескриптор, Слушающий = Исполнитель;
4. Говорящий \neq Прескриптор, Слушающий \neq Исполнитель.

Первый и второй тип могут вызвать сомнения лишь у приверженцев самого узкого взгляда на императив, отрицающих императивность форм совместного действия (1-е лицо мн. ч.) и форм типа *пусть поют* (3-е лицо ед., мн. ч), когда Исполнителем является лицо, не участвующее в коммуникативном акте, а Адресат играет роль Транслятора. Случаи, когда

¹ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 7.

Говорящий не равен Прескриптору, представляются нам более интересными и заслуживающими внимания.

Третий тип Говорящий \neq Прескриптор, Слушающий = Исполнитель характерен исключительно при прямой речи, когда Говорящий является Транслятором, а Прескриптор не участвует в коммуникации:

Джерри просил передать: «Береги сына» — Говорящий = Транслятор, Джерри = Прескриптор, не участвующий в коммуникации, Адресат = Исполнитель.

Четвертый тип Говорящий \neq Прескриптор, Слушающий \neq Исполнитель также встречается при прямой речи:

Майку Джерри просил передать: «Береги сына» — Говорящий = Транслятор, Джерри (3-е лицо) = Прескриптор, не участвующий в коммуникации, Адресат \neq Исполнитель.

Поступил приказ благоверной: «Разморозь холодильник!» Ну, и как это сделать? Говорящий = Транслятор = Исполнитель, благоверная (3-е лицо) = Прескриптор, не участвующий в коммуникации, Адресат \neq Исполнитель.

В данных ситуациях Говорящий цитирует чужую прескрипцию. Изолированно от речи Говорящего рассматриваемые императивные высказывания являются самыми обычными и типичными.

Эти случаи, пусть и не самые частотные, могут быть выделены в отдельные типы императивных высказываний. Хотя, возможно, если Говорящий именно таким образом, а не с помощью придаточного, желает выразить прескрипцию, то он просто разыгрывает роль Прескриптора или отождествляет себя с ним. Или, с другой стороны, Прескриптор, как иллюкутивная роль, имеет двух референтов: автора прескрипции и автора высказывания.

Есть еще один случай, когда Прескриптор не совпадает с Говорящим, — это случай нереферентного Прескриптора в высказываниях типа:

Всем встать! Суд идет.

Принимать один раз в день натошак.

Подобные случаи надо отличать от «гномического императива» типа:

Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит.

На чужой каравай рот не разевай.

Подобные универсальные высказывания с нереферентными Прескриптором и Исполнителем уже не являются императивными в собственном смысле слова, а называются императивными лишь условно. Не являются они императивными, поскольку в них утрачены основные признаки императивности, речь о которых пойдет ниже.

Точно так же не являются императивными высказывания, приводимые Л.А. Бирюлиным в качестве примеров четвертого типа:

Все ушли, а я сиди дома и работай!

Они там революцию устраивают, а мы обезьян жри!

Л.А. Бирюлин склонен видеть в подобных высказываниях императивные высказывания с акцентированным значением долженствования, хотя и отмечает, что они являются переходным типом к императивам с нестандартной семантикой. Н.Ю. Шведова¹ относит подобные высказывания к особому деонтическому (долженствовательному) наклонению. Не касаясь вопроса о деонтическом наклонении, отметим, что мы также не считаем подобные высказывания императивными, поскольку в них, как и в «гномическом императиве» (а также в целом ряде других «императивов»), отсутствуют обязательные компоненты императивной семантики: каузативность и перформативность.

В связи с императивом как грамматикализованным средством выражения побуждения в научной литературе упоминаются также гортатив (побуждение к совместному действию), юссив (косвенное побуждение, побуждение 3-го лица), прохибитив (отрицательное побуждение, запрет действия), адмонитив (предостережение относительно возможных

¹ Шведова Н.Ю. О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма. М., 1974.

негативных последствий планируемого действия). Мы склонны исходить из «расширенного» понимания императива, наиболее полно представленного в концепции В.С. Храковского и А.П. Володина¹.

Эти вопросы будут рассмотрены в дальнейшем в главах II и III, но сначала обратимся к работам сербских лингвистов, посвященным императивности.

3. Изучение императива и императивности в современной сербистике

О малой изученности императива в сербистике пишет Срето Танасич в работе «О императиву у савременом српском језику»². Исследователь отмечает, что зачастую в учебных грамматиках не дается даже полного обзора существующих императивных форм. Исключением является фундаментальный труд Михаило Стевановича, где, помимо детального перечисления императивных форм, также дается краткий обзор непрямых употреблений форм императива, например, повествовательный и гномический императив.

Большой вклад в изучение сербского императива внесла Милка Ивич своей работой «Словенски императив уз негацију»³, в которой рассматривается связь императивности и видо-временной категории у отрицательных императивных форм. Исследователь отмечает, что общеизвестным фактом является то, что среди отрицательных форм императива более частотными являются формы несовершенного вида, и приходит к выводу, что отрицательный императив имеет два значения: прекращение действия и предупреждение. Для прекращения текущего действия используется только несовершенный вид, а когда действие не

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

² Tanasić S. O imperativu u savremenom srpskom jeziku // Sintaksičke teme. Beograd, 2009.

³ Ivić M. Slovenski impertiv uz negaciju // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine X, knj. 4. Sarajevo, 1958.

совершается, и высказывание имеет значение предупреждения, могут использоваться оба вида — на этом участке существует межвидовая конкуренция, и в современных славянских языках несовершенный вид вытесняет совершенный. Кроме того, Милка Ивич считает, что в славянских языках существует тенденция к морфологическому разграничению двух значений — прекращение действия и предупреждение. В сербском языке эти два значения распределяются между простой отрицательной формой (*ne radi to*), выражающей запрет, относящийся к уже совершающемуся действию, и аналитической, перифрастической формой (*nemoj to da radiš*), имеющей значение предупреждения. Однако, как отмечает Срето Танасич, в некоторых речевых ситуациях запрет выражается не отрицательной, а утвердительной формой императива.

Prekini! Prestani! Ostavi to!

ср. в русском – *Прекрати! Перестань! Отстань!*

Кроме того, Танасич уделяет внимание глаголам, не допускающим образования императивных форм в силу их семантических особенностей, а также выражению императивного значения без употребления императивных форм. Первой, кто затронул в сербистике тему императивного значения презентных форм, была Татьяна Батистич¹. Срето Танасич отмечает, что глаголы *morati*, *smeti*, *moći* (*долженствовать, сметь, мочь*), разумеется, не всегда выражают императивное значение, однако более подробное описание, к сожалению, отсутствует.

Краткий обзор форм и значений императива, как прямых, так и переносных, дается в грамматических работах Лалевича², Миновича³, Марковича⁴, Станойича⁵ и Маретича¹. Каждый из перечисленных авторов

¹ *Batistić T.* O nekim pitanjima u vezi sa analizom glagola *morati* i *moći* // *Južnoslovenski filolog XXXIX*. Beograd, 1983.

² *Lalević M.* Sintaksa srpskohrvatskog književnog jezika. Beograd, 1962.

³ *Minović M.* Sintaksa srpskohrvatskog – hrvatskosrpskog književnog jezika. Sarajevo, 1987.

⁴ *Marković M.* Morfolofija savremenog srpskohrvatskog književnog jezika sa osnovama istorije jezika. Sarajevo, 1967.

⁵ *Stanojčić Ž. S.* Gramatika srpskog književnog jezika. Beograd, 2010.

имеет свой взгляд как на семантику императивности, так и на количество императивных форм в сербском языке. Пункты расхождения между исследователями указывают на проблемные зоны категории императивности. Особые разногласия вызывает включение или невключение форм 1-го и 3-го лица в зависимости от трактовки значения императива и императивной ситуации. Наиболее радикальным автором можно считать М. Марковича, который ограничивает парадигму императива исключительно формами 2-го лица и считает, что приказание, которое выражает императив, не может относиться к самому себе или к отсутствующим лицам. Желательность действия лица, не участвующего в коммуникативном акте, выражается 3-м лицом² настоящим временем с частицей *neka*. Автор довольно подробно останавливается на истории суффикса, с помощью которого образуются формы 2-го лица, но почему-то не упоминает синтетическую форму 1-го лица мн. ч., которая в сербском языке имеет тот же самый суффикс.

Схожая позиция излагается в работе М. Миновича, который отмечает, что морфолого-синтаксическая особенность императива вытекает из его употребления – выражения повеления, а непосредственно повелевать можно только 2-му лицу. Однако Минович признает существование императивной формы 1-го лица мн. ч. У 1-го лица ед. ч. и у 3-го лица форм императива нет, но решимость совершить действие (для 1-го лица ед.ч.) можно выразить оборотом *hajde da + наст. вр.*, где частица *hajde* названа «повелительной», а просьба или пожелание 3-му лицу выражается описательно при помощи форм настоящего времени и частицы *neka* или *da*.

М. Лалевич в работе «*Sintaksa srpskohrvatskog književnog jezika*» исходит из того, что императив выражает повеление, как прямое, так и опосредованное, 3-му лицу. Опосредованное повеление передается через 2-е лицо, т. е. Слушающего. В другой своей работе — «*Kategorije reči*

¹ *Maretić T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.*

² Под 3-м лицом мы будем подразумевать не только грамматические формы, но и лицо (персону), не принимающее непосредственного участия в коммуникативном акте, но могущее быть Исполнителем прескрипции.

srpskohrvatskog jezika»¹ — автор при разборе категории наклонения делает интересное наблюдение: окончания императива могут присоединяться к некоторым восклицательным частицам (*nu-te*, *gle-te*), а также местоимениям (*ovamo-te*). Среди подобных образований упоминается и побудительная частица *hajde-mo*, которая подробнее будет нами рассмотрена в 3-й главе. Как отмечает Лалевич, иногда императивные окончания 1-го лица мн. ч. и 2-го лица мн. ч. могут присоединяться одновременно (*ponesi-mo-te*). К сожалению, в работе не даны контексты, из которых можно было бы понять значение лица этой формы, а также не указывается, в каких ареалах встречаются подобные императивные формы. Видимо, их сравнительно редкая частотность и яркая диалектность, воспринимаемая как «неправильность», стали причиной, по которой остальные исследователи сербского императива не включили формы с двумя окончаниями в список рассматриваемых форм.

Еще одним дискуссионным вопросом является вовлеченность в категорию императивности не собственно императивных форм, выражающих схожее значение. Т. Маретич² кратко упоминает также описательные формы, то есть формы настоящего времени (в т. ч. и 1-го лица ед. ч.) с частицами *da* и *neka* (*da pleteš*, *neka pletem*, *da pletemo*, *neka pletu*) и отмечает, что значение их идентично значениям императивных форм, а основным значением императива он выделяет «желание» (*Temeljno je značenje imperativa želja*³), а приказание выделяет в качестве остро выраженного желания.

В целом можно отметить, что в сербистике значение императивности сращено с желательностью, и зачастую императивность определяется через желательность, хотя, с одной стороны, чисто умозрительно, приказ не всегда подразумевает желательность действия для Говорящего, с другой — необходимо различение категорий императивности и оптативности. То, что

¹ *Lalević M.* Kategorije srpskohrvatskog književnog jezika. Beograd, 1957.

² *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963. S. 625.

³ Там же. С. 624.

императив может быть описан без привлечения категории желательности, прекрасно продемонстрировано в коллективной работе «Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije»¹, где императив рассматривается как составная часть категориального комплекса апеллятивности, или директивности, которая объединяет элементы с функциональной направленностью высказывания на Слушающего. И, если вокативность и интеррогативность — категории с прагматической функцией управления речевой деятельностью Слушающего, то императивность, прежде всего, ориентирована на управление неречевой деятельностью. Однако в этой же работе² оптативность определяется как значение, выражающее желание и близкое императивности, отличающееся от последней лишь меньшей степенью директивности. В некоторых случаях грамматические формы императива считаются носителями оптативного значения:

Hleb naš nasušni daj nam danas.

Работу Эгона Фекете³ открывает определение императива, среди частных значений которого перечисляется оптатив. В целом, одним из недостатков подхода к императивности в сербистике можно считать отсутствие обобщения, вместо которого в определениях предлагается перечисление частных значений (...imperativ je oblik za označavanje modusa zarovesti, zahteva ili molbe⁴).

В наиболее полной и авторитетной на сегодняшний день описательной грамматике сербского языка — SSSJ⁵ — императивность определяется как семантическая категория, которая охватывает значения и формы, выражающие побуждение к действию с той или иной интенсивностью. Для

¹ Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije. U redakciji Predraga Pipera. Beograd, 2009.

² Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije. U redakciji Predraga Pipera. Beograd, 2009.

³ Fekete E. Morfološki i semantičko-sintasički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog. LXIV (2008).

⁴ Stanojčić Ž.S. Gramatika srpskog književnog jezika. Beograd 2010. S. 374.

⁵ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005.

типичного императивного значения характерна высокая степень побуждательности, в то время как на периферии категории интенсивность побуждения снижается и смешивается с другими значениями. Попытка описания семантики императива в отрыве от семантики желательности представляется нам исключительно важной. И императив, и оптатив являются модальными категориями и выражают отношение Говорящего к содержанию высказывания. При этом оптатив выражает непосредственное желание Говорящего, чтобы то или иное действие имело или не имело место в действительности:

Da Bog da te voda odnjela

Da Bog da te keva našla u kinder jajetu, a nemala sličicu da te sastavi.

Bog ti dao sreće i zdravlja

Samo da smo mi živi i zdravi

Nek ti bude krivo

Nek ti je sa srećom.

Императив же выражает не представление Говорящего о желательном, а его представление о должном. Чтобы привести текущую ситуацию в соответствие со своим представлением о должном, Говорящий произносит императивное высказывание. При этом должное не всегда соотнесено с желательным, оно может быть индифферентно в отношении желательности/нежелательности (*Prebran pasulj potopite u hladnu vodu*), должное может противоречить желаемому, хотя, конечно, в большинстве случаев и в прототипической ситуации должное, приказываемое императивом, совпадает с желаемым. А.В. Бондарко¹ выделяет бенефактивность каузируемого действия как особый элемент императивной ситуации. Подобный подход является, безусловно, более продуктивным, чем сближение императивной семантики с оптативом. Однако подобное сближение в сербистике обосновано тем, что характерная для сербского

¹ Бондарко А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2, М., 1990.

языка конструкция *da + наст. вр.* может иметь как оптативное, так и императивное значение. Их различие вне контекста не всегда возможно, и включение конструкции *da + наст. вр.* в парадигму форм сербского императива является одним из дискуссионных пунктов современной сербистики.

Сопоставительному изучению сербского и русского императива посвящена глава работы Б. Тошовича¹ «Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков». Однако автора интересует не столько грамматико-семантическая сторона проблемы, сколько экспрессивный потенциал императивных форм, их стилистические функции, коннотации и употребление в текстах. Несмотря на указанный в заглавии компаративный подход, исследование в целом посвящено русскому языку, и примеры из сербского языка играют вспомогательную роль.

Отдельно можно отметить работу Дж. Костица «Operativna gramatika srpskohrvatskog jezika»², в которой рассматривается не семантика императива, а утрата супraseгментных различий между формой императива (*sedī*, 2-е лицо ед. ч. с коротким нисходящим акцентом) и формой настоящего времени (*sedī*, 3-е лицо ед. ч. с коротким восходящим акцентом). Утрата фонетического дифференциального признака, тем не менее, не сказывается на возможности различать глагольные формы в контексте высказывания.

Отдельного упоминания заслуживает русскоязычная работа сербского лингвиста Дойчила Войводича «Перформативное микрополе прескриптивности»³, в которой прескриптивность (побуждение к действию) рассматривается как в рамках функционально-семантического поля перформативности, так и в составе функционально-семантического поля императивности. Несмотря на то, что в фокусе внимания исследователя

¹ Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков, М., 2006.

² Kostić Đ. Operativna gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1987. S. 278–281.

³ Войводич Д. Перформативное поле прескриптивности // Zbornik matice srpske za filologiju i lingvistiku. Novi Sad, 2000 (N 43).

находятся перформативные глаголы, а не императивные формы, он отмечает, что в основе функционально-семантического микрополя прескриптивности лежит императивная категориальная ситуация. Таким образом, высказывания, составляющие центр функционально-семантического микрополя прескриптивности, выражают императивную категориальную ситуацию, но не средствами повелительного наклонения, а средствами лексической группы перформативных глаголов в изъявительном наклонении.

Непрямому выражению императивности посвящена работа Алины Масловой «Semantičko-pragmatičke osobine indirektnog izražavanja imperativnosti»¹, где рассматриваются иллокутивные цели императивных косвенных речевых актов и способы выражения не прямой императивности. Среди средств выражения не прямой императивности исследователь выделяет вопрос, вопрос с отрицанием, вопрос с кондиционалом, конструкции с модальными глаголами «хотеть» и «мочь» (*hteti, moći*), вопросительные конструкции с *hteti*, характерные для сербского языка (*Hoćemo li da pogledamo jednu seriju?*). Однако, как отмечает и сам автор, часто вопросительные конструкции употребляются в косвенных речевых актах, значение которых не установлено и не детерминировано в языке, и их связь с категорией императивности может быть оспорена. Еще более дискуссионными являются некоторые случаи императивных косвенных речевых актов в утвердительной форме. Возникает вопрос, насколько правомерно прочтение индикативных высказываний, обозначающих эксплицитное или имплицитное побуждение к действию, как императивных. Равнозначны ли высказывания:

Želim da uzmem svoje stvari (Я хочу взять свои вещи) и

Dajte mi moje stvari (Дайте мне мои вещи)?

Вполне возможно, что высказывание в индикативе не относится к императивным, даже к непрямым. Подобное расширение категории

¹ Maslova A. Semantičko-pragmatičke osobine indirektnog izražavanja imperativnosti // Semantička proučavanja srpskog jezika. Beograd, 2008.

императивности приводит к утрате специфики императивной семантики и размыванию границ императивной ситуации. Попытки выявить императивную семантику в примерах типа

- Dosadno mi je. – Kad budem slobadan, javiću se (- Мне скучно. – Я позвоню, когда освобожусь)

не являются продуктивными. Императивные высказывания представляют собой лишь часть директивных речевых актов, и в данном случае распространять значение части на целое неправомерно. Высказывания с модальными глаголами (*Я хочу взять свои вещи; Вы можете идти*) или с перформативными глаголами (*Разрешаю вам удалиться*) являются не императивными, а декларативными, поскольку описывают некоторое положение вещей или состояние Говорящего. Сама по себе иллокутивная цель является недостаточным условием для причисления высказывания к императивному и выделения императивной семантики — коммуникативное намерение должно быть специфически организовано. И важнейшим условием причисления высказывания к императивным является отсутствие ассерции, или утверждаемого содержания. Попытка выявить императивную семантику во всех директивных речевых актах, включая косвенные, является такой же крайностью, как попытка подвести общее императивное значение под все случаи употребления императивных форм¹. Разумным нам представляется срединный путь, который признает существование форм, омонимичных императивным, но не имеющих императивной семантики (*а он возьми да и убеги*), с одной стороны, и директивных высказываний, имеющих побудительную, но не императивную семантику, — с другой (*Тебе надо держаться с Анной поласковой*).

¹ Напр., Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 1.

4. Императивность как особая семантическая категория

Понятие «императивность» нередко употребляется как интуитивно понятное. В определениях встречаются как перечисления частных значений (ПРИКАЗ, ПРОСЬБА, МОЛЬБА), так и предельно обобщенные, размытые формулировки (типа «наличие импульса к совершению действия»¹).

Функционально-семантической категории императивности посвящена работа А.И. Изотова «Императивность как прагмалингвистический феномен»², в которой автор разделяет

1. категориальную (прямую) императивность, когда императивная семантика выражается специфическими грамматическими (морфологическими и синтаксическими) формами, и
2. некатегориальную (косвенную) императивность, когда императивная семантика передается несобственно императивными способами.

Некатегориальная императивность подразделяется на:

(2а) *эксплицитную*, когда императивный смысл выражается через вопрос, оптативность или будущее время индикатива, и

(2б) *имплицитную*, когда императивная семантика имплицитируется пропозитивным содержанием высказывания.

Однако, на наш взгляд, довольно сложно объединить в одну категорию высказывания типа:

Купите хлеба! (категориальная императивность),

Не могли бы вы купить хлеба? (эксплицитная некатегориальная императивность) и

Мы хотим хлеба! (имплицитная некатегориальная императивность).

У всех трех приведенных высказываний можно выделить общую семантическую часть — побудительность (директивность) и желательность, а

¹ Там же. С. 3.

² *Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008. С.13-14.

также общую иллокутивную цель — воздействие на поведение Адресата. Но, на наш взгляд, этих двух условий недостаточно для того, чтобы определить все три высказывания как императивные.

Как уже отмечалось, А.В. Бондарко была разработано понятие императивной ситуации¹, а Л.А. Бирюлиным — многоплановая модель структуры содержания императивных высказываний². Опираясь на их работы и на работы В.Ю. Гусева³ и В.Б. Касевича⁴, мы хотели бы предложить понимание императивности как совокупности некоторых обязательных значений, которые позволяют отделить императивные высказывания от всех остальных, а также сформулировать специфику семантики императива.

Важнейшим условием императивности является значение каузального воздействия. Употребление императивной формы (морфологической или синтаксической) — это грамматический способ выразить значение «каузирую». На лексическом уровне каузативность представлена особыми лексемами (*взрывать* — каузировать взрыв, *плавить* — каузировать переход в жидкое состояние, *убивать* — каузировать смерть), на словообразовательном — особыми словообразовательными средствами (*тонить* — каузировать тонуть, *ставить* — каузировать стоять). Морфологический уровень, когда семантика каузального воздействия регулярно передается служебным аффиксом, не меняющим лексического значения, в славянских языках отсутствует. (Пары типа *белеть* — *белить* слишком малочислены, нерегулярны, и каждый член пары является самостоятельной лексической единицей, следовательно, при рассмотрении

¹ Бондарко А.В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 80.

² Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994

³ Гусев В.Ю. «Типология специализированных глагольных форм императива». Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2005.

⁴ Касевич В.Б. Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-логические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990.

подобных пар речь идет о словообразовании, а не о формообразовании). Однако сема каузативности обязательно выражается формами императива. Формы императива типа *купи, купите* обозначает «каузирую действие, названное основой, для того или иного Исполнителя» (лицо и число императива являются смысловыми, а не согласовательными категориями). Отличием от морфологического каузатива является то, что у императивов совпадает план содержания и план выражения — действие не называется (*ты его смешишь — каузируешь смеяться*), а произнесение и есть действие (*рассмеши его — я тебя каузирую заставить его смеяться*). Это сближает императивные высказывания с перформативными. Перформативность на лексическом уровне выражается особыми лексемами, произнесение которых является реализацией ситуации (*клянусь, провозглашаю*). На грамматическом уровне перформативность выражается императивными формами, высказывание с императивом является действием — каузальным воздействием на Адресат.

Контролируемость, под которой обычно понимается зависимость/независимость ситуации от воли субъекта (то есть агентивность субъекта), является еще одним необходимым компонентом императивности¹. Контроль Прескриптора (или, по крайней мере, предположение о наличии контроля) над Исполнителем является необходимым условием успешности императивного высказывания (другим немаловажным аспектом контроля является то, что Исполнитель должен быть в состоянии контролировать исполняемое действие)².

Таким образом, если мы попробуем дать определение категории императивности, то нам понадобится определить семантические

¹ См. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2005.

² Бергельсон М.Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / Ред. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. М., 1990. С. 13–18.

составляющие значения императивности (а не функциональные подтипы и не способы выражения).

Обязательными составляющими императивности являются значения:

1. каузативность
2. перформативность
3. контролируемость.

Без этих семантических компонентов высказывание не может быть охарактеризовано как императивное, даже если в нем присутствует глагольная императивная форма.

Довольно часто императивность определяется через побуждение, например, как средство побуждения. Побуждение также рассматривается как цель императивного высказывания или как ситуация, лежащая в основе императива. Иногда побудительность (директивность) и императивность используются в качестве синонимов. Категория побуждения представляется нам более общей и более абстрактной категорией.

Желательность, которую часто постулируют в качестве условия побуждения¹, не является обязательным семантическим компонентом императивности.

Выключи уродов! Я неохотно приказал — и экран отключился.

¹ Напр., *Бирюлин Л.А.* Презумпции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика. М., 1990. С. 164: Презумпция побуждения включает в себя четыре типа условий:

- 1) данный акт рассматривается как попытка воздействующего лица (прескриптора) добиться того, чтобы воздействуемое лицо (исполнитель) сделал нечто,
- 2) прескриптор хочет, чтобы исполнитель сделал нечто,
- 3) момент времени совершения действия исполнителем должен быть позже момента времени произнесения побуждения,
- 4) существуют предварительные условия:
 - а) исполнитель в состоянии сделать нечто,
 - б) прескриптор полагает, что исполнитель в состоянии сделать нечто,
 - в) исполнитель вряд ли сделает это по своей воле при нормальном течении событий,
 - г) состояние, которое является результатом действия, не имеет места.

– О, сеньор! Позвольте поздравить вас с сыном! Замечательный мальчик, вы только посмотрите! Весь в отца! Гидальго! – Покажите, — неохотно приказал Абель.

– Вот и он, — сказал Трампус. — Прикажете ему открыть чемодан. - Откройте эту коробку, — неохотно приказал Тикач.

– Сколько на спидометре? - Сто двадцать. - Сбавь маленько, — неохотно распорядился маршал.

Вортенберг остановился как вкопанный. – Колонна, стой! — неохотно командовал он. - Это те, кто нам нужен, оберштурмфюрер.

– По местам стоять! К вспытию! — скрепя сердце, командовал Шумков.

Вместо желательности, на наш взгляд, уместнее говорить о значении долженствования. Каузируемая ситуация представляется Говорящему должной, но необязательно желательной. Точно так же Исполнитель не всегда желает выполнять прескрипцию, но зачастую вынужден.

Средства выражения императивности не ограничиваются морфологическими формами повелительного наклонения. Так, например, императивность может быть выражена при помощи индикатива: *Берешь швабру и драишь палубу! А ну быстро взял швабру!* Эти высказывания соответствуют условиям императивности: каузация, перформативность, отсутствие пропозиции и ассерции. Единственное отличие этих форм от собственно императивных с аффиксом *-и-* — в дополнительной эмоциональной окраске и меньшей частотности употребления. В примерах *Отходим!* и *Пошли думы!* (в значении *Установите дымовую завесу*) дополнительное значение эмоциональности не выделяется, они характерны для специфической речевой ситуации, которая лежит в основе функционально-семантического микрополя Приказа, однако они полностью удовлетворяют требованиям категории императивности. То же самое относится к инфинитивам — *Стоять; Лежать; Усилить наблюдение* — и к

неглагольным формам императива — *Кругом; В штыки; Отход двести; Саперы на грунт*. Эти и приведенные выше примеры выражают императивную семантику средствами других грамматических категорий и могут считаться некатегориальными средствами объективации императивности. Однако нет никакой необходимости включать в число императивных высказывания типа *Вам бы усилить наблюдение! Не примкнете ли вы штыки?*

Очевидно, некоторые императивы поддаются переформулировке в соответствии с требованиями категории вежливости (но при этом они теряют категоричность) — *Передайте соль! Не передадите ли соль?* В то время как другие подобной переформулировке не поддаются (теряется смысл и понимание ситуации) — императив *Ложись!* в вежливой форме *Не ляжете ли вы?* вызовет комический эффект, а не каузацию требуемой ситуации. Возможно, просьбы уместнее рассматривать в рамках категории вежливости, а не в рамках категории императивности.

Что же касается косвенных речевых актов, которых мы уже касались ранее, то, разумеется, фраза *Мы хотим есть* может в контексте иметь смысл *Дайте нам есть*, но точно так же *Дайте нам есть* может подразумевать *Мы хотим есть*, и вопрос, какой смысл первичен и почему данный пример иллюстрирует категорию императивности, а не оптативности, остается открытым. Как уже упоминалось, не каждое императивное высказывание подразумевает желательность каузируемого действия (*Начинайте полиглюин* ≠ *Я хочу, чтобы вы начали капать полиглюин*), а желательность действия (*Перекурить бы!*) не всегда непосредственно связана с каузацией.

В целом отметим, что в любом языке существуют несколько типичных способов вежливого выражения побуждения, включая косвенные речевые акты, суть которых именно в том, чтобы снять категоричность, присущую императивности, но добиться максимально схожего перлокутивного эффекта, то есть выполнения желаемого действия. Основным условием вежливости

как раз является устранение категоричности и предоставление Адресату (Исполнителю) свободу выбора (иногда мнимую). Ситуации ПРОСЬБЫ (*купи хлеба*), СОВЕТА (*прими лекарство*) и ПРИГЛАШЕНИЯ (*приходи к нам в гости*) являются частными разновидностями директивных речевых актов и часто рассматриваются как частные случаи категории императивности. В подобных речевых ситуациях возможно использование императива, однако эти же ситуации и образуемые ими функционально-семантические микрополя управляются дискурсивной категорией вежливости. В этих трех речевых ситуациях Говорящий может выбрать речевую стратегию — вежливую или категоричную, и выбор обычно зависит от экстралингвистических причин. Если Говорящий выбирает вежливую стратегию (*ты не купишь хлеба? принял бы ты лекарство; тебе лучше принять лекарство; вы бы хотели прийти к нам в гости?*), то он автоматически использует вопросительную форму (часто с отрицанием), сослагательное наклонение, иногда дополнительные формулы вежливости (*не будете ли вы так любезны передать соль?*), а ситуация часто переориентируется с Адресата на Говорящего (*покажите документы — разрешите взглянуть на ваши документы; верните книгу — могу ли я получить книгу обратно? дайте ваш телефонный номер — не могу ли я записать ваш телефонный номер?*)¹. Также категория вежливости требует нивелировать контроль Говорящего, и этим она напрямую противоречит категории императивности. Категория вежливости предписывает употребление опатива, который характеризуется отсутствием контроля (в противоположность императиву).

При использовании вежливой стратегии наблюдается разрыв между намерением Говорящего и формой его высказывания. Очевидно, что подобная стратегия не может быть применена ко всем директивным высказываниям, в ряде ситуаций она неуместна (*Готовьте операционное*

¹ Подробнее о категории вежливости см. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.

поле), в ряде случаев она факультативна (*Предъявите документы*), в ряде случаев она обязательна или крайне желательна (*Вы не могли бы повторить домашнее задание?*). Так или иначе, в тех случаях, когда она используется, она нивелирует императивность. Не любое директивное высказывание является императивным, императивные высказывания являются подклассом директивных, несмотря на то, что у них общая интенция, императивные высказывания имеют специфическую форму выражения и специфическую семантическую организацию.

С другой стороны, существуют вопросы, которые тоже иногда причисляют к средствам выражения императивности — это вопросы типа *Что я должен делать?*; *Когда мне приходится?*; *Кто должен прийти?* и так далее. В.Ю. Гусев, опираясь на албанский, чувашский и алеутский языки, в которых возможна императивная форма глагола в вопросительном предложении, считает, что в семантике императивов нет ничего, что мешало бы их использованию в вопросительных высказываниях, в так называемых «вопросах о повелении».

«...человек просит (или требует, или умоляет) мальчика нарисовать дом. Его высказывание можно условно обозначить как 'Imp(Мальчик рисует дом)' (Нарисуй дом!). Но в последней структуре любую составляющую также можно заменить вопросом... Мы получим выражения типа 'Imp(Мальчик рисует Q)' (Что тебе нужно нарисовать?), 'Imp(Q рисует дом)' (Кто должен нарисовать дом), 'Q(Imp(Мальчик рисует дом))' (Ты должен нарисовать дом?) и т. д.»¹.

Однако, как нам представляется, дело не в том, что в подобных высказываниях совмещается два типа речевых актов, а том, что, во-первых, декларатив *Мальчик рисует дом* и императив *Мальчик, нарисуй дом* не связаны отношениями производности и императив не является модифицированным декларативом, о чем шла речь ранее. Во-вторых,

¹ Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 36.

очевидно, что при постановке вопроса теряется каузативность и перформативность.

Мы согласны, что существуют «вопросы о повелении» (как существует управление действиями Адресата, так же существует и запрос на подобное управление), а также то, что в ряде языков в подобных вопросах употребляются морфологические формы императива. Проблема только в том, сохраняется ли при этом у данных форм императивная семантика, или она утрачивается, как, например, в так называемом «уступительном императиве» (*Что ни говорите, а тяжёл наш писательский труд!*), «условном императиве» (*Как ты ни крути, но мы не пара*), «драматическом императиве» (*Ей пришла шальная мысль выпроводить негодяя, а он возьми и стукни ее по голове*), «гномическом императиве» (*Krsti vuka, a vuk u goru; На чужой каравай рот не разевай*). «Императивные вопросы» нам представляются еще одной попыткой «объять необъятное», то есть объединить все случаи употребления морфологической формы императива общим значением. Возможно, было бы проще считать, что в ряде случаев императивное значение формами утрачено и заменено другими значениями.

В I главе мы рассмотрели теоретические вопросы, связанные с семантикой императива, и различные подходы к пониманию императивности. Было сформулировано определение императивного значения как совокупности обязательных значений, которые позволяют выделить императивные высказывания среди других типов. Исходя из предложенного определения семантики императива, мы будем исходить в дальнейшем при описании средств ее объективации. Императивным мы считаем такое значение, которое обладает семантическими признаками 1) каузативности (императивное высказывание каузирует действие в экстралингвистической реальности), 2) перформативности (у императивного высказывания совпадает план содержания и план выражения, произнесение

императива является неречевым поступком) и 3) контролируемости (наличие в императивном высказывании предиката с агентивным субъектом).

В дальнейшем в нашей работе будут рассмотрены оптативные и вопросительные высказывания, а также косвенные речевые акты в качестве некатегориальных средств выражения императивности. Таким образом, наша работа посвящена глагольным специализированным, глагольным неспециализированным, а также неглагольным неспециализированным средствам объективации категории императивности, речь о которых пойдет в главе V.

Г л а в а I I

Ядро категории императивности

Вторая глава посвящена ядру категории императивности в сравниваемых языках, особенностям структуры ядра и специфике взаимодействия императивности с другими глагольными категориями.

Императивная ситуация — это речевая ситуация, в которой Говорящий управляет поведением Адресата. Она проецируется на грамматические значения — Говорящий должен выбрать определенные формы для выражаемой категориальной ситуации. В русском и сербском языках существует множество различных средств объективации императивной семантики. Например:

Руки за голову!

А ну-ка все быстренько проснулись!

А теперь все смотрят на экран!

Da ste smesta ustali!

Lažni profili i fantomi — marš odavde!

A sad svi gledaju ovamo!

Все вышеприведенные высказывания имеют императивное значение, хотя не содержат грамматические формы императива. Императивное значение может быть выражено при помощи различных глагольных и именных форм, а также синтаксических конструкций. Разнородные средства выражения императивной семантики образуют функционально-семантическое поле, в котором выделяется центр и периферия.

Возникает вопрос: какие языковые средства выражения императивности являются основными, а какие к ним примыкают?

Ответ на данный вопрос дает соотнесение семантики с грамматикой. Типичное императивное значение, обладающее признаками каузативности,

перформативности и контролируемости, выражается грамматическим императивом со специализированными глагольными формами.

На периферии функционально-семантического поля императивности находятся грамматические средства, не удовлетворяющие одному или нескольким признакам императивности, а также формально отличающиеся (в рассматриваемых языках) от центральных, или «ядерных».

Однако формы императива, помимо значения императивности, обладают обязательными грамматическими значениями — лицом, числом и глагольным видом. Эти значения в императивных формах существенно отличаются от аналогичных значений в других глагольных формах. На их специфике мы бы хотели остановиться подробнее.

1. Специфика категорий лица, числа, глагольного вида и отрицания в императивных формах

В отличие от остальных глагольных наклонений в императиве информация о лице и числе является не согласовательной категорией, а содержательной.

В целом, семантика лица основывается на соотнесении участников речевого акта и участников обозначаемой ситуации. Но лично-числовые формы императива не тождественны лично-числовым формам других наклонений. Изменение лица и числа ведет к изменению экстралингвистической ситуации. Императивы не обладают неизменной структурой содержания, в которой могут меняться лишь показатели лица и числа. Специфика категории лица в императиве состоит в том, что во всех императивных формах обязательно присутствуют роли Говорящего и Адресата, которые образуют рамку императивной ситуации — Прескриптора и Исполнителя прескрипции. Эти семантические роли присутствуют даже в тех императивных высказываниях, которые не оформлены по категории лица (например, у именных форм типа *Воды!*). Грамматически выраженное лицо у

глагольной императивной формы обозначает Исполнителя (или нескольких Исполнителей) каузируемого действия.

Вопрос, для каких лиц возможно существование императива, напрямую связан с тем, кто может быть Исполнителем каузируемого действия: только Адресат императивного высказывания¹, Адресат вместе с Говорящим (Прескриптором)², или императив не имеет ограничений по лицу, и возможны различные лично-числовые варианты³. Отметим, что в языках мира встречаются разные типы императивных парадигм. В одних языках все лица имеют одинаковые показатели (например, в венгерском), в других — 2-е лицо противопоставлено 1-му и 3-му (например, в английском), или все три лица могут иметь отличающиеся морфологические показатели⁴.

Очевидным и интуитивно понятным является то, что центральной формой императива, выражающей прототипическое значение, является форма 2-го лица. На ее счет у исследователей практически нет расхождений, однако, небольшого пояснения заслуживает, какое именно распределение ролей подразумевается под 2-м лицом в императиве.

2-е лицо ед. ч. в своем прямом, не транспонированном, значении обозначает ситуацию, в которой Адресат тождествен Исполнителю:

*Миша, **возьми** блинчик.*

***Возьми** оригинальные сальники и не выдумывай велосипед.*

*Milane, **uzmi** palačinku.*

***Otiđi** prije i pomirise s bratom svojim.*

***Pojedi** koliko možeš, a ono što ne možeš **ostavi**.*

¹ Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения. II. Императив в русском языке // Вопросы языкознания. М., 1998. № 2. С. 88–101.

² Панин Л.Г. Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. М., 1993. № 5/6. С. 82–89.

³ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 1992.

⁴ Подробнее см. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2005.

2-е лицо мн. ч. используется в том случае, если Слушающих, которые являются Исполнителями, больше одного:

*Миша и Ваня, **возьмите** блинчики.*

*Миша и Ваня, **возьмите** по блинчику.*

*Mišo i Milane, **uzmite** palačinke.*

*Mišo i Milane, **uzmite** po palačinku.*

*Navijači, **dođite** u što većem broju.*

Кроме того, мн. ч. используется для вежливой формы, когда Слушающий (он же Исполнитель) один.

*Gospodine Watson, **dođite** ovamo, želim vas vidjeti.*

*Mladiću, **dođite** u Berlin.*

*Gospođo, **napustite** objekat.*

Колебания в выборе числа отмечаются в том случае, когда Адресат, или Получатель прескрипции, один, а Исполнителей, которые будут совершать действие совместно, несколько:

*Миша, **возьми(те)** с Петей по блинчику.*

*Mišo, **uzmi(te)** sa Milanom po palačinku.*

В случае нереперентного употребления, когда референт неясен из контекста или нерелевантен, также используется форма 2-го лица. Число может быть как единственное, так и множественное.

***Возьмите** по столовой ложке сока алоэ и меда, чайную ложку сока чеснока, желток, **смешайте**.*

***Uzмите** dublji lonac i **zagrejte** maslinovo ulje.*

*Выпил, за руль **не садись!***

***Pošalji SMS, prijavi** korupciju u zdravstvu.*

***Prijavi se i postani** član naše redakcije!*

Императивные формы не сочетаются с личными местоимениями, хотя местоимения могут употребляться в императивных высказываниях в качестве средства усиления экспрессии.

Da ešь ты уже!

Da pomogite же вы с ПХП!

Samo ti uživaj!

*Reć je zlata vredna. Ma **dajte** vi meni zlato, a za reći ćemo lako.*

*I znaj da bitću tu i kad navrati nam tuga, **ti** u meni **nadi** snagu, prijatelja, vjernog druga.*

*Neki ljudi žive od lajka. Ma **daj** ti meni Nutellu.*

***Skuvaj** ti meni kaficu kad budeš došao pa ću je popiti nema veze što će najverovatnije biti hladna.*

Кроме того, личные местоимения используются в случае противопоставления.

*Ja bih vama dao nešto staro a **vi** meni **dajte** nešto novo. - Ne, ja ću vama dati nešto ružno, a **vi** meni **dajte** nešto lepo.*

*Я бы вам дал кое-что старое, а **вы** мне **дайте** кое-что новое.*

Вы садитесь, а ты — постой!

- А ты не стой, ты сядь!

*Сначала **ты** меня домой **приведи, накорми и помой**, а потом я тебе повиляю хвостом.*

***Ты иди** домой, а я в гараж заскочу, машину подделаю.*

Как было отмечено В.В. Виноградовым¹, постпозитивное употребление местоимения смягчает категоричность императива, а препозитивное усиливает. В сербском языке подобная зависимость не наблюдается. Хотя и в русском языке, если на местоимении не стоит эмфатическое ударение, усиление или ослабление категоричности остается довольно спорным и до конца невыясненным. Большую роль, чем позиция местоимения, играют наречия и частицы (*уже, давай, - ка; samo, та* и т. д.). Они не столько влияют на категоричность, сколько привносят в высказывание эмоциональную оценку Говорящего. Кроме того, хотелось бы отметить, что в сербском языке

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове)/ Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

местоимения чаще употребляются в случаях, которые принято относить к функциональным вариантам РАЗРЕШЕНИЯ (пермиссив), то есть, когда Говорящий позволяет или разрешает действие, о котором ранее просил или спрашивал Адресат.

*Da li smem još jednu čokoladu? - Ma **uzmi ti** slobodno šta god hoćeš.*

*Ako baš niko ne bude hteo, ja ću otvoriti. – **Otvori ti** slobodno, evo imaš i moju podršku.*

Личное местоимение при императивной форме встречается не только при пермиссивах, но и в разговорных выражениях, в которых Говорящий пытается увеличить эмоциональное воздействие на Адресата. В русском языке в подобных случаях может использоваться повтор форм или усилительные частицы *да* и *давай*.

*Kakvih ljudi ima ovo je neverovatno. Izvoli **popij ti** slobodno valja se imati alkohola u krvi! - **Popij ti** slobodno, ali ako te braća policajci zaustave ode ti kod njih na spavanje.*

***Pročitaj ti** slobodno još jednom što sam napisao a pogotovo ono o sređivanju viza za treće zemlje.*

*Mislim da u Grčku trenutno nije bezbedno, a svi me ubeduju u suprotno kao **idi ti** slobodno nema nemira na primorju, to je samo u Atini.*

*Karadžorđe i onako nije verovao dahijama, pa je kaluđera hrabrio: **Idi ti** slobodno s Turcima u Beograd, ja ću tebe lako izvaditi od Turaka.*

Согласно нашим наблюдениям, личное местоимение при императивной форме в сербском языке довольно часто употребляется в сочетании с частицей *ta* и с многозначным наречием *slobodno*, которое соответствует русскому наречию *спокойно* (*Поезжай спокойно с турками в Белград*). Эта функциональная разновидность императивных высказываний может быть охарактеризована как УВЕЩЕВАНИЕ. Стоит отметить, что в сербском языке в индикативе, в отличие от русского, личные местоимения используются только в позиции ремы. Местоимение, замещающее позицию темы, в

сербском опускается (*Он идет домой. Ide kući. Она приехала вчера. Došla je juče* и т. д.).

Специфика 3-го лица императива и так называемое «совместное лицо» будут детально рассмотрены в следующей главе.

В целом, можно отметить, что категория лица в императиве в русском и сербском языках имеет много общего, и основные различия наблюдаются не в грамматико-семантической структуре, а в морфологических средствах выражения.

В отличие от категории лица, категория глагольного вида в императиве различается в сравниваемых языках и заслуживает краткого пояснения. Как отмечал В.В. Виноградов¹, видовые различия в императиве служат средством выражения экспрессивных оттенков. При этом автор указывал, что несовершенный вид (НСВ) императива выражает более прямое и категоричное волеизъявление, а совершенный вид (СВ) — приказание более мягкое и менее произвольное. Кроме того, В.В. Виноградов отмечал, что СВ императива направлен на результат, а НСВ — на побуждение вне зависимости от результата, что влияет на экспрессию и вежливость. И прямо противоположным образом, СВ может выражать категоричный призыв к совершению действия, а НСВ — более вежливый и мягкий. Сербский лингвист Бранко Тошович² также уделил внимание выбору вида при выражении императивности. СВ в русском языке, по мнению исследователя, выражает категоричность, а побуждаемое действие представляется говорящим как конкретное и однократное. НСВ императивных форм в русском языке обозначает обычно просьбу или совет, хотя может выражать и приказание, которое, однако, будет менее категоричным, чем приказание, выраженное СВ. К сожалению, видовые различия императивных форм сербского императива в работе Б. Тошовича не затрагиваются. В целом мы

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

² Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола. М., 2006.

вынуждены отметить, что изучение глагольного вида в сербистике уступает аналогичным исследованиям в русистике, где не только разработана аспектуальная семантика индикатива, но есть и отдельные исследования, посвященные категории вида в императиве.

В.С. Храковский¹ указал, что общефактическое значение является основным у императивов НСВ.

*Прихожане, **отключайте** мобильные телефоны в храме.*

Такое же значение выделяется у сербского императива НСВ.

***Isključujte** punjače iz utičnice kada završite punjenje uređaja.*

Однако в том же значении в сербском может употребляться и СВ.

***Isključite** «Data enabled» kada ne želite koristiti Internet preko SIM kartice.*

В русском языке императив НСВ имеет актуально-длительное значение, когда Говорящий каузирует продолжение уже совершающегося действия.

Кушай, кушай, никого не слушай!

То же значение можно выделить и у сербского императива НСВ.

***Jedi** sinko, jedi, uzmi malo, ajde.*

Однако и в актуально-длительном значении в сербском языке может быть использован СВ.

*Za svaki obrok i dalje **nastavi** da jedeš proteina iz životinjskih izvora.*

У СВ императива в русском языке основным значением является конкретно-фактическое значение, когда Говорящий каузирует действие, которое должно произойти после момента речи².

***Удали** эту ссылку из окна браузера, посмотри, не попала ли она в избранное.*

Сербский императив СВ тоже имеет это значение.

***Obriši** sve svoje postove za manje od jedne minute.*

¹ Храковский В.С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996. С. 30–36.

² Там же. С. 30–36.

Итальянская исследовательница Розанна Бенаккио¹ предложила следующее распределение видовых форм в императиве. СВ употребляется в тех случаях, когда Говорящий фокусирует иллокутивную силу на результате каузируемого действия (*Закрой дверь!* — объект действия переходит из одного состояния в другое). НСВ императивных форм употребляется для выражения многократности (*Если хочешь быть счастливым, каждый день **обедай** с пивом!*) и узуальности (*Когда вы пишете за столом, **наклоняйтесь** вперед от поясницы, **держите** спину ровно*). А также в тех случаях, когда иллокутивная сила фокусируется не на результате, а на процессе (*Тесто будет мягким, но муку **добавляй** осторожно, все время **меси***). Кроме того, императивные формы НСВ могут выражать акцент на начальной фазе действия и побуждать к немедленному осуществлению действия (***Отсоединяйте** запал и **давайте** отсюда!* — крикнул он механикам сквозь нарастающий шум турбин. - ***Бегите** немедленно!*). Бенаккио отмечает, что форма СВ является нейтральной и дистанцированной, в то время как форма НСВ может быть либо маркированно грубой, либо маркированно вежливой.

Выбор императивной формы того или иного вида в сербском языке во многом схож с русской моделью, хотя для выражения повторяющегося действия может употребляться и СВ (*Ako patite od artritisa, svaki dan **pojedit**e oko 30 grama semenki bundeve*). Также СВ может использоваться в тех случаях, когда акцент стоит на процессе выполнения действия, а не на результате (***Probaj** koricu hleba da **umociš** u so i **pojedi** polako žvačići*). Таким образом, соотнесение семантики процесса и результата с глагольными видами в сербском императиве оказывается ослаблено и строго не соблюдается. СВ вытесняет НСВ, и за НСВ закрепляется статус маркированной формы, выражающей фамильярное или невежливое побуждение.

¹ Бенаккио Р. Глагольный вид в императиве в южнославянских языках // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004.

Все вышесказанное справедливо исключительно для утвердительных форм императива. В отрицательных формах императива, которые еще называют прохибитивами, в русском языке употребляется только НСВ; СВ не употребляется для запрещения целенаправленного действия.

Не открывай крышки над трепалом до полного останова машины.

Не покупай автомобиль на последние деньги.

Выпил, за руль не садись!

Зимние советы: замерз — пей чай, упал — не вставай.

СВ употребляется в превентивных высказываниях, имеющих целью предупреждение ненамеренного действия.

Не выключи случайно в доме свет.

Не забудь принять таблетку.

А.А. Шахматов¹ писал о «предостерегательном наклонении» в русском языке, которое, по мнению ученого, выражалось императивом глагола СВ в отрицательной форме — *не скажите, не потеряйте* и т. д. или конструкцией с императивной формой *смотри/смотрите* в сочетании с императивом как СВ, так и НСВ — *смотри не упади* (СВ), *смотрите не ошибайтесь впредь* (НСВ). Значение предупреждения выделяет и Милка Ивич², которая указывает, что отрицательные формы императива СВ в сербском языке перестали передавать это значение и поэтому исключаются из употребления.

Л.А. Бирюлин³ проанализировал различия между отрицательными формами императива обоих видов и обобщил их следующим образом: прохибитивы (НСВ) используются для запрета намеренного и контролируемого действия, а превентивы (СВ) используются для предотвращения неагентивных последствий, которые могут возникнуть в результате действий Адресата.

¹ Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 3-е. М., 2001. С. 483.

² Ivić M. Upotreba vida v slovenskom imperativu s negacijom // IV Международный съезд славистов. Славянская филология: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Ч. II.

³ Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика императива. Хельсинки: Slavica Helsingiensia, 1992.

Не закрывайте окно! (не совершайте действие).

Не закройте окно! (не допустите ситуацию, когда действие будет совершено).

Также СВ при отрицании употребляется в противительных конструкциях.

Не выключи, а заглуши атомный реактор.

Кроме того, СВ употребляется в ограниченном числе устойчивых конструкций типа *Не убий! Ну, не скажи!* и т. д.

В сербском языке употребление императива с отрицанием имеет свою специфику и отличается от русского. Прохибитив также выражается НСВ императива, но, помимо этого, может быть выражен синонимичными конструкциями *nemoj + инфинитив* или *nemoj + da + наст. вр.*

Ne diraj moje jabuke.

Nemoj dirati Dejtonski sporazum ili čemo imati problema.

Nemoj da diraš kamenčice, isprljaćeš se.

Все три варианта равнозначны и используются как в письменной, так и в устной речи. Мнение Т.Н. Молошной¹, что аналитическая форма с *nemoj* является смягченной с дополнительным оттенком увещевания, представляется нам спорной.

Превентивы же не имеют императивную форму, другими словами — СВ не встречается в отрицательных формах императива. Вместо императивной формы используются индикативные конструкции с отрицательной частицей *nemoj* и инфинитивом или с отрицательной частицей *nemoj* и настоящим или прошедшим временем глагола, который вводится частицей *da*.

Nemoj to da uradiš ni slučajno!

Nemoj da si to uradio!

I nikako nemoj da si ustao sa stolice.

Pa el osećaš sad stopala? Nemoj da ustaneš, a stopala otkazu!

¹ Молошная Т.Н. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001. С. 24.

Nemoj da ustaneš nego odmah lezi na stomak i spavaj.

Nemojte se odmah zamišljati pred oltarom sa osobom, sa kojom ste prvi put izašli!

Malo razmislite o ovom i nemojte sad ponovo da pokrenete lavinu komentara.

Отрицательный императив СВ имеет очень узкую сферу употребления и практически уже является исключением. Согласно исследованию Милки Ивич, осталось только два глагола СВ, которые употребляются в отрицательной императивной форме — это *zaboraviti* и *shvatiti* в устойчивом обороте *ne shvati pogrešno*.

Ne zaboravite da ćete predavati glavni predmet i da ćete sa svojim učenicima provoditi više vremena od svih ostalih profesora.

Ne shvati me pogrešno, obožavam ja moj toster, pre njega sam vozio mlin za kafu!

Хотя наравне с отрицательной формой императива у этих глаголов используются и аналитические формы с *nemoj*.

Nikada nemojte zaboraviti: vi ste profesori!

Схожая точка зрения излагается в работе В.Н. Зенчука¹, согласно которой в отрицательных императивных конструкциях проявляется не столько видовое различие глаголов, сколько модальное. За СВ императивных форм с отрицанием в одних славянских языках (например, русский и чешский) закрепляется определенное модальное значение — Предупреждение, в других же (например, сербский и болгарский) СВ исключается из сферы употребления отрицательных императивов. В.Н. Зенчук считает, что в императиве при отрицании видовое противопоставление глаголов стирается, и на передний план выходит противопоставление модальное, таким образом, видовые пары глаголов в императивной форме выражают не характер протекания действия во

¹ Зенчук В.Н. Отрицательные императивные конструкции в славянских языках // Вестник Ленинградского университета. Л., 1971. № 8.

времени, а субъективную оценку Говорящим своего речевого акта. Говорящий либо оценивает свой речевой акт как предостережение (и тогда использует СВ отрицательного императива в одних языках или перифрастические конструкции в других), либо — как запрещение (и использует НСВ отрицательного императива).

Отметим, что в болгарском языке глаголы СВ не только не имеют отрицательной императивной формы, но и не употребляются в отрицательной аналитической конструкции, аналогичной сербской, в которой форма императива заменяется формой индикатива. Превентивная семантика передается в болгарском языке оптативной конструкцией. В словенском языке ситуация, напротив, схожа с ситуацией в русском — оба вида используются в отрицательной императивной форме, и в языке различаются прохибитив и превентив.

Анализ теоретические работы предшественников и языкового материала показал, что категория глагольного вида в сербском императиве значительно отличается от аналогичной категории в русском. Если в русском языке оба вида равноправны и выражают различные значения, то в сербском СВ берет на себя часть значений НСВ, и таким образом НСВ вытесняется из императивных форм. В то же время в отрицательных императивных формах в сербском языке вытесненным является СВ. В русском языке видовое противопоставление императивных отрицательных форм выражает семантическое противопоставление превентива и прохибитива. Если в русском императиве сохраняется видовое противопоставление, то в сербском императиве наблюдается тенденция к нивелированию видовых различий и дополнительному распределению категории вида в зависимости от отрицательности.

Рассмотрев семантико-грамматические особенности императива, которые проявляются в специфике взаимодействия с другими глагольными

категориями, обратимся теперь к функционально-семантическим проблемам ядра категории.

2. Семантическая структура ядра императивности и классификация функционально-семантических вариантов

Наиболее характерные значения выражаются наиболее типичными формами, которыми для императива являются формы 2-го лица. Однако одна и та же форма может быть использована для различных конкретных значений, которые могут быть выделены в рамках ядра категории.

Например, высказывания

Немедленно иди домой!

Иди, тебе уже пора!

Иди своей дорогой и не трогай меня!

включают в себя одну и ту же форму, принадлежащую ядру императивности, но по-разному оцениваются участниками речевого акта, имеют различные прагматические характеристики и относятся к различным функциональным-семантическим микрополям, которые выделяются внутри функционально-семантического поля императивности.

Остановимся подробнее на типах императивных высказываний, без которых не обходится ни одно исследование императива. Типы побуждения, функциональные варианты, или разновидности, частные значения императива — подавляющее большинство исследователей членят массив императивных высказываний и строят классификации, выделяя «очевидные», или интуитивно понятные, подтипы императивных высказываний.

В данной главе мы рассматриваем функционально-семантические микрополя, которые выделяются при членении ядра категории, и не рассматриваем другие, некатегориальные, выражения того же самого микрополя. Например, СОВЕТ может быть выражен императивной формой, принадлежащей ядру категории, а может быть выражен периферийным

средством — сослагательным наклонением. Однако на периферии нет такого императивного микрополя (частного императивного значения), которого бы не было в ядре категории. Поэтому, на наш взгляд, наиболее существенной является классификация значений, входящих в ядро и выражающихся центральной формой. На периферии поля представлены те же содержательные элементы, но с другой формой выражения и добавлением или усилением дополнительных значений. Для периферии поля характерна разреженность специфических признаков, в то время как для ядра характерна их концентрация¹.

Некатегориальные средства выражения императивности и их распределение по функционально-семантическим микрополям будут рассмотрены в главе V.

Обычно выделяются такие подтипы как: ПОБУЖДЕНИЕ, ПОЗВОЛЕНИЕ, ПРОСЬБА, УВЕЩЕВАНИЕ, МОЛЬБА, ПОЖЕЛАНИЕ, НАКАЗ, ПРИКАЗ, КОМАНДА².

Отметим, что в микрополе прескриптивности на материале перформативных высказываний Дойчил Войводич выделяет схожие функционально-семантические микрополя: ТРЕБОВАНИЯ и ПРИКАЗЫ, ПРОСЬБЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПРИГЛАШЕНИЯ и СОВЕТЫ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ЗАПРЕТЫ и РАЗРЕШЕНИЯ. Очевидно, что членение поля императивности и поля перформативности во многом, если не полностью, совпадает.

Формальные, морфологические показатели для подобных классификаций в рассматриваемых нами языками отсутствуют. Разные авторы предлагают различные классификации. Их обзор представлен в работе В.С. Храковского и А.П. Володина «Семантика и типология

¹ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 178.

² Панин Л.Г. Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки 5–6, 1993.

императива»¹ и в работе А.И. Изотова «Императивность как прагматический феномен»². В обеих работах отмечается, что, в целом, во всех классификациях выделяются схожие классы. Так, например, ни одна классификация частных значений императива не обходится без выделения ПРИКАЗОВ, ПРОСЬБ и СОВЕТОВ. Однако далеко не всегда эксплицируется, какие признаки лежат в основе той или иной классификации, часто авторы опираются на собственную языковую интуицию. Мнения исследователей зачастую расходятся по поводу основного, категориального значения императива, что же касается частных семантических интерпретаций, то эта область при большом количестве предлагаемых списков значений представляется наименее проясненной.

В «Семантике и типологии императива» авторы предлагают три признака, каждый из которых имеет два значения, и на основе этих признаков строят шестичленную классификацию, в которую входят:

ПРИКАЗ, ПРОСЬБА, ИНСТРУКЦИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, СОВЕТ.

Признаками, лежащими в основе классификации, являются:

1. Импульс каузации (исходит ли речевая инициатива от Говорящего или императивное высказывание является ответной реакцией на инициативу Адресата);

2. Заинтересованность (кто желает исполнения каузируемого действия?);

3. Субординация между Говорящим и Адресатом.

Каждой частной интерпретации императивного значения соответствует определенный набор классификационных признаков. Например, ПРИКАЗ — это фактитивный императив (инициатива исходит от Говорящего), в исполнении которого заинтересован Говорящий, который ставит себя выше Адресата. А СОВЕТ — пермиссивный императив (импульс каузации исходит

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. 2-е изд. М., 2001.

² Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008.

от Адресата), в исполнении которого заинтересован Адресат, который находится не ниже Говорящего.

Однако, если мы чуть подробнее разберем подтип ПРИКАЗ, то увидим, что, например, признак заинтересованности не является бинарным. Не всегда Говорящий заинтересован в отдаваемом приказе. Вполне допустимы ситуации, когда ПРИКАЗ не соответствует желаниям и интересам Говорящего, и Говорящий приказывает вопреки своим интересам и своему представлению о желательном, уместном, соответствующем моменту (и т.д.).

- Ложиться спать! — нехотя приказал он, наконец... Приказание есть приказание, и мотористы пошли в жилой отсек.

- Ладно, оставьте ему оружие, — нехотя приказал он.

- Сними с парня веревки, — велел Ферран ди Брай, когда сыновья Толстяка ушли. - Он никуда не убежит. - Арним, сними веревки, — нехотя приказал трактирщик.

- Потом вернешься за другим заказом, — неохотно приказал Ахухуту, бросая взгляд в угол. Там уже третий день лежат четыре безупречно расписанных чаши большого размера...

- Промедление повлечет срыв операции! – Ждите, — неохотно приказал Хоук. Игнат закрыл глаза, усилием воли входя в инсайт-состояние.

В данных примерах Говорящий каузирует действие в силу внешних обстоятельств и не считает каузируемое действие чем-то хорошим ни для себя лично, ни для ситуации в целом. (Индикативные высказывания, описывающие ситуацию ПРИКАЗА, которые не являются предметом нашего исследования и на которых мы не будем подробно останавливаться, весьма наглядно показывают, что, отдавая ПРИКАЗ, Говорящий исходит из представлений о должном, а не из представлений о пользе или благе. См. пример в сноске ¹). И если в ряде случаев Говорящий в коммуникативной

¹ «... дивизия перешла в атаку. До наших пушек осталось всего метров двести, когда мы увидели, что наперерез нам скачут на конях М.Ф. Лукин с адъютантом. Командарм что-

ситуации ПРИКАЗА не заинтересован в каузируемом действии, точно так же возможны ситуации, когда Адресат напрямую заинтересован в исполнении каузируемого действия.

- Враг засек все позиции! Ожидается новый удар! - Джжек, Шойбле, отходите, я прикрою! — приказал Хири.

Началась перестрелка, и лейтенант приказал: «Отходите, я прикрою!» Его сразила пуля, а Юра, подпустив врага ближе, бросил в него гранату...

В подобных ситуациях Говорящий исходит из интересов Адресата, которые совпадают с требованиями ситуации.

Не только нормальной, но даже оптимальной является ситуация, когда в выполнении приказа заинтересованы в равной мере и Говорящий, и Адресат.

Он скомкал газетный лист, поджег его у забора и когда тот разгорелся, бросил в него свой шарик, а сам отбежав шагов на десять, упал на землю с криком — ложись, сейчас рванёт!

В приведенном примере Говорящий исходит из общих с Адресатом интересов. С другой стороны, ни Говорящий, ни Адресат могут быть не заинтересованы непосредственно в каузируемом действии.

У парня в голове сидела долгие годы бомба и во время игры она рванула. А самое страшное, что она еще могла добить его. Поэтому все для спасения его жизни экстренно приготовили. – Везите его быстро в область! — воскликнул я. Там у нас сосудистый центр.

то кричал и грозил кулаком. Я придержал коня. Полки, начавшие переходить уже в галоп, тоже придержали коней. Лукин подскакал ко мне:

– Стой! Именем революции, именем Военного совета приказываю остановить дивизию! Чувство дисциплины побороло. Я не мог послушаться командарма... С тяжёлым сердцем приказываю трубачу играть сигнал «Кругом». А немцы оправались от первого испуга и открыли огонь по нашим батареям и пулеметам, которые все еще стояли на открытой позиции и стреляли по врагу.

От первых же снарядов и мин врага мы потеряли несколько орудий и тачанок. Снаряды и мины обрушились и на эскадроны, выполнявшие команду «Кругом». Десятки всадников падали убитыми и искалеченными. Я с раздражением посмотрел на командарма и стал себя клясть, что выполнил его приказ. Не останови он дивизию, таких страшных потерь мы не понесли бы и, безусловно, прорвали бы вражеское кольцо...».

– *Отлично, отлично! Есть синусовый. Ставьте капельницу с лидокаином.*

– *У нас нет другого выхода. Измерьте давление. Ставьте капельницу с полиглюкином. Принесите лампу с аккумулятором.*

В приведенных примерах и Говорящий, и Адресат действуют в интересах третьего лица, исходя из принятых на себя обязательств. Их интерес, желания или польза в ситуации отдачи приказа не имеют значения. В целом, нам представляется, что частное семантическое значение ПРИКАЗ не только не может быть охарактеризовано одним из членов бинарной оппозиции признака «заинтересованность в совершении каузируемого действия», но и в целом признак «заинтересованность» нерелевантен для функционально-семантического микрополя ПРИКАЗ. Неотъемлемой частью семантики ПРИКАЗА является облигаторность (деонтическая необходимость), причем не только необходимость для Адресата выполнить каузируемое действие, но и необходимость для Говорящего каузировать некоторое действие. Другими словами, ситуация ПРИКАЗА — это ситуация, в которой Говорящий ощущает недостаток управления, и в силу тех или иных норм, правил или обязательств каузирует действие, которое должно не допустить бесконтрольное развитие ситуации. Также вполне очевидно, что невыполнение приказа Адресатом влечет за собой санкции. В дополнение к сказанному можно отметить, что «импульс каузации» в ситуации ПРИКАЗ исходит не только от Говорящего, но и в целом от ситуации. Императивное высказывание Говорящего может рассматриваться не только как инициатива, но и как реакция на ситуацию. Если ПРИКАЗ не поступает длительное время, Адресат может самостоятельно сформулировать запрос на управление, и тогда речевая инициатива будет за Адресатом, а императивное высказывание подтипа ПРИКАЗ будет реакцией на инициативу Адресата. Согласно авторам «Семантики и типологии императива», ситуация, когда импульс каузации исходит от Адресата, характерна для подтипов СОВЕТ или РАЗРЕШЕНИЕ.

Различие между ПРИКАЗОМ и РАЗРЕШЕНИЕМ не только в значении признака «импульс каузации», но и в значении признака «заинтересованность» — Адресат запрашивает разрешение на действие, в котором он заинтересован, а Говорящий каузирует это действие своим высказыванием.

Пилот: Сильное обледенение и прошу экстренного снижения...

Диспетчер: Снижайтесь 120 метров.

Однако после запроса может следовать не только разрешение, но и ПРИКАЗ.

– Нет канала! — сумасшедшими глазами посмотрев на лейтенанта, выкрикнул пилот. — Что делать? Уходить?! — Снижайся, выбрасывай нас! — принял решение чернокожий «тюлень». — Как только все окажутся внизу — сваливай в сторону моря!

Пилот: Пожар во втором двигателе! Теряем высоту! Что делать?

Диспетчер: Заткнись и умирай, как мужчина!

Как нам кажется, различие между РАЗРЕШЕНИЕМ и ПРИКАЗОМ не столько в наличии/отсутствии «импульса каузации», сколько в диапазоне запроса. РАЗРЕШЕНИЕ запрашивается на конкретное действие, которое уже известно Адресату и выполнение которого должен каузировать Говорящий своим императивным высказыванием. Но помимо конкретного РАЗРЕШЕНИЯ Адресат может запросить общее руководство своими действиями, и в этом случае ответом на подобный запрос будет не РАЗРЕШЕНИЕ, а ПРИКАЗ. Также «импульс каузации» может исходить от Адресата при коммуникативной ситуации СОВЕТ.

Посоветуйте мне, что мне надо сделать, чтобы как-то помочь другим и повысить свою репутацию? — Посчитай свои минусы и сделай выводы.

Для функционально-семантического микрополя СОВЕТ как раз вполне уместно говорить о признаке «заинтересованность» — Говорящий действует в интересах Адресата (по крайней мере, он декларирует это), и выполнение

каузируемого действия — в интересах Адресата. Помимо РАЗРЕШЕНИЯ и СОВЕТА заинтересованность Адресата выделяется авторами «Семантики и типологии императива» в таких подтипах как ИНСТРУКЦИЯ и ПРЕДЛОЖЕНИЕ. В подтипе ИНСТРУКЦИЯ Прескриптор-инструктор исходит из интересов потенциальных агентов каузируемого действия, и следовать ИНСТРУКЦИИ — в интересах Адресата.

В первую неделю принимайте по пять грамм креатина четыре раза в день в перерывах между едой.

Требуйте полного налива пива до черты 0,5 л.

Перелейте смесь в чистый контейнер и еще раз быстро перемешайте. Нанесите базовый слой равномерно зубчатым шпателем.

При толчках малой силы не бойтесь, и переждите их там, где находитесь.

Отличие ИНСТРУКЦИИ от СОВЕТА состоит в значении признака «субординация»: в ситуации ИНСТРУКЦИИ Говорящий ставит себя выше Адресата, а в ситуации СОВЕТА — не выше. Иерархию между Говорящим и Адресатом можно перевести в план обличительности (необходимости) выполнять каузируемое действие. Тогда различие между ИНСТРУКЦИЕЙ и СОВЕТОМ в том, что Адресат должен следовать ИНСТРУКЦИИ, поскольку это совпадает с его интересами (обусловленная необходимость) — характер долженствования различает ПРИКАЗ и ИНСТРУКЦИЮ — а следовать СОВЕТУ Адресат не должен, но может, поскольку это совпадает с его интересами.

В целом мы не можем не согласиться с замечанием А.И. Изотова¹, что подтипы императивного значения не имеют четких границ и симметричного противопоставления по набору признаков. Также не всегда возможно однозначное определение подтипа высказывания — высказывание может относиться к нескольким подтипам одновременно.

¹ Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен. На материале чешского языка. М., 2008. С. 25-26.

Зайдите завтра утром.

Это может быть ПРИГЛАШЕНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, ПРОСЬБА. Точное определение зависит от контекста, но даже развернутого контекста не всегда достаточно для определения подтипа императивного высказывания. Чаще всего семантический подтип определяется перформативным глаголом, который оформляет прямую речь с императивным высказыванием.

*- Зайди утром, — **попросил** Петр.*

*Положив сухую руку на плечо Панаса, он **пригласил**: — Зайдите ко мне!*

*Мужчина помолчал, стряхнул пепел на асфальт и **предложил**: — Зайдите завтра.*

*- А нам можно к тебе? — спросил Сережа. - Ну, зайдите, — **разрешил** Васька.*

А.И. Изотов считает, что варианты членения семантического поля императивности зависят от индивидуальной картины мира того или иного носителя языка. Хотя мало кто перепутает в реальной ситуации общения ПРИКАЗ с ПРОСЬБОЙ. С другой стороны, некоторые значения — например, РАСПОРЯЖЕНИЕ, КОМАНДА— могут рассматриваться как видовые по отношению к родовому значению — ПРИКАЗ.

В своей работе А.И. Изотов выделяет следующие признаки, на основе которых строит классификацию семантических разновидностей императивных высказываний:

1. «Индикация высокой степени вероятности каузируемого действия» (каузируемое действие, скорее всего, будет выполнено). На основании этого признака выделяются подтипы ПРИКАЗА, ЗАКАЗА, ЗАПОВЕДИ, КОМАНДЫ, УКАЗАНИЯ и т.д.;

2. «Индикация высокой степени маркированности каузируемого действия» («Говорящий сообщает слушающему о необходимости и возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего

сообщения...»¹). На основе этого признака выделяются такие подтипы, как ПРОСЬБА, УГОВАРИВАНИЕ, ТРЕБОВАНИЕ, ПОУЧЕНИЕ, СОВЕТ и т. д.

Также выделяются высказывания, не маркированные по этим двум признакам. Это ПРЕДЛОЖЕНИЯ и ПРИЗЫВЫ.

Мы предлагаем классификацию, основанную на выявлении шаблонов коммуникативных ситуаций, в которых используются те или иные подвиды императивных высказываний. Нам представляется целесообразным одновременно описывать шаблон как с позиции Говорящего, так и с позиции Адресата, поскольку каждое высказывание подразумевает не только порождение, но и понимание и реакцию². Сравнительно небольшое количество коммуникативных шаблонов, учитывающих основные семантические подвиды императивных высказываний, выделяемых большинством исследователей, позволит в конечном итоге описать признаки, по которым эти шаблоны противопоставляются. Мы попытаемся идти не от абстрагированных семантических признаков, а от частных речевых ситуаций, в которых употребляются императивные формы. Сходства и различия между этими ситуациями могут быть обобщены в признаки. Оговорим, что классификация строилась именно для ядра категории императивности (то есть для ситуации, в которой Говорящий равен Прескриптору, а Адресат — Получателю Прескрипции и Исполнителю) и такие разновидности императива как гортатив или юссив, речь о которых пойдет в следующей главе, в данной главе не рассматриваются.

При попытке классификации императивных высказываний мы исходили из того, что императивные высказывания используются Говорящим с целью изменения текущей, наличной ситуации, для чего он (Говорящий) каузирует действие Адресата, который должен стать агенсом выполняемого действия. Главным условием императивного высказывания является то, что Говорящий

¹ *Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008. С. 52.

² См схожий подход в работе *Еремеев Я.Н.* Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.

считает текущую ситуацию (до речевого акта) не идеальной, в ней возможны или необходимы преобразования. При этом мы считаем, что целесообразно различать ситуации, в которых необходимо управление, которое должен осуществлять Говорящий, и без которого ситуация может выйти из-под контроля, стать кризисной, превратиться в хаос и просто перестать существовать. А есть ситуации стабильные, но требующие изменений (по умолчанию в лучшую сторону). Именно ситуации, требующие управления, как мы считаем, занимают центральное положение в ядре семантической категории императивности. Они являются прототипическими, эталонными и консолидируют ядро и в целом всю категорию.

Таблица №1. Основные типы императивных значений.

Позиция Адресата	Позиция Говорящего
Ситуация требует управления	
выполни ПРИКАЗ, если не хочешь понести наказание (даже если это не в твоих интересах, это входит в твои обязанности)	если ситуация требует управления, и ты контролируешь действия Адресата, отдай ПРИКАЗ (даже если это не в твоих интересах, это входит в твои обязанности)
следуй ИНСТРУКЦИИ, если не хочешь понести материальный ущерб (это в твоих интересах)	если ситуация требует управления и ты не контролируешь действия Адресата, дай ИНСТРУКЦИЮ (это в твоей компетенции)

<p>Ситуация требует изменения, у Адресата есть потребность</p> <p>если хочешь улучшения текущей ситуации, можешь следовать СОВЕТУ (возможно, это в твоих интересах)</p> <p>если не можешь принять решение о совершении или несовершении действия, спроси РАЗРЕШЕНИЯ</p>	<p>если ситуация может быть улучшена, и ты не контролируешь действия Адресата, дай СОВЕТ (это не входит в твои обязанности), ответь РАЗРЕШЕНИЕМ на запрос</p> <p>если ситуация может быть улучшена и ты готов обеспечить ее улучшение, внеси ПРЕДОЛЖЕНИЕ (ПРИГЛАШЕНИЕ)</p>
<p>Ситуация требует изменения, у Говорящего есть потребность</p> <p>удовлетвори ТРЕБОВАНИЕ, если оно законно, и у тебя есть полномочия</p> <p>выполни ПРОСЬБУ, если она мотивирована, и у тебя есть возможность</p>	<p>если у тебя есть острая нужда и ты можешь сформулировать ожидания с позиции силы, предъяви ТРЕБОВАНИЕ</p> <p>если ТРЕБОВАНИЕ незаконно, выскажи УГРОЗУ</p> <p>если у тебя есть потребность, и ты представляешь интересы группы, выдвини ЛОЗУНГ (ПРИЗЫВ)</p> <p>если у тебя есть потребность, но ты не находишься на позиции силы, сформулируй ПРОСЬБА</p>

если у тебя есть острая нужда, и ты не можешь сформулировать ожидания с позиции силы, вырази **МОЛЬБУ**

Изменение ситуации может быть негативным, изменение нежелательно либо для Говорящего, либо для Адресата

прими к сведению
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, если хочешь избежать негативных последствий

если необходимо предупредить негативные последствия развития ситуации, сформулируй **ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

Если попытаться выявить основные признаки, то ими будут:

1. Необходимость (деонтическая) совершать каузируемое действие для Адресата, которая может иметь положительное и отрицательное значение. Этот признак подразумевает совокупность норм, ориентируясь на которые Говорящий произносит прескрипцию, а Слушающий ее исполняет. Также этот признак непосредственно связан с субординацией между участниками речевого акта и позицией Говорящего. Этот признак выделяет **ПРИКАЗ** (и его подвиды — **КОМАНДУ** и **РАСПОРЯЖЕНИЕ**) среди всех остальных типов императивного значения. Отрицательная необходимость — это **ЗАПРЕТ** (прохибитив и превентив), то есть необходимость не совершать действие или не допустить его совершения.

2. Потребность Говорящего в каузируемом действии. Этот признак носит градуальный характер (острая потребность, желательность и т.д.) и объединяет такие подтипы как **ТРЕБОВАНИЕ**, **МОЛЬБА**, **ПРОСЬБА**, **УГРОЗА** и противопоставляет их остальным.

3. Потребность Адресата в каузируемом действии. Этот признак тоже имеет градуальный характер и может присутствовать в большей или меньшей степени. Этот признак объединяет такие подтипы как

ИНСТРУКЦИЯ и СОВЕТ и противопоставляет их всем остальным.
ПРЕДЛОЖЕНИЕ

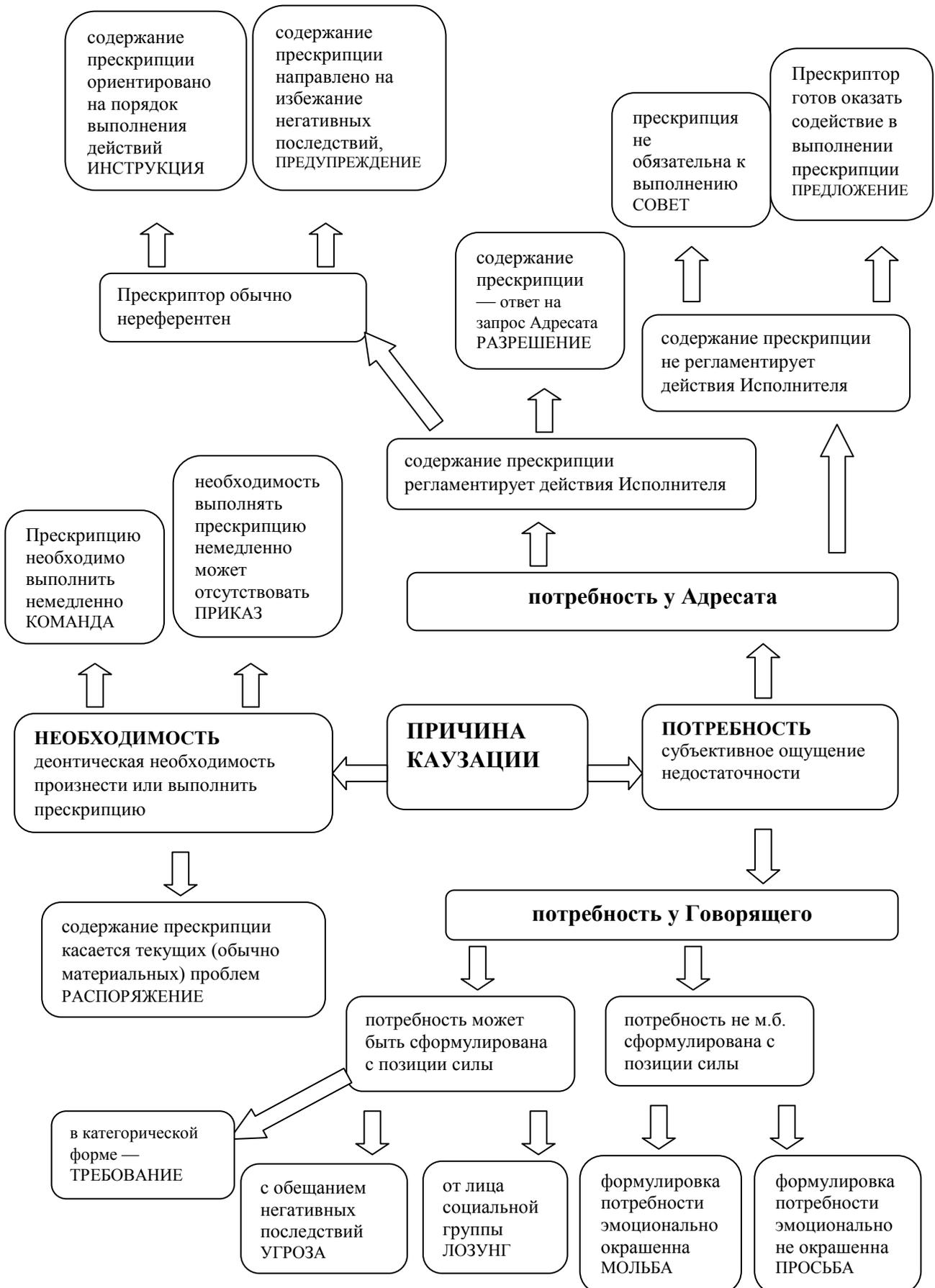
4. Наличие/отсутствие референции у императивного высказывания. Этот признак разграничивает ПРИКАЗЫ и ИНСТРУКЦИИ (ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ). ПРИКАЗ всегда связан с конкретной, уникальной ситуацией, в которой известный Говорящий каузирует действие конкретного Адресата. ИНСТРУКЦИЯ непосредственно с текущей ситуацией может быть не связана, она связана с нормами, которые заинтересован выполнять любой Адресат в любое время.

Вышеприведенный перечень не является полным. Помимо указанных признаков существует целый ряд таких признаков как «вовлеченность Говорящего в каузируемое действие», «возможность/невозможность сформулировать прескрипцию с позиции силы» и так далее. Большое количество разнообразных классификаций императивных значений и даже опыт классификации классификаций¹ показывает, что комбинаторный подход, при котором выделяются несколько бинарных признаков и в результате создается классификационная таблица, не является удачным для семантических вариантов. На наш взгляд, наиболее уместной для вариантов императивного значений является многоступенчатая классификация в виде дерева. Данный подход основан на индуктивном методе, характеризуется исключительной гибкостью и подходит для случаев, когда знания об объекте трудно формализовать. Корневой вершиной предлагаемого «дерева» является «причина каузации», то есть то, что заставляет Говорящего породить императивное высказывание. Внутренние узлы являются классификационными признаками, позволяющими разбить весь массив императивных значений на группы. Листовые узлы соответствуют одному конкретному подмножеству значений, каждое из подмножеств является

¹ См. работу *Петрова Е.Б.* Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008, №3. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/03/2008_03_24.pdf (дата обращения 02.04.2014).

функционально-семантическим микрополем, далее не членимым. От корневой вершины к листовым узлам идет уменьшение неоднородности объектов в выделяемой группе. Несомненное преимущество классификационного дерева перед другими методами классификации заключается в том, что дерево не только выделяет свойства, но и дает определения классификационным группам. Например, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — это тип императивных высказываний, в которых Прескриптор обычно нереферентен и дает прескрипцию, регламентирующую действия Исполнителя и направленную на избежание негативных последствий.

Схема № 1. Классификация основных типов императивного значения в виде дерева.



Остановимся на различиях ПРИКАЗА и ТРЕБОВАНИЯ. ПРИКАЗ отличается от ТРЕБОВАНИЯ тем, что подразумевает включенность Говорящего и Адресата в определенную иерархию, ПРИКАЗ отдается и контролируется согласно статусу Говорящего и Адресата. Другими словами, ПРИКАЗЫ функционируют в рамках тех или иных организаций (упорядоченных сообществ). ТРЕБОВАНИЕ не подразумевает принадлежность организации или иерархии, ТРЕБОВАНИЕ подразумевает острую нужду в изменении ситуации и возможность сформулировать свое ожидание с позиции силы (физической, нравственной, социальной).

Верните нам Маточкина! — требовали рабочие.

Они требовали пропустить их на рабочие места. «Верните нам нашу работу!», «Свободу заводу!» Водители проезжающих мимо автомобилей поддерживали протестующих автомобильными гудками.

ТРЕБОВАНИЕ большой группы часто оформляется в ЛОЗУНГ (или ПРИЗЫВ), который зачастую имеет специфическую грамматическую форму. Вместо формы 2-го лица используются безглагольные конструкции —

«Свободы! Хлеба!» — требовали бастующие. В Германии это было первым широким движением за мир

— формы наст.-будущ. вр. СВ или инфинитива (эти формы мы не причисляем к ядру категории императивности)

Вернем народу все социальные гарантии!

Защитим русский язык и культуру!

Догнать и перегнать Америку!

В ЛОЗУНГАХ с императивными формами чаще используется НСВ.

Свято береги все, чем богата наша Родина!

Голосуй за человека, а не за партию.

Формой НСВ ЛОЗУНГ отличается от ТРЕБОВАНИЯ и ИНСТРУКЦИИ, которые обычно используют СВ.

УГРОЗА одновременно близка ТРЕБОВАНИЮ и ОБЕЩАНИЮ (которое не является типом императивного значения). Угрожая, Говорящий требует выполнения действия и угрожает негативными последствиями в случае его невыполнения. Как и при ТРЕБОВАНИИ (или ПРОСЬБЕ) Адресат самостоятельно принимает решение о выполнении или не выполнении каузируемого действия. Различие между УГРОЗОЙ и ПРИКАЗОМ заключается в том, что неподчинение ПРИКАЗУ, которое может иметь негативные последствия, является нарушением нормы, в то время как неподчинение УГРОЗЕ, которое может иметь негативные последствия, не является нарушением нормы. Кроме того, УГРОЗА предполагает, что Говорящий в высокой степени лично заинтересован в выполнении каузируемого действия.

— Вот я тебе, постреленок!.. — пригрозил ему дед ложкой. — Проваливай с этого места!

Отличие ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ от УГРОЗЫ в том, что в ситуации УГРОЗЫ Адресат является малефактивом (при любом развитии обстоятельств ситуация негативно отражается на его интересах), а в ситуации ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ — бенефактивом, Говорящий заботится об интересах Адресата и заранее предупреждает об опасности.

Остерегайтесь лосей!

Не стой под стрелой!

И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, и УГРОЗЫ могут быть выражены без императивных форм.

ПРОСЬБА отличается от ТРЕБОВАНИЯ тем, что не может быть сформулирована с позиции силы, а ПРОСЬБА от МОЛЬБЫ тем, что необходимость в каузируемом действии не такая острая.

Мы не выделяем ЗАПРЕТЫ в отдельные императивные микрополя, поскольку высказывание с отрицательной императивной формой может иметь любое частное императивное значение. На предотвращение

негативных событий и последствий направлены многие императивные высказывания, в том числе и без отрицательной формы.

ИНСТРУКЦИЯ выражает обобщенный практический опыт.

При перерывах в работе всегда останавливай двигатель!

Солите суп только в конце варки.

В ИНСТРУКЦИЯХ исполнение прескрипции в интересах Адресата, при этом и Говорящий, и Адресат неререферентны (неизвестный Говорящий адресует Прескрипцию любому потенциальному Адресату). Хотя если то же само высказывание конкретный Говорящий адресует конкретному Адресату, высказывание можно классифицировать как СОВЕТ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ во многом схожи с ИНСТРУКЦИЯМИ и также зачастую имеют неререферентного Говорящего.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ и СОВЕТ в «Семантике и типологии императива»¹ отличаются тем, что у ПРЕДЛОЖЕНИЯ каузация фактитивная и импульс каузации исходит от Говорящего, а у СОВЕТА каузация пермиссивная и импульс каузации исходит от Адресата. Наши возражения касаются в большей части определения СОВЕТА, для которого совершенно не обязательна ситуация, в которой один из участников коммуникации запрашивает побуждение у второго участника коммуникативного акта (импульс каузации исходит от Адресата). Говорящий высказывает СОВЕТ, когда считает, что ситуация может быть улучшена и ее улучшение в интересах АДРЕСАТА.

– Держи голову выше, а то кровь только сильнее потечет, — посоветовал он.

Был ли запрос со стороны Адресата, испытывает ли он необходимость в СОВЕТЕ или в улучшении ситуации для определения типа императивного высказывания нерелевантно. СОВЕТ может быть неожиданным,

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.С. 40.

непрошенным и неуместным, но тем не менее он распознается Адресатом как СОВЕТ.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ отличается от СОВЕТА тем, что Говорящий, высказывая ПРЕДЛОЖЕНИЕ, способен его обеспечить или реализовать.

– *Возьми бутерброд, — предложил хозяин* (пресуппозиция — бутерброд есть в наличии).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ чаще всего подразумевает, что Говорящий заинтересован в улучшении ситуации и предполагает активно участвовать если не в самом каузируемом действии, то в ситуации, частью которой является каузируемое действие.

В зале депутат из Астрахани смотрела на фотографа с каменным лицом.

– *Поделайте что-нибудь, — предложил он ей* (пресуппозиция — каузируемое действие способствует фотосъемке, которую проводит фотограф).

Наиболее характерны для ПРЕДЛОЖЕНИЯ формы совместной деятельности.

– *Давай сыграем в игру, — предложил он.*

– *Давай поедем дальше по своим делам, — простецким тоном предложил он и, заведя машину, дал по газам.*

КОМАНДА по сути является разновидностью ПРИКАЗА, которую необходимо выполнить безотлагательно, в то время как время исполнения ПРИКАЗА может быть оговорено отдельно, а может быть и отложено («Приказ на завтра» и т. д.).

Вдруг голова быстро нырнула в плечи. Над ней пролетел снап звенящих пуль. - Цепь, стой! — скомандовал ротный.

РАСПОРЯЖЕНИЕ — одна из форм управления, которая отличается от ПРИКАЗА меньшей категоричностью и меньшей формальностью, обычно затрагивает материально-технические или хозяйственные аспекты ситуации.

На дворе возле колодца толпились солдаты. Нартов, произведенный в ефрейторы, распорядился: — По очереди! Подходи по очереди!

Чтобы подвести итог нашей классификации, мы хотели бы рассмотреть еще один вопрос. Исходя из всего вышесказанного, как стоит классифицировать обыденные императивные высказывания диалогической речи, в которых нет перформативных глаголов, непосредственно указывающих подтип?

(1) – Купи батон хлеба, если будут яйца — возьми десяток.

(2) – Будьте осторожны. Если у вас возникнут какие-то подозрения... даже малейшие, скажите мне или Косте.

(3) – Вот они! Вот! — закричал Свечников. - Обходят!.. - Не ори! — Нартов грыз семечки, а потому шамкал, как беззубая старуха. - Не ори, дурак!.. Наши это...

(4) – Посмотри в куртке. — В прихожей я засунула руку во внутренний карман его пуховика и нащупала там какую-то коробочку.

(5) – Пейте горячий чай, это способствует потоотделению и лучшему прохождению летнего максимума.

(6) – Спокойно, не нужно так спешить... И выбрось кастет, это очень опасная штука.

Пример (1) мы относим к подтипу ПРОСЬБА, (2), (3), (4) могут быть ПРОСЬБОЙ или СОВЕТОМ, (5) может быть ИНСТРУКЦИЕЙ или СОВЕТОМ, (6) — СОВЕТОМ. Приведенные примеры демонстрируют, что данные подтипы, в отличие от ПРИКАЗОВ, являются самыми распространёнными в повседневной речи. С другой стороны — их не всегда возможно различить. Различие между ними заключается в том, как Говорящий воспринимает ситуацию: либо он считает, что у него самого есть потребность (например, в тишине, и тогда он просит *не ори!*), либо он считает, что потребность есть у Адресата (Адресату нужно успокоиться и не расходовать силы понапрасну, тогда Говорящий советует *не ори!*) Однако

для не носителей языка идентификация подобных высказываний в качестве ПРОСЬБ или СОВЕТА может быть затруднительной.

В некоторых языках (например, английском) для выражения ПРОСЬБ и СОВЕТОВ используются другие коммуникативные стратегии, имеющие грамматические способы выражения, отличающиеся от императива. ПРОСЬБА с императивной формой расценивается как маркированная, нейтральной является фраза, отвечающая требованиям категории вежливости. В то время как в русском языке фразы *Посмотри в куртке! Сходи к врачу! Позвони сестре!* являются нейтральными при близком знакомстве. В них могут быть употреблены лексические показатели вежливости (*пожалуйста, будь добр, если тебе не трудно*), но, в целом, русский язык в области императивных высказываний отличается от английской большей прямооты, простотой и экономией усилий на разнообразных стратегиях. Если английский язык предпочитает многословность и косвенность, русский выбирает компактность и емкость.

Схожую, но не идентичную ситуацию можно наблюдать в сербском языке. Отметим, что в сербистике попытки выявить и классифицировать семантические подтипы императивных высказываний не столь популярны и часты, как в русистике. Обычно сербские лингвисты перечисляют некоторые семантические подтипы императивов, когда дают определение императива как языкового явления. Располагая классификацией частных императивных значений русского языка, мы попробуем спроецировать ее на сербский язык и выявить эквивалентные типы императивного значения в сербском. Не прибегая к *tertium comparationis*, мы используем односторонне направленный подход для сравнения двух языков. Русский язык для нас будет исходным языком, а сербский — языком-целью.

Первое, что необходимо упомянуть, — это то, что в сербском языке императив называется *zapovedni način*, глагол *zapovedati* значит *командовать* (*Njegov otac, Ksantip, zapovedao je u čuvenoj bici kod Mikale. Zapovedao je*

nemačkim i kvislinskim trupama tokom bitke za Srbiju 1944. Zapovedao je flotom od 36 brodova.) В то же время *zapovest* имеет значение *заповедь* (*deset božjih zapovesti*).

«Imperativ, kao izražajni model, podrazumeva modalno značenje koje se ispoljava ... kao *zapovest*... ali kojom se, u širem značenju, ne iskazuje samo kao nekome upućena *naredba* ili *zabrana* već, i drugi vidovi govornog lica prema izvršenju glagolske radnje, a koji se mogu razumeti kao *molba*, *želja*... *traženje*, *zahtev*, *nalog*, *opomena*, *dopuštanje*, *sugestija* isl»¹. (Императив как модель выражения подразумевает модальное значение, которое выражается обычно как *приказ*, и при помощи которого в более широком значении высказывается не только адресованный кому-то *приказ* или *запрет*, но и другие виды отношения говорящего на осуществление действия, которыми могут быть ПРОСЬБА, ЖЕЛАНИЕ, ТРЕБОВАНИЕ, ЗАПРОС, РАСПОРЯЖЕНИЕ, НАПОМИНАНИЕ, РАЗРАШЕНИЕ, СУГГЕСТИЯ и другие).

Катиич² отмечает, что императив выражает «*zapovijed*, *poticaj* ili *poziv*, *molba* ili *nutkanje*» (ПОВЕЛЕНИЕ, ПОБУЖДЕНИЕ, ПРИГЛАШЕНИЕ, ПРОСЬБУ, УГОВАРИВАНИЕ).

Минович³ выделяет такие подтипы императивного значения как «*zapovijest*, *zabrana*, *traženje*, *savetovanje*, *želja*, *molba*, *opomena* i *sl*» (ПОВЕЛЕНИЕ, ЗАПРЕТ, ТРЕБОВАНИЕ, СОВЕТ, ЖЕЛАНИЕ, ПРОСЬБА, НАПОМИНАНИЕ и другие).

Маретич⁴, излагая свою точку зрения на значение императива, пишет, что основное значение императива — это желание, повеление (*zapovijed*) — это остро выраженное желание, но желание также может быть выражено не

¹ *Fekete E.* Morfološko I semantičko-sintasički modeli uimperativnom značenju // J užnoslovenski filolog, LXIV. Beograd, 2008. S. 517.

² *Katičić R.* Sintaksa hrvatskog književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986. S. 64.

³ *Minović M.* Sintaksa srpskohrvatskog – hrvatskosrpskog književnog jezika. Sarajevo, 1987. S. 176.

⁴ *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963. S. 624.

остро, а мягко, и тогда императив выражает пожелание, просьбу, совет; императив также может выражать разрешение или позволение.

В «Синтаксисе современного сербского языка»¹ выделяются два основных типа императивности — это ZAPOVEST и все остальные виды императивных высказываний. Каждый из типов внутри себя делится на подтипы.

Внутри типа ZAPOVEST (ПОВЕЛЕНИЕ) выделяются

1. ZAPOVEST (ПОВЕЛЕНИЕ)

Idi, Maruška, donesi mi iz šume kiticu ljubičica, hoću da je zadenem za pojas da bih je mogla mirisati – zapovedi sestri.

Tri zapovesti zlatnog karaša: ne lovi nas strujom, mrežama, dinamitom, grabuljanjem. Ne lovi nas u mrestu. Ne kupuj nas na pijaci. Ne bacaj otpatke u vodu!

Deset mafijaških zapovesti: ... Ne idi u pabove i klubove.

10 crnogorskih zapovesti: ... Odmaraj se danju, da noću možeš da spavaš.

10 Psećih zapovesti: ... Daj mi vremena da razumem šta želiš od mene, nemoj biti nestrpljiv i nervozan.

В SSSJ отмечается, что ZAPOVEST характеризуется большой интенсивностью побуждения и социальным статусом Говорящего, который позволяет ему навязывать свою волю Адресату.

Как показывает наше исследование электронных текстов, глагол *zapovedati* и существительное *zapovest* в современном сербском языке употребляется только в сказках, духовной литературе или в таком речевом жанре, как «заповеди» (*Три заповеди золотой рыбки, Десять заповедей черногорца* и т. д.). Очевидно, что и глагол, и существительное имеют ограниченное функционирование и постепенно устаревают. Поэтому нам кажется, что обозначение одного из подтипов категории императивности термином ZAPOVEST является скорее традицией, чем отображением

¹ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 662–670.

реального положения этого подтипа среди других. Мы не выделяем ПОВЕЛЕНИЕ, или ZAROVEST ни в русском, ни в сербском языке.

2. ZAHTEV (ТРЕБОВАНИЕ)

Muž zahteva od žene: Napiši pismo, i obesi se!

Apple zahteva: Dajte nam Android izvorni kod!

Kada osam meseci ne primamo plate, dajte nam socijalnu pomoć — zahtevaju radnici.

Для выражения ZAHTEV могут быть использованы инфинитивы. Подобные случаи будут рассмотрены в четвертой главе.

Подвидом ZAHTEVA являются TREBOVANJA и MOLBA. Слово *trebovanje* в сербском языке — это русизм, обозначающий тип документа и имеющий довольно ограниченное употребление. MOLBA в SSSJ также относится к типу документа (ПРОШЕНИЕ). Отметим, что существует пока что мало исследованная проблема соотношения императивных значений, или типов императивных высказываний, и типов директивных текстов¹.

3. KOMANDA (КОМАНДА)

Na to su nam komandovali: Lezi, ustani, lezi, ustani, dok smo mi izvršavali ovu komandu oni su iz pušaka pucali po samoj crkvi koja je bila u polumraku.

Prvi asistent komanduje: «Formiraj vrstu!» Učenici poravnaju vrstu i zauzmu pripremni stav.

Nuhanović ga izvede ispred stroja i komanduje mu «Lezi gotovs», čovjek legne sa puškom na gotovs, on mu da ostav i urla na njega, vrijeđa ga.

Как указывается в SSSJ, интенсивность побуждения и различие в социальном положении у КОМАНДЫ выше, чем у предыдущих подтипов. Нам кажется, что в данном конкретном случае различия между русским и

¹ Это тексты, целью которых является побуждение Адресата к речевому или неречевому действию. Директивные тексты также называются апеллятивными (например, *Комлева Е.В.* Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на примере современного немецкого языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 90.

сербским языками нет, и КОМАНДА отличается от ПРИКАЗА необходимостью немедленного выполнения действия.

4. NAREDBA (ПРИКАЗ, РАСПОРЯЖЕНИЕ)

«*Dođi!*», *naredio je Tanus i udario me rukom po leđima.*

«*Majmune jedan, ponašaj se kao kreten, donesi mi tost*», *naredila je Milica.*

Uskoro se začuje udarac povratima zračne komore. – Otvori! — naredio je glas iz radija. — Moram te pretražiti.

Все, перечисляемые в SSSJ признаки подтипа NAREDBA, совпадают с предыдущими (ZAHTEV, ZAPOVEST, KOMANDA).

Именно глагол *narediti/naređivati* является эквивалентом русского *приказывать/приказывать* (*Komandant naređuje povlačenje*), однако этот подтип императивных высказываний выделяется не всеми исследователями. В целом, можно отметить, что признаки, по которым различаются подтипы, в SSSJ не выделяются, описываются скорее общие черты — большая степень директивности и субординация между Говорящим и Адресатом. Словарное значение¹ слова *naredba* содержит указание на то, что NAREDBA отдается тем, у кого есть власть, мощь или военная сила, в отличие от слова ZAPOVEST, компонентом значения которого является «*правило, принцип*» (этимологически родственное русское слово *заповедь*). Однако ПРИКАЗ в узком, военно-профессиональном смысле слова именуется NAREĐENJE.

Naređenje Komande 15. brdskog armijskog korpusa od 21. maja 1944.
[Приказ командования 15-го горного корпуса от 21-го мая 1944 года.]

NAREDBA в зависимости от контекста может переводиться и как *приказ*, и как *распоряжение* и как *команда* (особенно для собак).

Naredba o zabrani prevoza eksplozivnih materija u drumskom saobraćaju
[Распоряжение о запрете перевоза взрывчатых веществ в автотранспорте.]

¹ Rečnik srpskoga jezika. Matica Srpska. Novi Sad, 2007.

Ima tri mjeseca i one standardne naredbe tipa dođi, sjedni, donesi, daj šapu odavno zna. [Собаке три месяца, и стандартные команды, типа ко мне, сидеть аппорт, дай лапу, она давно уже знает.]

Для данного типа императивного значения нет однозначного русского эквивалента, но мы склонны считать, что наиболее близким является РАСПОРЯЖЕНИЕ.

5. ZABARANA (ЗАПРЕТ)

Nemoj oblačiti svilu i nositi zlatni prsten jer je to zabranjeno muškarcima.

Neke zabrane utiču na mali broj ponašanja, kao što su: «Ne pjevaj», «Ne smij se tako glasno», «Ne jedi slatkiše». Druge su ekstremno jake, kao: «Nemoj biti srećna».

Inače, nikad nemoj da otvaraš hard disk, to ti je skoro isto kao da si ga čekićem udario.

ЗАПРЕТ — это отрицательное ТРЕБОВАНИЕ или РАЗРЕШЕНИЕ, как указывается в «SSSJ». Однако можно найти примеры, где ЗАПРЕТ выражен через ZAPOVEST.

Ja sam Gospod Bog Tvoj; nemoj imati drugih bogova osim mene. Da li ova zapovest zabranjuje da poštujemo svetu Devu Mariju, anđele i svetitelje?

Отрицательные формы императива рассматривались нами ранее.

Druge vrste imperativnih iskaza. Другие виды императивных высказываний.

1. DOZVOLA (РАЗРЕШЕНИЕ)

Dali vi mislite da smem da uzimam kreatin da mi neće škoditi mozda? — Prvo, posni da jedes!

Smem li nešto da te pitam? — Pitaj slobodno!

РАЗРЕШЕНИЕ отличается слабой директивностью и является ответом на стимулирующую реплику. РАЗРЕШЕНИЕ также предполагает, что Говорящий занимает более высокое положение, чем Адресат.

Ответ на запрос может быть негативным, но без отрицательной формы императива.

Gospode, dozvoli mi da prvo odem i sahranim svoga oca. Reče mu: ostavi mrtve neka sahranjuju svoje mrtvace, a ti idi i objavljuj carstvo Božije.

Profesore, da li dozvoljavate da odem do toaleta?! — Ne dozvoljavam, sedi.

2. UPUTSTVA i INSRUKCIJE (РУКОВОДСТВА и ИНСТРУКЦИИ)

Uslučaju da gori u loncu, ugasite vatru sa poklopcem, a ne sa vodom.

Pritisni resize/move, u polje Free Space After upiši 5000, pritisni OK.

Ako se zateknete u nižim prostorijama, pri prvim podrhtavanjima izađite iz njih na slobodan prostor, udaljite se od stabala, uličnih svjetiljki, električnih kablova i građevina. Ako ste na višim spratovima, sklonite se pored nosivih zidova, pod okvire vrata, u unutrašnji ugao prostorije, ispod stola, te rukama zašтите оči. Odmaknite se što dalje od staklenih površina i pregradnih zidova, ne upotrebljavajte šibice i otvorenu vatru, navodi se u uputstvu.

Несмотря на то, что *uputstvo* можно на русский язык перевести как *руководство*, мы считаем, что в сербском языке микрополе UPUTSTVO коррелирует с микрополем ИНСТРУКЦИЈА в русском. *Руководство* в русском языке обозначает деятельность (*мудрое руководство*), группу лиц (*руководство компании*) или текст, пособие для изучения чего-либо (*руководство по эксплуатации*)¹. В русском языке мы не выделяем РУКОВОДСТВО в отдельное императивное микрополе, поскольку оно представляет тип текста (на ряду с ИЗВЕЩЕНИЕМ, ПОСТАНОВЛЕНИЕМ, ПРЕДПИСАНИЕМ, в которых также может идти речь о необходимости выполнения каких-либо действий), а не частное императивное значение.

Мы можем предположить, что ИНСТРУКЦИЈА связана с правилами, в выполнении которых заинтересован Адресат. Термин ИНСТРУКЦИЈА может относиться как к типу императивного высказывания, так и к типу текста,

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М. 1939. [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М. 2006. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3e0203.htm> (дата обращения 09.04 2014).

содержащему большое количество высказываний типа ИНСТРУКЦИЯ. РУКОВОДСТВО как тип директивного текста непосредственно связано с обучением и получением новой информации, которая передается декларативными высказываниями (например, *Руководство состоит из трёх тетрадей: – В тетради № 1 рассматриваются материалы и их свойства, а также общие требования к кладке и к каменным работам*). Кроме того, в русском языке возможны заголовки типа: «*Инструкция по использованию руководства*», что подчеркивает практически-деятельностную ориентацию ИНСТРУКЦИИ.

Однако в сербском языке объем понятия *uputstvo* не соответствует русскому *руководство*. В сербском языке *uputstvo* имеет значение «*savet, naredba, direktivašta i kako treba raditi*»¹. Слово *uputstvo* может употребляться в близком к русскому значению *руководство* (*uputstvo proizvođača, uputstvo za upotrebu*), но из-за несовпадения значений *uputstvo* часто переводится как *инструкция*.

Uputstvo za farbanje jaja. [Инструкция по окрашиванию яиц.]

Ne piše ništa, samo ima uputstvo za spremanje (stavi u mikrotalasnu, podesi na tri minuta, uključi, raspakuj i klopaj). [Ничего не написано, есть только инструкция по приготовлению (положи в микроволновку, поставь на три минуты, включи, открой и ешь).]

Samodaj mi uputstvo kako se uploaduje strip na mediafire, to još nisam radio. [Дай мне только инструкцию, как выгрузить комикс на Медиафайер, я этого еще никогда не делал.]

Kratko uputstvo za naručivanje hrane preko sajta <http://www.klopanaklik.com>. [Краткая инструкция, как заказать еду на сайте <http://www.klopanaklik.com>.]

Zato smo vam napravili ovo sasvim jednostavno uputstvo kako bi i najsmotaniji shvatili kako se jede štapićima! [Поэтому мы вам написали очень

¹ Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad, 2007. S. 1407.

простую инструкцию, чтобы даже самые неуклюжие поняли, как есть палочками.]

INSTRUKCIJA в словарях часто объясняется через UPUTSTVO¹. Однако словосочетание **Instrukcija za farbanje jaja* в сербском языке невозможна (без иронического подтекста). В сербском языке бытовые ИНСТРУКЦИИ, касающиеся повседневной жизни, именуются UPUTSTVO. В то время как INSTRUKCIJA чаще всего относится к командам в языках программирования, манипуляциям с программным обеспечением или к документам, регламентирующим финансовые и правовые вопросы.

Nova instrukcija za oslobađanje od plaćanja PDV-a.

Instrukcija za uplate na depozitni račun.

Instrukcija za popunjavanje i dostavljanje prijava za evidentiranje korišćenja radio-frekvencija.

Instrukcija za uplatu administrativne takse za CEMT i godišnje dozvole za 2014. godinu.

Согласно SSSJ, INSTRUKCIJA обладает довольно слабой директивностью. С нашей точки зрения, это не совсем так, поскольку директивность императивных подтипов UPUTSTVO и ИНСТРУКЦИЈА напрямую зависит от того, насколько заинтересован Адресат в выполнении действия, что, в свою очередь, напрямую зависит от содержания ИНСТРУКЦИИ (идет ли речь о приготовлении супа или о спасении жизни) и от авторитета Прескриптора, который обычно очень высок, поскольку не имеет конкретного референта, а представляет обобщенный человеческий опыт. Мы не видим причин считать, что высказывания типа *U slučaju požara, zovite 119* обладают слабой императивностью. И, в целом, отнесение подтипа ИНСТРУКЦИЈА к нецентральным довольно спорно.

3. PREDLOG (ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

¹ Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad, 2007. S. 17.

Nemojte im dati sva ovlašćenja odjednom. Ako jedan deo ovlašćenja urade dobro, dajte im još, predložila je ona.

Probajte «Zlatan burger»! Inovativna ponuda jednog pariskog restorana.

Izaberite jedan od mnogih profesionalno dizajniranih šablona za svoj sajt.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ характеризуется слабой степенью императивности. С ЭТИМ ПОДТИПОМ активно взаимодействует категория вежливости, в большинстве случаев ПРЕДЛОЖЕНИЕ выражается неимперативными формами.

4. MOLBA (ПРОСЬБА)

Bajden zamolio Ekvador: Nedajte azil Snoudenu!

– Nemoj da zatvaraš vrata! Nemoj! — Milan je bio brži, pa je Gavrilović ostao ispred zatvorenih vrata u potpunoj panici. — Molim vas, otključajte!

Этот подвид императивного значения также тесно связан с категорией вежливости. Отметим, что в сербском языке этот семантический подтип и правила его употребления в речи во многом схожи с русским языком. Наряду с вежливыми вопросительными конструкциями и оптативом возможно нейтральное употребление императивных форм.

Dođi sutra, molim te.

Molim te, uzmi paket za mene ako ideš usput.

Отметим также, что в сербском языке не различаются ПРОСЬБА и МОЛЬБА. Следовательно, в сербском, в отличие от русского, нет признака «степень нужды Говорящего» и нет оппозиции по этому признаку. Оба значения совмещают глагол *moliti* и существительное *molba*. Глагол *prositi* в современно сербском языке имеет значение *попрошайничать*. (*Mi ne prosimo po ulicama, ali mora se živjeti od nečega*). В отличие от русского языка, где по признаку «потребность Говорящего в каузируемом действии» выделяются три типа императивных значений (ТРЕБОВАНИЕ, ПРОСЬБА, МОЛЬБА), в сербском языке выделяются только два типа частных императивных значений — ZAHTEV и MOLBA.

5. SAVET (COBET)

Čitajte Psaltir – savetovao je on. – Ljubite prirodu.

Pitajte one na koje se predložena rešenja odnose da li takva praksa postoji u svetu – savetovao je on.

Uložite naročite napore, —savetovala je ona, —posebno tamo gde vam anđeli Gospodnji otvaraju put.

COBET ориентирован на интересы Адресата. Для этого подтипа характерны различные вежливые стратегии и использование косвенных речевых актов, однако употребление императивной формы вполне допустимо.

Запрос COBETA и РАЗРЕШЕНИЯ могут быть совмещены в одной фразе и не иметь четкого разграничения.

Hoću da skinem jednu android igricu na kompjuter. Pa sad ne znam i ne smem da skinem program. Vaš savet? — Skinij igru sa nekih APK sajtova.

6. UPOZORENJE (ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ)

Для ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ (превентива), в целом, характерны отрицательные императивные формы, которые рассматривались уже нами в данной главе.

Studenti upozoravaju: Nemojte dodavati ulje na vatru, nego je gasite da ne bi izbio požar mnogo većih razmjera.

«Nemojte bacati svu hranu» —upozoravaju naučnici.

Однако ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ в некоторых случаях может быть выражено простой императивной формой, а не отрицательной. В подобных случаях используются формы *znaj, pazi, vodi računa*.

Kadja šutim, znajte da nešto nije u redu.

Sada, kada budete čitali moju knjigu, upozoravao je on članove Studija, znajte da nisam umeo odmah početi sa osnovnim zbivanjem i nadzadatkom.

Dnevno uklone oko 120 automobila, pazite da vaš nebude među njima.

Vodite računa o balansu hranljivih namirnica.

7. PRETNJA (УГРОЗА)

Briši odavde, nemoj više da se brukaš.

УГРОЗА схожа с ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ тем, что сообщает об опасности. Основное различие в том, что ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ — в интересах Адресата, в то время как УГРОЗА формулируется, исходя из интересов Говорящего, которые нарушает или может нарушить Адресат. Если Адресат не прекратит действие, то ему будет причинен вред. Для выражения УГРОЗЫ используются как простые, так и отрицательные императивные формы.

Адекватная оценка высказывания и различение ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ и УГРОЗЫ зависит от того, как Адресат представляет себе Говорящего — из чьих интересов он исходит и какие действия способен предпринять. Вне контекста различить эти два подтипа крайне сложно.

Vodite računa osvojim dugovanjima. (Не забывайте о своих задолженностях).

8. PREPORUKA (СОВЕТ или РЕКОМЕНДАЦИЯ)

Dačić poručuje Tačiju: Pazi šta pričaš.

U frižideru jelo može da se čuva do pet dana, a ako želite da ga čuvate duže, zamrznite ga odmah posle rashlađivanja, preporučila je ona

A nominiranim glumcima preporučujemo — čuvajte se, možda i dobijete Oscara!

Этот подтип также чрезвычайно схож с СОВЕТОМ и его значение сложно выявить без контекста или перформативного глагола. Однако, в отличие от СОВЕТА в русском языке, PREPORUKA характеризуется тем, что «preporuka sadrži objekat, koji se preporučuje, kao i element pozitivnog vrednovanja tog objekta»¹, то есть в ней есть элемент оценки. Обычно

¹ Sinatksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 669.

PREPORUKA касается конкретного решения или выбора, который должен сделать Адресат.

Preporuka za kupovinu auta do 3500 eura? Uzmi Opel Astru, 1.8, benzin.

Moja preporuka (ja sam tako uradio i ne kajem se): uzmi HD resiver i pretplati se i na HD paket.

Однокоренные с *preporučiti* глаголы *naručiti* (заказать), *poručiti* (поручить, дать поручение, заявить, сделать заявление) этимологически родственны глаголу *поручить(ся)* и существительному *поручение* (подтип ПОРУЧЕНИЕ иногда выделяется отечественными исследователями императивности) и предполагают либо некоторую обязанность со стороны Адресата, которую на него накладывает Говорящий (*poručiti* в значении *дать поручение*), либо публичность высказывания Говорящего (*poručiti* в значении *заявить*). Производный от *poručiti* глагол *preporučiti*, по-видимому, имеет сему «обещание», таким образом, PREPORUKA сочетает в себе СОВЕТ что-то сделать и ОБЕЩАНИЕ, что последствия будут положительными для Адресата (см, например, характерное добавление *ja sam tako uradio i ne kajem se* [я сам так сделал и не сожалею]).

Мы не выделяем РЕКОМЕНДАЦИЮ для русского языка в качестве семантического микрополя императивности, поскольку считаем ее либо разновидностью ОТЗЫВА (неимперативного высказывания), либо типом текста (*Рекомендации Роспотребнадзора: как избежать отравления грибами?*)

Таким образом, в области микрополей ПРОСЬБА и МОЛЬБА мы наблюдаем различия, которых нет в языке-цели, то есть, конвергентные отношения. В то время как в области микрополей SAVET и PREPORUKA мы наблюдаем различия в языке-цели, которых нет в исходном языке, то есть, дивергентные отношения.

Отдельного замечания заслуживает РАСПОРЯЖЕНИЕ. В русском языке можно выделить четыре типа императивных значений, выражающих деонтическую необходимость — ПРИКАЗ, ПРИКАЗАНИЕ, РАСПОРЯЖЕНИЕ и КОМАНДУ. Однозначное соответствие между русским и сербским языком можно провести для КОМАНДЫ, которой соответствует сербское императивное микрополе KOMANDA с тем же набором семантических признаков. Микрополе ПРИКАЗАНИЕ мы выделять не стали (несмотря на то, что это возможно и такая традиция существует среди исследователей), поскольку по нашим наблюдениям разницу между ПРИКАЗОМ и ПРИКАЗАНИЕМ осознает только определенная социальная группа, в социолекте которой существует триада ПРИКАЗ – ПРИКАЗАНИЕ – РАСПОРЯЖЕНИЕ с признаком «важность и характер поставленной задачи», имеющим градуальную шкалу. Для большинства носителей русского языка различия в этой триаде не существенны и интуитивно различаются только ситуации ПРИКАЗА и РАСПОРЯЖЕНИЯ по большей/меньшей важности и большей/меньшей категоричности формулировки. В сербском языке РАСПОРЯЖЕНИЮ соответствует NAREĐBA и должно переводиться соответственно. Микрополе NAREĐENJE, которое не выделяется сербскими лингвистами, эквивалентно русскому микрополю ПРИКАЗ.

A zatim je sledilo kratko naređenje: «4. i 2. bataljon imaju zadatak da odmah krenu preko sela Vaganj u pravcu Drvara, radi zaštite Vrhovnog štaba». [Затем последовал краткий приказ: «4-й и 2-й батальоны получают задание немедленно выступить через село Вагань по направлению к Дрвару для защиты Верховного штаба».]

Zatim dolazi naređenje: Pucaj bez opomene! [Затем приходит приказ: «Стреляй без команды!»]

Nacionalna garda dobila naređenje: «pucaj i ubij» [Национальная гвардия получила приказ: «Стреляй и убивай!»]

Posle toga smo dobili naređenje: «Lezi» i nekoliko šamara, jer nismo shvatali šta treba da uradimo. [После этого мы получили приказ «Лежать!» и несколько пощечин, так как не поняли, что надо делать.]

Таблица №2. Соответствия между типами императивных значений в русском и сербском языке.

русский		сербский
ПРИКАЗ		NAREĐENJE
КОМАНДА		KOMANDA
РАСПОРЯЖЕНИЕ		NAREĐBA
ИНСТРУКЦИЯ		UPUTSTVO
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ		UPOZORENJE
	}	SAVET
СОВЕТ		PREPORUKA
ПРЕДЛОЖЕНИЕ		PREDLOG
РАЗРЕШЕНИЕ		DOZVOLA
ТРЕБОВАНИЕ		ZAHTEV
УГРОЗА		PRETNJA
ЛОЗУНГ (ПРИЗЫВ)		SLOGAN
ПРОСЬБА	}	
МОЛЬБА		MOLBA

Можно отметить, что определенным типам императивных высказываний соответствуют определенные функциональные типы директивных текстов. Например, можно считать, что типу высказывания СОВЕТ соответствует тип текста РЕКОМЕНДАЦИЯ, типу высказывания ПРОСЬБА — ЗАПРОС (или ТРЕБОВАНИЕ как тип текста). ПРИКАЗ, как императивное высказывание, может быть соотнесен сразу с несколькими типами текстов — ПРИКАЗ, ПРИКАЗАНИЕ, УКАЗ, ПОСТАНОВЛЕНИЕ, ПРЕДПИСАНИЕ. ИНСТРУКЦИЯ, как уже упоминалось выше, коррелирует с РУКОВОДСТВОМ. Очевидно, что не всегда исследователи разводят типы императивных высказываний и типы директивных текстов по разным

классификациям и иногда пытаются объединить единицы разных языковых уровней для построения одной классификации. Дальнейшая разработка корреляции типов императивных высказываний и типов директивных текстов (при их разграничении) представляется довольно перспективной.

Несмотря на количество подтипов и применяемые классификационные принципы, однозначная интерпретация не всегда возможна. Подтипы представляют собой функционально-семантические микрополя, которые также, в свою очередь, имеют центр и периферию.

В данной главе нами было рассмотрено ядро функционально-семантического поля императивности, которое составляют формы 2-го лица, а также взаимодействие семантики императива с другими глагольными категориями и функционально-семантическое членение ядра категории. Именно для ядра категории характерна наибольшая концентрация дифференцирующих семантических признаков и, в то же время, наибольшее количество связей с другими категориями. В ядре категории мы можем наблюдать взаимодействие категории императивности и категорий глагольного вида и отрицания. В сербском языке глагольный вид практически интегрирован в категорию императивности (императив использует только СВ, отрицательный императив — НСВ, категория вида в императиве утрачивает свое самостоятельное значение). Ядро функционально-семантического поля несет наибольшую функциональную нагрузку и включает в себе максимальный семантический потенциал — все частные значения, входящие в категорию, могут быть выражены центральными формами. Нами была предложена классификация значений, которые, на наш взгляд, составляют семантическое ядро категории на основании таких признаков, как деонтическая необходимость совершать каузируемое действие для Адресата, физическая необходимость каузируемого действия для Говорящего, заинтересованность Адресата в каузируемом действии и контроль Говорящего над действиями Адресата. В

результате построения деривационного дерева были выделены 13 императивных значений для русского языка. Эта классификация была спроецирована на сербский язык, в следствие чего были выявлены различия в семантической организации ядра категории императивности. Русские микрополя ПРОСЬБА и МОЛЬБА соответствуют сербскому микрополю MOLBA (то есть наблюдаются конвергентные отношения), а русское микрополе СОВЕТ соответствует микрополям SAVET и PREPORUKA (дивергентные отношения).

Г л а в а I I I

Средства выражения побуждения к совместному действию.

Приядерные элементы категории императивности

Как отмечает А.В Бондарко, переход от центра к периферии в семантических полях осуществляется постепенно¹. В разных же языках элементы одного порядка (например, формы 1-го лица мн.ч.) могут принадлежать различным участкам поля. В данной главе будут рассмотрены формы как входящие в ядро категории императивности, так и не входящие в ядро, но непосредственно примыкающие.

1.0. Общие замечания о статусе форм побуждения не 2-го лица

Различие в лично-числовых формах императива коррелирует с различиями в семантике побуждения. Как с формальной, так и с семантической точки зрения императив весьма неоднороден. Он выражает различные ситуации с различным набором участников и признаков. Ограничение императивной парадигмы формами 2-го лица неправомерно, поскольку лицо агенса каузируемого действия является семантической переменной. Каузироваться может действие как 2-го и 1-го лица («совместное действие»), 1-го и 3-го («эксклюзивное побуждение») так и 3-го лица («юссив»).

1.1. Общие замечания о формах побуждения 1-го лица мн. ч.

Глагольные формы, выражающее побуждение к действию, агенсом которого является группа лиц, в которую входит Говорящий, будут называться императивом 1-го лица мн. ч., или формой побуждения к совместному действию.

¹ *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 179.

Оговорим отдельно причины, по которым мы не используем термин «гортатив». Некоторые лингвисты¹ употребляют его в качестве синонима для «формы совместного действия», в то время как другие приписывают этому термину несколько иное значение, а именно — значение «побудительного наклонения», различая тем самым повелительное и побудительное наклонения. Основы разграничения повелительного (imperative) и побудительного (hortative) наклонения были заложены Р. Якобсоном², выделившим императивные формы с частицей *-ка*, означающей «увещевание», в особое маркированное наклонение, противопоставленное повелительному³. В схожем значении термин *hortative* употребляет А.В. Исаченко, обозначая им «побудительные формы»⁴, которые, он, однако, не выделяет в особое побудительное наклонение.

Сочетания «инклюзивное побуждение» и «инклюзивный императив», используемые иногда для обозначения побуждения 1-го лица мн. ч.⁵, также, на наш взгляд, являются не очень удачными применительно к двум рассматриваемым славянским языкам. Если в лингвистической системе отсутствует грамматическое противопоставление инклюзив/эксклюзив, то все формы, выражающие побуждение группы лиц, в которую входит сам Говорящий (побуждение для «мы» – я/мы с тобой/вами), являются по умолчанию инклюзивными, то есть подразумевается, что Адресат высказывания также входит в побуждаемую группу. Такая априорная

¹ Напр., *Изотов А.И.* К вопросу о полной парадигме чешского императива // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции. Т. 1. Казань, 2007. С. 59–61.

² *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

³ Схожая т. з. представлена в *Bybee et al Evolution of grammar*, где гортатив определяется как «побуждение и поощрение говорящим к действию некоторого лица».

⁴ Напр., *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 490–494, *Войводич Д.* Об инклюзивных формах императива в славянских языках // *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura u inoslovenskoj sredini*. Beograd, 1998. S. 130–138.

⁵ Напр., Р. Якобсон противопоставляет в рамках гортатива «инклюзивное лицо», т. е. 1 лицо мн. ч. («напишем-ка»), «эксклюзивной форме», т. е. 1 лицо ед. ч. («напишу-ка»). *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 105.

включенность Адресата связана с прототипической императивной ситуацией, в которой побуждаемым является 2-е лицо, центральное для категории императива. Побуждение группы «мы» можно рассматривать как расширение прототипического императива за счет включения Говорящего в ряд субъектов-исполнителей действия («Говорящий имеет интенцию совершить некоторое действие совместно с Адресатом»), но при этом значение «Говорящий побуждает Адресата к совершению действия» остается. Эксклюзивное же побуждение, которое предполагает активное действие 1-го лица (я/мы с 3-им лицом/лицами) и пассивность 2-го лица, передается лексическими средствами (*Давайте мы для вас споем! Ajmo da odpevamo nešto za vas*). Следовательно, при отсутствии эксклюзива как грамматической категории, нет оснований для обозначения форм императива 1-го лица мн. ч. как «инклюзивных».

Словосочетания «совместное действие» и «побуждение к совместному действию» были введены в терминологический оборот В.В. Виноградовым в работе «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове»¹. В дальнейшем мы будем использовать именно этот термин как наиболее традиционный, однозначный и выработанный специально для русского языка, что, однако, не препятствует его применению и относительно сербского языка.

Некоторые исследователи, как, например, Н.В. Перцов² и А. Барентсен³, считают, что формы побуждения к совместному действию не имеют грамматического значения императивности и представляют собой случаи транспозиции форм индикатива в семантическую область императива. Случаи подобной транспозиции, бесспорно, существуют (*Завтра в школу*

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001. С. 482–483.

² Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения. II. (Императив в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 88.

³ Барентсен А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists. Ljubljana: Linguistics. Amsterdam – New York, 2003. С. 1–33.

придешь с родителями! Ruke gore, dišeto duboko!) Но для форм 1-го лица мн. ч. типа *откроем, откроемте* и *давайте открывать* на синхронном уровне логичнее предположить не переносное значение индикативных форм, а омонимию императивных и индикативных форм, поскольку, помимо различия в синтаксической структуре императивных и индикативных высказываний (возможность для индикативных, в том числе, транспонированных, форм иметь формальное подлежащее и невозможности постановки подлежащего для форм императива), можно также отметить различные коммуникативные функции индикативных и императивных форм (дескрипция и прескрипция), различную словообразовательную структуру форм (показатель *-м* и *-те* в индикативе является флексией, то есть формантом согласовательной категории, а в императиве — словообразовательным суффиксом), отсутствие у императивных форм граммемы времени, обязательной для индикатива, а также возможность для императивных форм сочетаться с постпозитивной модальной частицей *-ка*. Все перечисленное выше указывает на то, что в случае с формами совместного действия мы имеем дело не с контекстуально обусловленными вариантами употребления формы индикатива, а с непосредственно императивными формами.

Как отмечено в работе В.С. Храковского «Исчисляющие классификации в типологии», «К словоформам, входящим в императивную парадигму, должны предъявляться всего два формальных требования: а) эти формы должны регулярно образовываться теми лексемами, которые по своей семантике допускают образование словоформ с повелительным значением, б) эти формы должны опознаваться в предложении как формы, имеющие повелительное значение»¹. Формы побуждения 1-го лица мн. ч., как синтетические типа *пойдем, пойдете*, так и аналитические типа *давайте пойдём*, соответствуют обоим этим требованиям и, следовательно, являются

¹ Храковский В.С. Исчисляющие классификации в типологии // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 47.

формами императива, несмотря на омонимию с формами индикатива, от которых они произошли исторически.

1.2. Формы совместного действия в русском языке

Традиционно в русском языке выделяются следующие формы побуждения к совместному действию.

1. синтетическая форма типа *пойдем (-те)* (СВ) и формы типа *идем (-те)* (НСВ)

Все на лыжи! На коньки! Займемся здоровым образом жизни! Покажем, что мы еще молоды!

Эти формы неоднородны с основными формами русского императива, имеющими грамматический показатель императивности *-и/-й-*. Как отмечалось выше, форма типа *пойдем* омонимична форме настоящего-будущего глаголов СВ, в формах типа *пойдемте* императивность выражается при помощи суффикса *-те*, который регулярно используется для образования форм императива 2-го лица мн.ч. и который этимологически восходит к окончанию 2-го лица мн. ч. индикатива. Наиболее частотны подобные формы императива 1-го лица мн. ч. у глаголов однонаправленного движения. В целом же, формы с суффиксом *-те* в современном русском языке являются менее употребительными по сравнению с аналитическими формами побуждения к совместному действию. Количество лексем, образующих форму побуждения с суффиксом *-те*, весьма ограничено. Формы типа *пойдемте* и *пройдемте* можно считать уже лексикализованными¹.

Однако наличие двух форм для побуждения 1-го лица мн. ч. вызывает вопрос об их взаимоотношении и дистрибуции, который неоднократно

¹ Барентсен А. О формально маркированных выражениях призыва к совместному действию в русских текстах двух последних столетий // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М., 2004.

поднимался отечественными и зарубежными лингвистами¹. Первым, кто обратил внимание на эти формы и дал им толкование, был Ф.И. Буслаев, который отметил в своей работе «Опыт исторической грамматики русского языка», что «Совокупное действие 1-го лица со 2-м ед. числа означает повелительными формами: *пойдем, скажем* и пр.; и со 2-м мн. числа формами: *пойдем-те, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному»². П.С. Кузнецовым синтетическая форма с *-те* была названа «инклюзивом», форму же с суффиксом *-м* он назвал двойственным числом повелительного наклонения³. В.В. Виноградов дал определение формам без *-те* как формам совместного действия⁴. В.С. Храковский⁵, анализируя эту пару форм, пришел к выводу, что форма типа *пойдем* может обозначать как дв., так и мн. ч., а форма типа *пойдемте* — только мн. ч. Существование в языке одновременно двух форм побуждения 1-го лица мн. ч. объясняется тем, что «В плане коммуникации различение императивных ситуаций, когда говорящий должен выполнять каузируемое действие совместно с одним или со многими слушающими, является прагматически очень важным»⁶.

У форм с частицей *-ка* (*пойдем-ка, пойдете-ка*) А. Барентсен выделяет общее значение «новизны идеи» и «внутреннего решения на непосредственное совершение действия». Голландский исследователь отмечает, что конструкции с *-ка* выражают намерение совершить действие непосредственно после момента речи. Другой точки зрения на формы с *-ка* придерживается Н.В. Перцов, который описывает формант *-ка* как

¹ Подробнее см. Храковский В.С. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 90–101.

² Цитата по Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001. С. 482.

³ Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953. С. 280.

⁴ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001. С. 483.

⁵ Храковский В.С. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4).

⁶ Там же. С. 99.

словоизменяющийся аффикс, выражающий квазиграммему со значением «фамильярное побуждение». Бранко Тошович выделяет у частицы *-ка* значения «непринужденного, смягченного приказания, близости отношений, ...иронии».

2. аналитические формы частицей *давай*

Аналитические формы побуждения к совместному действию, в которых лексическое значение отделено от грамматического, имеют несколько подвидов.

давай (-те) + инфинитив НСВ

*Все играем в домики! Долой войну! **Давайте жить** дружно!*

Давай** уже что-нибудь **делать!

*Форум умрёт, когда до ляма досчитаем, так что **давайте** медленней **считать!***

*Тогда **давайте** и **вычитать**, а не только прибавлять!*

***Давай-ка** **принимать** человеческий **вид**, до полнолуния еще далеко.*

***Давайте-ка** **привыкать** указывать для обычного или для скоростного сервера вы приводите данные.*

Данная форма образуется с помощью частицы *давай/давайте* и инфинитива смыслового глагола, обозначающего каузируемое действие. По мнению А. Барентсена, именно эта форма (наряду с пунктом 4) является «основной» для обозначения призыва или приглашения адресата к участию в действии совместно с говорящим, что выделяет русский язык среди большинства славянских, обладающих особой синтетической формой императива 1-го лица мн. ч.¹ Согласимся с замечанием голландского исследователя о том, что синтетическая старославянская форма была утрачена в русском языке, но отметим, что при узко синхронном анализе

¹ *Барентсен А.* О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists. Ljubljana: Linguistics. Amsterdam – New York, 2003. С. 6–7.

императивной парадигмы в русском языке могут быть выделены синтетические формы побуждения 1-го лица (см выше).

Различие между *давай* и *давайте* состоит, по-видимому, в том, что «среди форм совместного действия есть как формы 1-го лица мн. ч. (*давайте молчать, давайте помолчим*), так и формы 1-го лица дв. ч. (*давай молчать, давай помолчим*)»¹. В формах совместного действия количество Исполнителей всегда больше одного, поскольку совместное действие подразумевает, что Говорящий (Прескриптор) является одним из агентов наряду со Слушающим или Слушающими. Среди форм совместного действия различаются дв. ч. (если Исполнителей двое — Говорящий и Слушающий, *давай неть*) и мн. ч. (Исполнителей больше двух — Говорящий и несколько Слушающих, *давайте неть*). Именно в аналитических формах наиболее четко и формально проявляется оппозиция дв. и мн. чисел. В отличие от пары синтетических форм, в которой форма на *-м* может обозначать как дв., так и мн. ч., в формах с *давай/давайте* прослеживается однозначное соответствие формы и значения.

Формы без *давай/давайте* типа *будем играть!*, омонимичные форме сложного будущего, у глаголов НСВ намного менее употребительны по сравнению с формами с частицей по причине сложности их опознания как императивных. К тому же, они не всеми учеными признаются формами императива. Точно также некоторые лингвисты, например, Т.Н. Молошная, рассматривают аналитические формы императива 1-го лица мн. ч. как «свободные синтаксические сочетания слов, выражающих модальное значение побуждения»². Т.Н. Молошная аргументирует свою точку зрения тем, что в аналитических формах с *давай/давайте* «категориальное значение

¹ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991. С. 37–45.

² Молошная Т.Н. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков. М., 1995 С. 74.

императива... переkreщивается с оттенками собственного лексического значения глагола «давать»¹. Наличие «дополнительной семантики» («остаточные элементы значения «предоставления», «позволения»²) не позволяет, по мнению исследователя, признать глагольные словосочетания с *давай/давайте* грамматическими формами повелительного наклонения. Однако, если подобная точка зрения допустима для форм, в которых *дай/давай* выражает побуждение 1-го лица ед. ч. (*дай/давай открою*), то для форм совместного действия она является, по-видимому, слишком радикальной и не разделяется большинством ученых. Отметим, что значение «запрос на разрешение действия», выделяемое Т.Н. Молошной в примерах типа «*Давайте посидим вместе*» (пример Т.Н. Молошной), является коррелятом таких экстралингвистических факторов, как вежливость и социальная иерархия участников диалога, а не собственным значением частицы *давай/давайте*, поскольку приведенный выше пример может быть расценен и как просьба, и как приказ в зависимости от социального положения Говорящего.

аналитическая форма давай(-те) + будем + инф НСВ

Давай завтра весь день будем спать и никуда не пойдем.

Давай уже будем считать, что ты меня покорила! Приступай к дальнейшим действиям.

Ладно, давай будем обедать в ресторане!

Данная альтернативная форма НСВ была выявлена и впервые описана А. Барентсеном³, который отметил ее появление в текстах первой половины XX века и экспансию во второй половине XX в. А. Барентсен предполагает,

¹ Молошная Т.Н. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков. М., 1995. С. 74.

² Там же.

³ Барентсен А. О формально маркированных выражениях призыва к совместному действию в русских текстах двух последних столетий // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М., 2004.

что форма возникла по аналогии с отрицательными формами НСВ типа «давайте не будем + инф НСВ» (*давайте не будем открывать*).

аналитическая форма давай (-те) + 1-е лицо мн. ч. наст-будущ. времени глаголов СВ

*Я же вижу, тебе интересно, — вновь заговорил ветер. — **Давай поменяемся?***

*А **давай** до речки **сходим?***

*А **давай-ка выпьем** завтра у меня дома! Чаю, например.*

***Давай-ка придумаем** что-нибудь интересное, чтобы фильм стал более кинематографичным.*

Давайте** и про маленького мальчика стихи **вспомним.

***Давайте-ка расставим** все точки над ё.*

В формах, образованных с помощью частицы *давайте*, постфикс *-те* обычно присоединяется к частице, но в разговорной речи возможно присоединение постфикса и к частице, и к форме глагола одновременно: *давайте напишем* и *давайте напишемте*.

*Каждый праздник в ДД и в Доме ребенка проходят концерты. **Давайте пойдёмте** с нами! Вы увидите, какие талантливые и хорошие детки там живут.*

***Давайте посмотримте** на зоны, которые обведены кружками.*

В «РГ 80» отмечается, что «в функции, близкой к функции частицы *давай*, при форме совместного действия может быть употреблена частица *дай*. Значение побуждения при этом имеет оттенок предоставления возможности со стороны того, кому адресована речь: *Здесь в сумерки в конце зимы Она да я – Лишь две души. Останься, дай посмотрим мы, Как месяц канет в камыши* (Блок); *Как у тебя хорошо и светло – Нам за стеною темно... Дай пошалим, постучимся в стекло, Дай-ка забьемся в окно!*

(Блок) ¹». Но случаи такого употребления чрезвычайно редки и, скорее всего, являются окказиональными.

Из возможных дублетных образований типа *сыграемте* — *давайте сыграем* в современном русском языке более употребительны сочетания с частицей *давай(те)*. Синтетические формы с *-те* постепенно вытесняются на периферию узуса и часто оцениваются носителями языка как просторечные или архаичные. Как отмечает А. Барентсен, подобные формы были продуктивны во второй половине XIX в., но «для современного языка характерен весьма ограниченный набор глаголов, представленных в этой форме... для современного языка данные образования следует считать фактически лексикализованными и их вряд ли можно считать живым способом образования формы призыва к совместному действию» ². К такому же выводу приходит А.А. Дуденкова — «в сознании современного говорящего данная форма маркирована как устаревшая» ³.

неполная аналитическая форма *давай (-те)+ существительное*
опущенным смысловым глаголом

Давай по пиву!

Давайте в покер?

Давайте-ка в воскресенье в 18:00 возле фуникулера.

Давайте-ка в обратном порядке, вы, так сказать, нам, а мы — вам!

Глагол, обозначающий действие, в котором Прескриптор приглашает Адресата принять участие, легко восстанавливается в контексте, что позволяет отличить приведенные примеры от схожих, также с опущенным смысловым глаголом, но выражающих побуждение второго лица (*Мы с*

¹ Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980, т. 1, с. 622.

² Барентсен А. О формально маркированных выражениях призыва к совместному действию в русских текстах двух последних столетий // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М., 2004.

³ Дуденкова А.А. Функционирование форм императива на-*те* в русском языке. // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 79.

Katatonicom уходим, давайте без нас пока. Давайте-ка нам определения жанров и стилей в студию, чтоб картину прояснить. Только давайте без характеристик, барышня). В последнем примере – *давайте обойдемся без характеристик* – форма 1-го лица мн. ч. использована для передачи побуждения 2-го лица, т.е. в своем непрямом значении).

Частотность эллиптических конструкций в разговорной речи объясняется тем, что «употребление эллиптических императивных конструкций характерно для стандартных ситуаций, в которых каузируемое действие обычно заранее известно исполнителю»¹.

3. аналитические формы, образованные при помощи частицы *пойдем*

Отметим интересную, на наш взгляд, тенденцию, которую можно проследить в современных разговорных текстах. В некоторых случаях наблюдается десемантизация формы *пойдем* и превращение формы императива от глагола *пойти* в частицу, служащую наряду с *давай/давайте* для образования аналитических форм совместной деятельности.

Лучше пойдёмте играть, а не на форуме флудить [от англ. flood – поток речи, не связанный с основной темой] (= *давайте играть*).

Пойдемте в Казаков [браузерная игра] *играть, подробности у меня в профиле.*

– *А давай споем про контрабанду!* – *Нет, пойдём лучше фильмы отгадывать, а?*

Пойдем союз новому альянсу предлагать!

Пойдем писать первую часть «Мертвой невесты»!

Пойдемте все зажигать еще какой-нибудь сервер! Только давайте без междоусобиц!

Ну, Цезарь, пойдёмте беседу беседовать и дружбу дружить.

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 173.

*Калашников и Крупнов предлагают сделать экономику России неуничтожимой за счет ее распределенности. Интересно? Тогда **пойдем читать** весь выпуск...*

*Еще один вождь на форуме появился! Мосье Емельян, **пойдемте изображать** профессиональных революционеров! Я об этом с детства мечтаю! Только, чур, я главный.*

*Не верьте просветителям никогда! **Пойдемте разбираться**, не спеша и не волнуясь.*

В приведенных примерах Прескриптор не предлагает Адресату совершить перемещение в пространстве, а использует *пойдем/пойдемте* в качестве частицы для образования аналитического императива от смыслового глагола. На это указывает невозможность преобразовать *пойдем* в данных контекстах в полноценный предикат путем подстановки союза *и*: *«*Пойдемте и будем играть*» (в отличие от *Сейчас пойдем и будем пить чай!*).

Возможным объяснением причины возникновения подобных форм является то, что глагол «пойти»¹ во многих своих значениях имеет сему «начинательности». Глаголы начинательного способа действия выражают две разновидности значения начала действия: приступ к действию, или начальный фазис действия (*заходить*), и «начало и продолжение действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижение результата в процессе возникновения действия): *пойти, вскричать*»². Обозначая в индикативе начало действия, формы *пойдем/пойдемте* проникают в поле императива благодаря тому, что императив также обозначает действие, нацеленное на результат, которое должно начаться в будущем. Подобное распространение языковой единицы в новых контекстах неизбежно связано с семантической генерализацией и утратой наиболее конкретных элементов

¹ Словарь современного русского литературного языка. М., 1960, т. 10 / Под ред. К.А. Тимофеева, Н.М. Меделец. С. 816–826.

² Русская Грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980. Т. 1. С. 597.

значения. В случае с *пойдем/пойдемте* десемантизация проявляется в устранении представления о направлении движения и акцентировании результата.

4. аналитические формы, образованные при помощи частицы *айда*

В разговорной речи в качестве побуждения к совместному действию может использоваться частица *айда* и образованные с ее помощью конструкции — *айда + наст.-будущ. СВ, айда + инфинитив НСВ, айда + будем + инфинитив НСВ* и эллиптические конструкции.

Братва, айда посмотрим!

Сегодня звездопад. Айда где-нибудь встретимся!

Айда гулять!

Чистый четверг! Айда мыть полы!

Как я понял, никто математики лучше меня не знает? Айда будем писать свою формулу.

Айда на праздник!

Также встречается региональная форма (наиболее характерная для республики Татарстан) *айдате*.

Айдате, граждане, часов в шесть на Горсовете?

Айдате немного улыбнемся, а?

Русская частица *айда* этимологически родственна сербской побудительной частице *hajde*, которая имеет схожее значение и употребление¹. С типологической точки зрения конструкции, образованные при помощи *айда*, идентичны конструкциям, образованным при помощи частицы *давай*. Как и *давай*, *айда* может присоединять *-ка*.

Айда-ка милый мой в айдахо.

Айда-ка вместе провожать весну.

¹ Из тат. *aida*, *id* - «понукающий, подгоняющий окрик», тур. *haid*. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 64.

5. Форма глагола *идти* в прошедшем времени, мн. ч. — *пошли* в качестве регулярного побуждения к совместному движению:

*Ну никогда этого лифта не дождешься! **Пошли** пешком!*

*Порядок, товарищ капитан, — докладывает радист. ... Ладно, **пошли**, а то околеем, — хриплю я, откашливаясь.*

*Значит, пойдём через юго-восток. Днём оглядимся, отсидимся, с нашими свяжемся. **Пошли**.*

Данная форма может считаться лексикализированным средством побуждения к совместному действию.

Форма *пошли*, обозначая каузацию движения в определенном направлении, может употребляться с наст.-будущ. СВ глагола, обозначающего цель движения:

*Итак, «мыльная опера» под названием «**Пошли, откроем Америку...**» начинается.*

***Пошли, посмотрим**, где люди жили в старые времена.*

*Да чего рассуждать, **пошли, попробуем**.*

Примерно в том же значении *пошли* может сочетаться с инфинитивом, обозначающим цель движения:

*Необходим был и канат в качестве перил, и столб в качестве моста. - Ладно, **пошли тащить** твой столб, — десантник вздохнул и, махнув своим, отправился за мной.*

***Пошли играть** в снежки!*

*Народ! **Пошли все играть** в баскет!*

*У кого есть мячик? **Пошли играть** в волейбол!*

***Пошли** лучше **смотреть** что-нибудь другое, например, листья, плавающие в луже. С тем же значением может употребляться и «пойдем».*

Различие между *пошли открывать* и *пошли, откроем*, по-видимому, такое же, как между *давайте открывать* и *давайте откроем*, то есть НСВ

всегда представлен инфинитивом, а СВ формой настоящего-будущего времени.

Однако в следующих примерах *пошли* + инф НСВ отличается от двух предыдущих тем, что форма *пошли* десемантизируется и не обозначает перемещение в пространстве, а выражает только побуждение к совместному действию:

*Микула, хватит, **пошли дописывать** нашу историю в игре, всё равно на форуме ссора неминуема.*

*Ну, тогда **пошли** в его теме «Плаксы» **обсуждать**.*

*Значит патчить? [от англ. patch – небольшая программа, используемая для устранения проблем в программном обеспечении] **Пошли попатчим** и будем смотреть футбол.*

В данных примерах можно усмотреть аналогию с десемантизацией *пойдем*.

Д. Войводиц, сопоставляя русские формы побуждения к совместному действию с сербскими, отмечает, что «iskazivanje imperativnosti inkluzivnom upotrebom mn oblika prošlog vremena (po pravilu, od glagola kretanja, kao što su пойти, поехать i сл) takođe je karakteristično za ruski jezik»¹.

Отметим, что со схожим значением, но значительно реже, встречается конструкция с десемантизированной формой глагола «погнать» — *погнали*.

*Поскольку считается только то, что ты делаешь, а говорить можно всё, что угодно, то **погнали читать!***

*В общем, **погнали писать** вступление!*

*Или смиритесь или **погнали сочинять** сценарии.*

Данные конструкции наиболее характерны для разговорной речи. Можно предположить, что у них есть значение побуждения к немедленному действию.

¹ *Vojvodić D. O vokativnim imperativnim tipovima kauzacije u ruskom i srpskom jeziku // Južnoslovenski filolog. 2003. № 59. S. 166.*

В целом, для русского языка можно отметить тенденцию к аналитизму в образовании форм побуждения к совместному действию, которая проявляется как в большей частотности форм с *давай/давайте*, по сравнению с синтетической формой на *-те*, так и в процессе грамматикализации форм глагола *пойти*, которые начинают принимать участие в образовании аналитических конструкций наряду с *давай/давайте*.

Вовлечение форм глагола «пойти» в образование форм императива и формирование альтернативного способа побуждения 1-го лица мн. ч. может быть объяснено тем, что «для форм совместного лица в принципе характерна многовариантность»¹, а также тем, что в языках мира образование форм совместного действия при помощи частицы от глаголов движения со значением «приходить, приезжать, идти» является продуктивным и широко распространенным.

Формы совместной деятельности (или формы побуждения 1-го лица мн. ч.) в русском языке мы склонны рассматривать как приядерный элемент поля. Это формы наиболее близки к ядру категории и семантически полностью соответствуют признакам императивности. Однако они не являются прототипическими и не имеют специфическую синтетическую форму (синтетическая форма с неспецифическим суффиксом *-те* в русском языке также утрачивается). В отличие от устоявшегося и уже не подверженного никаким изменениям ядра, приядерные формы довольно активно развиваются и меняются.

1.3. Формы совместного действия в сербском языке

Так же, как и в русской, в сербской грамматической традиции существуют разногласия по поводу статуса форм побуждения к совместному действию. И если синтетическая форма (*pevajmo*)безоговорочно является специализированным членом императивной парадигмы в силу

¹ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992. С. 27.

грамматического показателя *-j*, участвующего в образовании как форм 2-го, так и 1-го лица, то аналитическая форма (*hajde/hajdemo da pevamo*), скорее, рассматривается как функциональный аналог императива¹. Также побуждение к совместному действию в сербском языке может передаваться при помощи транспонированных форм индикатива, о чем речь пойдет в главе V.

В целом, в сербском языке выделяются следующие формы императива 1-го лица мн. ч.:

1. синтетическая форма

Ne čekajmo drugi život, borimo se u ovom!

Otčepimo se od Srbije, proterajmo sve političare, pa da, kao ljudi, živimo od turizma i viza!

Postoji li Klub ljubitelja pite krompiruše? Ako ne postoji, šta čekamo?

Otvorajmo ga.

Nadajmo se da će se u skorijoj budućnosti stvari pomeriti na bolje.

Pokušajmo od svog putovanja kroz život da učinimo najbolje što možemo.

Имеет тот же морфологический показатель, что и другие лично-числовые формы императива. У глаголов с основой на *i* формально совпадает с наст.-буд. вр. индикатива.

2. аналитическая форма побуждения к совместному действию, образованная при помощи частицы *hajde*

hajde da + наст. вр.

Наряду с синтетической формой можно выделить также и «составную» форму побуждения к совместному действию. Как отмечено в SSSJ, «pored posebnog gramatičkog oblika za iskazivanje zapovesti grupi lica kojoj pripada i

¹ См. напр. Маслова А.Ю. Средства выражения побудительного значения в сербско-хорватском языке в сопоставлении с русским. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. С. 15.

govorno lice taj jezički sadržaj može se izraziti i **perifrastičkom konstrukcijom hajde da + prezentski oblik**, napr. *Hajde da pevamo. Hajde da zapevamo»*¹.

*Bliže nam se izbori, pa **ajde da se pripremamo.***

*Bilo je komentara o klasama na ovom forumu, **ajde da napravimo glasanje.***

Ajde da se dopingujemo da nam oči sjaje.

Ajde da sačekamo 4th i kompaniju da vidimo sta oni imaju da kažu.

*E ljudi **ajde da oživimo sajt.***

***Hajde da se lažemo!** Naslov je jasan ! Samo nešto lažite o sebi!*

*E, **ajde sad da napišemo sve reči u našem jeziku i sve njihove oblike.***

Hajde sad malo da živimo kao sav normalan svet!

*Jel skupljaš sličice? **Hajde da se menjamo!***

Hajde da se ne ganjamo ko oni iz filma «Ničija zemlja».

Побудительная частица *hajde* может приобретать личные окончания императива, то есть изменяется по числам и лицам и имеет следующие три формы: *hajde* (2-е лицо ед.ч.), *hajdete* (2-е лицо мн.ч.), *hajdemo* (1-е лицо мн.ч.). В словаре Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika также указана форма *hajdemote/hajmote* для 1-го и 2-го лица вместе (za 1. i 2. lice zajedno), которая не встретилась нам ни разу и которая, по-видимому, не употребляется в современном литературном языке. Для разговорной речи характерны форы *ajde* без начального *h* и стяженные формы *ajmo* и *aj*.

hajdemo/ajmo da + наст. вр.

Hajdemo da prenesemo tu burad, da što prije završimo.

Hajdemo svi da pevamo veselo...

Ajmo da mu poželimo toplu dobrodošlicu kako samo mi znamo.

Ajmo da pogledamo okolinu, mozda ima neprijatelja okolo.

Ajmo da se vratimo na jezičke nedoumice.

Ajmo da ga iznerviramo pa da nešto opsuje pa posle da ga zezamo do kraja života.

¹ Sinatksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 663.

Aj da napravimo zbirku klišea u crtanom obliku!

В SSSJ формы, образованные с помощью *hajdemo*, характеризуются как устаревшие («s nijansom arhaične kolokvijalnosti») ¹, хотя стяженная форма *ajmo* встречается как в устной, так и в письменной речи разговорного стиля.

Для дальнейшего рассмотрения аналитических форм совместного действия необходимо остановиться на значении частицы *hajde*, которая, помимо того, что участвует в образовании аналитических форм императива, имеет также несколько собственных лексических значений. Вопрос о значении *hajde* и ее статусе в составе аналитической формы совместного действия на данный момент является открытым. Несмотря на скромное освещение данной проблемы в современной сербистике, можно выделить несколько существующих точек зрения.

В одной из своих работ Д. Войводич ² относит *hajde* к разряду полифункциональных междометий со значением инклюзивности, а примеры с *hajde da* + наст. вр. рассматриваются в одном ряду с вводным *hajde* + императив и «конъюнктивом» *da* + 1-е лицо мн.ч. В другой он указывает, что «pored gramatikalizovanog oblika 1 l mn imperativa može se inkluzivno da upotrebi i 1 l mn imperfektivnog prezenta, kao i konstrukcija «da+1 l mn prezenta» sa partikulom ili bez partikule hajde/hajdemo/hajdete i daj/dajte» ³, характеризую *hajde*, таким образом, как факультативную частицу, которая может сопровождать *da*-конструкцию.

М. Минович ⁴ упоминает *hajde* как «повелительное слово», служащее для усиления эффекта повелительности в конструкции *hajde* + императив (zapovjedna reč: «Za pojačavanje značenja traženja uz oblik imperativa osnovnog glagola upotrbljavaju se i zapovedne riječi hajde, da, dede...»), а также в качестве

¹ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 663.

² Войводич Д. Об инклюзивных формах императива в славянских языках // Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura u inoslovenskoj sredini. Beograd, 1998.

³ Vojvodić D. O vokativnim imperativnim tipovima kauzacije u ruskom i srpskom jeziku // Južnoslovenski filolog. 2003. № 59. S. 162.

⁴ Minović M. Sintaksa srpskohrvatskog - hrvatskog književnog jezika. Sarajevo, 1987. S. 177.

средства для образования «описательной формы» для 1-го лица мн.ч («prvo lice svoju riješenost da vrši radnju može izraziti opisno, zapovijednom riječi hajde i prezentom»), хотя, в принципе, автопрескрипция может быть выражена и без *hajde* (*Hajde da odpevam nešto za vas!* = *Da odpevam nešto za vas!*).

А.Ю. Маслова относит *hajde* к числу неглагольных средств выражения императивности¹, которое выражает предписание активного действия, приглашение к совместному действию или неодобрение при запрете.

М. Стеванович подробно останавливается на различии между *hajde* как полноценным лексическим знаком со значением «иди» и частицей *hajde* со значением «побуждение к некоторому действию», однако не выделяет *hajde da + наст. вр.* как особую конструкцию.

В SSSJ конструкция *hajde da + наст. вр.* характеризуется как перифрастическая конструкция императива совместного действия, однако ее статус и в императивной парадигме и статус *hajde* в составе данной конструкции не указывается.

На наш взгляд, следует разграничить значения и контексты употребления частицы *hajde*. Первым² и основным ее значением является «побуждение к движению в определенном направлении», и в этом значении она может употребляться как синоним императива глагола *идти* (*ići*).

Hajde, što stojiš sad? (Иди, чего стоишь?)

Hajdemo po ranjenika, onda ćemo izaći na zadnji izlaz i potražiti Lorkinda i Dai Shana.

Pošto na pohod krenusmo, onda u pohod hajdemo.

В значении побуждения к движению *hajde* может составлять независимое предложение, подчиняющее себе придаточное (***Hajdemo dalje, iako si umoran.***).

¹ Маслова А.Ю. Средства выражения побудительного значения в сербско-хорватском языке в сопоставлении с русским. СПб., 1998. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. С. 16.

² При выделении и нумерации значений мы опираемся на словари Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika, т. 6, Нови Сад, 1976 и Rečnik savremenog srpskog književnog jezika s jezičkim savetnikom / U redakciji M. Moskovljevića. Beograd, 2000.

Второе значение *hajde* — это десемантизированный императив, усиливающий побуждение и/или аппелятивную функцию императива (ср. русск. *а ну-ка, давай-ка, давай, попробуй*):

Hajde, pogodite na šta mislim (Давайте/Попробуйте угадайте, что я имею в виду).

Ali ipak, hajde, budimo iskreni. To jeste otkriće zanimljivo

Hajde, navedi jedan bar primer.

Hajde, objasni, kako to uništava privatnost?

Hajde, postavite pitanje.

Ajde sad vi lepo izhakerišite odakle je ova IP.

Интонационно, а также пунктуационно *hajde*₂ обособляется от остальной фразы при помощи паузы и запятой. В этом значении *hajde* обычно не изменяется по лицам и числам. В силу своего значения *hajde*₂ сочетается либо с императивной формой (*ajde* + императив), либо с конструкцией *da* + наст. вр., усиливая семантику побуждения и обращенность к адресату. В аналогичной функции могут употребляться и другие побудительные частицы, например, *dede: Hajde to uradi! = Dede to uradi! Hajde*₂ не является самостоятельной предикативной единицей, поскольку, несмотря на то, что оно передает побуждение, каузируемое действие оно не называет. Следовательно, *hajde*₂ может быть отнесено к разряду субъективно-модальных частиц, играющих роль вводного компонента в высказывании.

Третье значение частицы *hajde* — это «выражение согласия» (*dobro, u redu, хорошо, ладно, так и быть, о'кей*).

Ajde sad smo rešili misteriju, vidim znamo se, a ne znam kako.

Ajde ako od stotine Rusa jedan zna gde je Kosovo, skidam kapu.

*Hajde*₃ является дискурсивным маркером, который не влияет на пропозициональное содержание высказывания, но имплицитно связывает высказывание с ситуацией. *Hajde*₃ употребляется со всеми временами индикатива, но не употребляется с императивом, поскольку семантика *hajde*₃

«говорящий признает существующее положение дел» (даже в случае с условным предложением речь идет о реально-осуществимом условии) противоречит семантике императива. *Hajde₃* так же, как и *hajde₂*, не изменяется по лицам и числам в силу своего нереперенциального характера и функционирует в предложении как вводный компонент, однако, в отличие от *hajde₂*, не имеет значения побуждения.

Мы предлагаем разграничить вводное *hajde₂*, обладающее значением «усиление побуждения» и употребляющееся в конструкциях *hajde* + императив (*hajde, uzmi još jednu bombonu* [давай же, возьми еще одну конфету]), с одной стороны, и *hajde₄* без какого-либо лексического значения в составе конструкции *hajde da* + наст. вр., которая образует одну морфологическую форму, выражает один член синтаксической структуры, семантически и функционально равнозначна одному слову (синтетической форме с суффиксом *-j/i*) (*hajde da uzmemo još po jednu bombonu* = *uzmimo* [давайте возьмем еще по одной конфете = возьмемте]), с другой.

Конструкция *hajde da* + наст. вр., по нашим наблюдениям, весьма частотна, и как любой элемент речи, обладающий повышенной частотностью, идиоматизируется и постепенно грамматикализуется, т. е. значение конструкции как целого превалирует над суммой значений компонентов.

Разновидностью аналитической формы совместного действия является *hajdemo/ajmo* + инфинитив, которая характеризуется в SSSJ как региональная, характерная для западных говоров сербского языка¹, в которых инфинитив имеет более широкую функциональную распространенность, чем конструкции *da* + наст. вр.

Hajdemo se kupati u moru.

Ajmo napraviti nešto ozbiljno i dobro.

¹ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 663.

*Možemo posmatrati svet sa više strana. Budući da smo mi (ljudi) usmereni na materijalnost, **ajmo** tako pogledati.*

***Hajmo** reći da od 2000 godine počinju izvesni oblici demokratske vladavine.*

*Nema nam spasa u brdima... '**ajmo** bježati u Njemačku!*

Данная форма также может употребляться с формально-выраженным подлежащим (***Ajmo se, ljudi, mi** iz krčme masovno **seliti** tamo*).

Неполные формы с опущенным глаголом *hajdemo/ajmo* + дополнение или обстоятельство

***Ajmo jedan aplauz** za čuvara vatre, potreban mi je.*

***Ajmo još jedan argument** u našu korist.*

Ajmo neku analizu.

Fina ideja, samo meni termin baš ne odgovara... jel može utorak npr. oko 8?

Ajmo glasanje.

Ajmo nagradno pitanje

Приведенные примеры можно рассматривать как неполные формы с опущенным глаголом, который легко восстанавливается из контекста: ***Ajmo (da navedemo) još jedan argument, Ajmo (da postavimo) nagradno pitanje, Ajmo (da napravimo) glasanje.***

Еще раз отметим, что данные примеры отличаются от случаев, когда *ajmo (hajdemo)* употребляется в значении «побуждение к движению» (***Hajdemo u planine, jer tamo nema zime. Ajmo deco napolje da se sunčamo. Ajmo na pivo, jer ni ja ne znam da učim***) тем, что *ajmo* в значении глагола движения требует после себя указания направления (***napolje, u planine***) или цели (***na pivo***) движения, которое отсутствует у эллиптированных форм. Другими видами неполных форм являются формы типа *ajmo + существительное в наречной функции* (***Ajmo malo ozbiljnosti! Ajmo iz pocetka. Ajmo sada svi u glas onu staru dobropoznatu «Lucy in the Sky with Diamonds»***) и *ajmo + наречие* (***Ajmo svi zajedno. Ajmo sad svi brzo! Globalno ostavljanje cigareta!***).

Кроме того, в современном сербском языке можно отметить тенденцию к экспансии аналитических форм, образованных при помощи *hajde*.

Наше мнение расходится с мнением Т.Н. Молошной¹, которая считает, что «частицу *hajde* нельзя рассматривать как образующую АФ императива», поскольку та является «лишь дополнительным усилительным средством для простой формы императива или императивной конструкции с частицей *да*», т. е. обладает оттенками значения, отличающимися от грамматического императива.

Кроме того, в современном сербском языке можно отметить тенденцию к экспансии аналитических форм, образованных при помощи *hajde*.

○ формы *hajde da* + 2-е лицо наст. вр. для побуждения 2-го лица, для которого существуют собственные синтетические формы:

Ajde sad lepo da kažeš kada je Makedonija bila država sa narodom Makedoncima koji su tamo živeli! (= *ajde, reci = reci*)

Ajde sad lepo da kažeš, koliko je ljudi skinulo svoje pesme i prestalo da dolazi na poeziju zbog Berena!

Ajde da priznaš da je ok film, osim jedne sitnice. (= *ajde, priznaj = priznaj*)

○ *ajmo da* + 1-е лицо ед. ч. наст. вр. (частица в форме 1-го лица мн.ч., глагол в форме 1-го лица ед.ч.)

Ajmo, junaci, da vas vidim.

○ *hajdete da* + 1-е лицо мн. ч. наст. вр. (частица в форме 2-го лица мн. ч., глагол в форме 1-го лица мн. ч.)

Ajdete da malo zamezimo!

Pridružite mi se, hajdete da zбриšemo turke sa srpskog tla.

Hajdete sada da krenemo napred, hajdete da gledamo u budućnost.

Подобные примеры встречаются довольно часто, и, скорее всего, носители языка не воспринимают окончание частицы как показатель лица. Значение лица (то есть кто именно побуждается к действию) передается

¹ Молошная Т.Н. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках. М., 1995. С. 80–81.

глагольным окончанием. Окончание частицы во многих случаях выбирается случайно. Носителями языка варианты с различными личными окончаниями частицы воспринимаются как синонимические.

Hajde da čitamo ili kako moj kolega kaže —hajdete da čitamo.

Также встречаются случаи, в которых усилительное *hajde*₂, сочетающееся с императивом, рассогласовывается в лице и числе с глаголом в форме императива.

○ *ajmo* + 2-е лицо мн. ч. императива (частица и глагол рассогласованы по лицу, частица в форме 1-го лица мн. ч., глагол, обозначающий каузируемое действие, в форме 2-го лица мн. ч.)

Ajmo ljubitelji, javljajte se.

Ajmo ljudi, uključite se malo u anketu! Ne dopustite da ajkule pobeđe!

Ajmo, učinite natjecanje međunarodnim!

Ajmo Srbi zauzmite Dubai!

Ajmo, starije kolege, prosvetlite nas

Ajmo kolege malo entuzijazma, kucnite nekad nešto, ovde kod nas je ko na groblju

○ *ajmo* + 2-е лицо ед. ч. императива (частица в форме 1-го лица мн. ч., глагол в форме 2-го лица ед. ч.)

Ajmo, narode, navali sa iznošenjem gnusnih ličnih iskustava - ako bude odziva, ubaciću i ja moje priče.

Мы можем предложить следующую точку зрения: в сербском языке наблюдается становление формообразующей частицы *hajde*₄ и ее влияние на вводную частицу со значением «усиление побуждения» *hajde*₂. Поскольку в императиве категории лица и числа не являются согласовательными, а несут информацию о составе Исполнителей прескрипции, то в случае, когда лице-числовая форма частицы противоречит лице-числовой форме глагола, мы можем считать, что форма частицы выбрана произвольно, что в дальнейшем, возможно, приведет к унификации (или полной потере) окончаний.

Подтверждением нашей гипотезы может служить неизменяемая стяженная форма *aj*, распространенная пока только в молодежном жаргоне.

Если же, в соответствии с грамматической традицией, не разделять вводное *hajde*₂ и *hajde*₄ в роли грамматического показателя императивности и считать, что во всех позициях *hajde* является модальной частицей с собственным значением, то объяснить подобное смешение будет затруднительно.

В общих чертах можно проследить параллелизм между аналитическими формами побуждения 1-го лица мн. ч в русском и сербском языках: конструкция *hajde* + *императив* может быть сравнена с *давай* + *императив* (*hajde, otvaraj/ hajde, otvori* = *давай, открывай/давай, открой*), где *hajde* и *давай* играют вводно-усилительную роль, а *hajde da* + *наст. вр.* с *давай/давайте* + *инфинитив/наст.-будущ. вр.* (*hajde da otvaramo/hajde da otvorimo* = *давай открывать/давай откроем*), которая в русской грамматической традиции признана (за некоторым исключением) аналитической, в отличие от сербской, где аналитическая конструкция продолжает считаться свободным синтаксическим сочетанием частицы и *da-конструкции* в значении императива.

Отметим, что с типологической точки зрения конструкция побуждения к совместному действию, обозначающая «давай сделаем» с внутренней формой «пойдем сделаем», является широко распространенной в языках мира.

3. конструкции с *daj/dajte da* + 1-е лицо мн. ч. наст. вр.

Daj da se dogovorimo za dvd i spotove.

Šta je bilo na turniru? Ko je pobedio? I daj replajeve da gledamo.

Daj da razmenimo iskustva!

Ova prva pesma je dosta mračna. - Imam ja i dosta mračnijih. - Pa daj da ih vidimo!

Daj da nađemo kakve sponzore!

*Ma bre javi mi se i **daj da se menjamo**, treba mi Escaflownee*

*Ma da, **daj da razapnemo strip***

Dajda tražimo neki drugi mit. Ovo je izmišljotina.

Dajda nađemo nesto drugo da o tome pricamo.

Dajda se nađemo negde oko 18 sati.

Dajda čujemo nešto o malom čovjeku, nešto o nekim zanimljivim ljudima koji nisu uvijek u centru dešavanja

Как упоминается в цитированной раннее работе Д. Войводича ¹, частица *daj/dajte*, наряду с *hajde/hajdemo/hajdete*, в сочетании с 1-м лицом мн. ч. может выражать побуждение к совместному действию. В данной конструкции форма *daj/dajte* утрачивает связь с глаголом *dati*, императивом которого она являлась изначально, и становится побудительной частицей (ср. аналогичная ситуация в русском языке с отглагольными частицами пойдём/пошли). Побуждение с *daj/dajte da + 1-е лицо мн. ч.* характерно для устной разговорной речи и пока что еще не описано в грамматиках.

Помимо перечисленных выше в сербском языке некоторыми исследователями выделяется еще и «описательная форма» (*opisni oblik*) *da + наст. вр.*, или так называемый «конъюнктив».

*Strpi još malo, **da sačekamo** malog, pa ćemo da vidimo kako i šta dalje*

*Sad samo **da sačekamo** šta će JKR napisati.*

*Inače, u pravu si bio, priključićemo se Nemronu, samo njega **da sačekamo**, pa ću ti ja napisati uvodni post na toj temi.*

Не всеми лингвистами эта форма оценивается одинаково. Некоторые ученые, напр., Т. Маретич и М. Стеванович, выделяют ее как отдельную форму императива («značenja što ih ima imperativ, npr. *pleti...* ima i **opisani imperativ**, npr. *da pletemo*» ², «... za 1 l mn sreće se i **opisni imperativ**, od oblika prezenta i veznika da ...kada je potrebno posredno preneti na njih [1 Sg, 3 Sg, Pl]

¹ *Vojvodić D.* O vokativnim imperativnim tipovima kauzacije u ruskom i srpskom jeziku // Južnoslovenski filolog. 2003. № 59. S. 162.

² *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963. C. 625.

kakvu zapovest ili što slično, upotrebljava [se] opisni oblik od prezenta dotičnog glagola s nekim veznikom, tj. s veznikom *neka* ... za 3. l. i jedn. i mn. i s veznikom *da*... za 1. l. jedn. ... A u ovom opisnom obliku imperativ se upotrebljava i za 1. l. množine»¹).

Однако в SSSJ конструкция *da* + *наст. вр.* рассматривается либо в качестве варианта аналитической формы *hajde(mo) da* + 1-е лицо мн. ч., в котором в лексически ограниченном числе случаев форма *hajde(mo)* может быть опущена (*Hajdemo da krenemo!* = *Da krenemo!*)², либо в качестве не императивного средства достижения директивной иллокуции, то есть в качестве редуцированного варианта эксплицитной перформативной формулы с модальным глаголом (*Da se zameni sijalica* = *Treba da se zameni sijalica. Da razmisliš dobro!* = *Savetujem ti da razmisliš dobro*)³. Во втором случае в SSSJ примеры приводятся только для 2-го лица и безличного оборота, хотя ничто не мешает привести аналогичные и для 1-го лица мн. ч.: *Da zamenimo sijalicu* = *Treba da zamenimo sijalicu. Da razmislimo dobro!* = *Treba da razmislimo dobro.*

Приводимые в SSSJ объяснения мы не можем считать достаточными, так как, во-первых, не эксплицировано различие между конструкцией *da* + *наст. вр.* с опущенным *hajde(mo)* и конструкцией *da* + *наст. вр.* с опущенным модальным или перформативным глаголом; во-вторых, любое императивное высказывание может быть трансформировано в индикативное с модальным или перформативным глаголом, а не только рассматриваемая конструкция; и, в-третьих, опираясь на историю сербского языка, можно отметить, что конструкция *da* + *наст. вр.* в модальном значении является более древней, чем конструкция *hajde(mo) da* + *наст. вр.*, следовательно, *da* + *наст. вр.* не может быть ее функциональным дериватом. Таким образом,

¹ Stevanović M. Savremeni srpskohrvatski jezik. Gramatički sistem i književnojezička norma. T. 1. Beograd, 1986. С. 703–704.

² Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 663.

³ Там же. С. 1026–1027.

статус конструкции *da* + *наст. вр.* в рамках императивной парадигмы остается неопределенным. Также необходимо отметить, что конструкция *da* + *наст. вр.* часто имеет значение оптата.

Несмотря на существующую традицию выделения данной формы в качестве императивной, мы не относим ее к способам выражения императивности.

В ы в о д ы :

В русском и сербском языках побуждение к совместной деятельности может быть выражено различными способами. И если в русистике ведутся споры о наличии синтетических форм императива 1-го лица мн. ч., то для сербистики спорным является вопрос о наличии аналогичных аналитических форм. Опираясь на работы предшественников и анализ языкового материала, мы склонны выделять в обоих языках и ту, и другую форму, оговаривая при этом, что в русском языке синтетическая форма, скорее всего, постепенно уступает лидирующую роль аналитической (становится менее употребительной, возникает альтернативная аналитическая форма с *пойдем/пошли*), в то время как в сербском языке процесс формирования аналитической формы находится на начальном этапе (смещение модальной и формообразующей частицы, унификация форм вспомогательной частицы, возникновение новой аналитической формы с *daj/dajte*). С типологической точки зрения, конструкция побуждения к совместному действию «давай сделаем» с внутренней формой «пойдем сделаем» является широко распространенной в языках мира. Обе конструкции, как с частицами от глагола *дать/давать*, так и с частицами со значением движения, присутствуют и в русском, и в сербском языке. В сербском основной частицей, при помощи которой образуется аналитическая форма, является частица *hajde*, одним из значений которой является обозначение движения, но также постепенно возникает форма с частицей *daj(te)*. В русском отглагольная частица *давай(те)* является основной для аналитической формы побуждения к совместному действию. Но, помимо конструкции с *давай(те)*, в языке существует менее употребительная конструкция с *айда*, и формируются конструкции с десемантизированными формами глаголов движения (*пойдем, пошли, погнали*). Аналитическая форма побуждения к совместному действию завоевывает позиции в обоих языках как благодаря частотности уже сформировавшихся аналитических конструкций (с *давай(-*

me) в русском и *hajde(-mo)* в сербском), так и благодаря появлению новых альтернативных конструкций (с *пойдем/пошли* в русском и *daj(-te)* в сербском).

Формальные морфологические различия обусловлены различиями в грамматической семантике. По-видимому, включение Говорящего в число Исполнителей прескрипции для русского языка предполагает качественное отличие от прототипической императивной ситуации, и материальное тождество форм императива 2-го лица и 1-го лица мн. ч. в процессе развития языка утрачивается. Для современного русского языка мы можем предположить, что включение Говорящим самого себя в действие меняет его восприятие ситуации — подобную ситуацию он не расценивает как идентичную той, в которой он выступает исключительно в роли Прескриптора. Очевидно, что состав Исполнителей — это не формальный параметр, который может принимать любые значения без качественного изменения самой императивной ситуации, по крайней мере, для русского языка. Поэтому высказывания с Говорящим в роли Исполнителя относятся нами не к ядру, а к приядерной зоне функционально-семантического поля императивности.

В сербском языке дело обстоит сложнее, поскольку в нем одновременно существуют две идентичные по значению формы императива 1-го лица мн. ч., одна из которых синтетическая, а другая аналитическая. Наиболее простым решением было бы отрицать существование аналитической формы или считать их полностью синонимическими и абсолютно равнозначными. Однако язык избегает полной синонимии (даже на лексическом уровне, где синонимия наиболее развита, нет двух лексических единиц, у которых были бы тождественны и денотаты, и сигнификаты, и коннотации), и различие формы сигнализирует различие содержания.

Утрата частицей *hajde* согласования с глагольной формой (и, возможно, дальнейшая ее унификация) является выражением потребности языка в неизменяемости. «То обстоятельство, что знак должен постоянно менять форму в силу отношений, которые связывают его с другими знаками... требует от говорящего и слушающего дополнительных усилий памяти и внимания»¹. Поскольку окончание частицы дублирует окончание глагола и не несет никакой информации, постепенно оно начинает восприниматься носителями языка как избыточное и подлежащее унификации. Помимо потребности в неизменяемости развитие формы побуждения к совместному действию демонстрирует также потребность языка в ассимиляции, которая выражается в аналогии. В образовании форм с *hajde* просматривается аналогия к образованию форм побуждения 3-го лица при помощи неизменяемой (на данный момент) частицы *neka* (которая в свою очередь начинается вытесняться неизменяемым *ajde*), о чем речь пойдет в следующей главе.

Аналитическая форма сербского императива находится пока что на стадии формирования. Гипотезу относительно дальнейшего развития сербского императива 1-го лица мн. ч. можно сформулировать следующим образом: в дальнейшем аналитическая форма вытеснит из речевого употребления синтетическую специализированную форму, синтетическая форма исчезнет из ядра функционально-семантического поля императивности, а аналитическая форма окончательно закрепится в приядерной зоне. Таким образом, общая тенденция для обоих языков заключается в том, что сужается семантическое ядро категории императивности (разница между ситуациями, в которых Говорящий включает или не включает себя в число Исполнителей, ощущается Говорящим как существенная), сужается ядро функционально-семантического поля императивности (постепенно отмирают синтетические

¹ Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. С. 120.

формы совместного действия), а приядерная зона переживает фазу развития и расширения (становление аналитических форм, появление новых конструкций). При этом форма совместной деятельности стремится формально обособиться от центральных форм категории.

Напомним еще раз, что все рассматриваемые выше формы относятся нами к императивным.

Г л а в а I V

Побуждение 3-го лица.**Ближняя периферия категории императивности**

В четвертой главе мы рассмотрим элементы поля императивности, неоднородные ядру ни с формальной, ни с семантической точки зрения. Кроме того, будут рассмотрены формы «автопобуждения», или побуждения 1-го лица, ед. ч., которые, на наш взгляд, не принадлежат категории императивности, но иногда причисляются к императивным некоторыми исследователями.

1.0. Общие замечания о формах побуждения 3-го лица

В отличие от индикатива, где категория лица является согласовательной, в императиве она является семантически значимой, и вопрос о грамматическом и семантическом статусе юссива — форм 3-го лица (*пусть ждут, пускай он войдет*) — остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в области исследования императива. Категория лица в императиве несет информацию об Исполнителе или составе Исполнителей прескрипции. Прототипическим Исполнителем является Слушающий, то есть центром императивной парадигмы являются формы 2-го лица. С семантической точки зрения, спецификой форм 3-го лица является несовпадение Исполнителя прескрипции (3-е лицо) и Получателя прескрипции (который всегда равен Слушающему, то есть 2-му лицу). С грамматической точки зрения, они не однородны формам 2-го лица, и, в отличие от форм 2-го лица и 1-го лица мн. ч., формы 3-го лица (а также формы 1-го лица, ед. ч.) могут иметь подлежащие.

Детальный обзор существующих точек зрения на проблему 3-го лица императива дан в работе «Семантика и типология императива»¹. Отметим, что формы 3-го лица рядом исследователей включаются в парадигму императива (например, А.А. Шахматовым), либо исключаются из нее (например, Р.В. Пазухин²), либо исследователи считают, что рассматриваемые формы семантически могут быть отнесены к формам императива, но грамматически – нет, поскольку не имеют специфического показателя и являются транспонированными формами изъявительного наклонения (В.В. Виноградов).

В «Русской грамматике»³ сочетания с *пусть*, *пускай* рассматриваются в разделе, посвященном повелительному наклонению, и характеризуются как имеющие оттенок пожелания, долженствования или допущения. Там же отмечается, что частицы *пусть*, *пускай* могут сочетаться и с 1-м лицом, ед.ч., хотя и довольно редко. Ряд современных отечественных ученых придерживается точки зрения, что формы 3-го лица включены в состав грамматического ядра императива⁴.

В сербском языкознании также нет единого понимания статуса форм 3-го лица императива, и выделяются несколько основных направлений. Михайло Стеванович в грамматике, которая входит в ряд наиболее авторитетных на сегодняшний день, «Савремени српскохрватски језик»⁵ пишет, что формы 3-го лица с «союзом» (в терминологии автора) *neka*

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 113–115.

² В работе «Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма» (в сб. *Studia Rossica Posnaniensia VI*. Poznan, 1975. С. 85–95) автор рассматривает формы 3-го л. как находящиеся в процессе перехода выхода из императивной парадигмы, поскольку форма императива не м.б. сказуемым придаточного предложения, а «иногда формы 3-го л. императива начинают употребляться как сказуемые придаточных предложений». Примеры, к сожалению, не приводятся. Однако в той же работе указывается, что «Выражения типа русск. *пусть он придет* недостаточно специализированы для включения их в парадигму императива. Они содержат неимперативные глагольные формы, сохраняющие функции и значения соответствующих категорий».

³ Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (глав. ред). Т. 1. М., 1980. С. 625.

⁴ Иосифова В.Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2011.

⁵ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, 1. Београд, 1970.

(*present s veznikom neka*) переносят повеления или пожелания на определенные отсутствующие лица, чтобы те совершили некоторое действие. В качестве презентных подобные формы рассматривает и М. Минович¹.

Авторы «Этюдов по типологии грамматических категорий славянских языков»² рассматривают формы *neka*+ 3-е лицо в рамках императива. Точно так же в коллективной работе сербских лингвистов «Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije»³ формы с 3-м лицом причисляются к императивным. Императивные высказывания с формами 3-го лица рассматриваются двояко — по отношению к Слушающему они являются непосредственно императивными (*direkto imperativne rečenice*), а по отношению к 3-му лицу (*sagovornik sogovornika kojem treba preneti zapovest*) они являются опосредованно императивными (*indirektno imperativne rečenice*). Эгон Фекете⁴ описывает формы 3-го лица как перифрастические конструкции с частицей *neka* + *наст. вр.*

Отдельного внимания заслуживает концепция А.В. Исаченко⁵, который разграничивает понятия «повелительное наклонение» (императив) и «побудительная модальность» и считает, что в императиве по семантическим причинам 3-е лицо невозможно, а формы с *пусть*, *пускай* являются свободными синтаксическими конструкциями в индикативе. Рассматриваемые формы не могут быть вовлечены в императивную парадигму, поскольку императив предполагает ситуацию, в которой участвуют только Говорящий и Слушающий: «А «возлагает» действие на

¹ «Imperativ nema oblika za treće lice jednine i treće lice množine...». *Minović M.* Sintakse srpskohrvatskog - hrvatskog književnog jezika. Sarajevo, 1987. S. 177.

² Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков / Иванов В.В., Молошная Т.Н. и др. М., 1995. С. 79.

³ Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije / u redakciji Predraga Pipera. Beograd, 2009. S. 505.

⁴ Фекете Э. Морфолошки и семантичко-синтаксички модели у императивном значењу // Јужнословенски филолог LXIV (2008). Београд, 2008.

⁵ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 477–478.

В»¹. В целом, мы разделяем мнение А.В. Исаченко о необходимости разграничения понятий «императивность» и «побуждение», считая «императивность» более узким и специфическим, имеющим в основе определенную речевую ситуацию, а «побуждение» — более общим, объединяющим различные речевые цели и интенции Говорящего. Однако в случае юссива имеет место ситуация «А «возлагает» действие на В», где А — Говорящий, а В — Слушающий, действие же, которое Говорящий возлагает на Слушающего, — это побуждение 3-го лица. Ситуация косвенного побуждения, когда субъект каузируемой пропозиции не совпадает со Слушающим, может быть описана как ситуация двойного каузирования (или «делегированного побуждения»²) — «я каузирую (ты каузируешь Р)». Таким образом, ситуация юссива распадается на две: первая, эксплицитно не выраженная, удовлетворяет всем требованиям императива, включая апеллятивность, вторая — удовлетворяет лишь частично.

Основным признаком императива является речевая каузация действий Слушающего, то есть ситуация типа «каузирую Р». Наряду со значением каузации необходимыми семантическими компонентами императива являются перформативность и контролируемость действия. Также необходимым признаком императивного высказывания является отсутствие дескриптивной функции и ассерции. Точно так же, как и все императивные высказывания, высказывания с *пусть*, *пускай* не могут быть охарактеризованы по истинности/ложности — это наиболее очевидный признак, объединяющий так называемый «императив 3-го лица» с собственно императивом. Юссив также, в качестве разновидности императива, предполагает, что действие осмысливается Говорящим как контролируемое, в отличие от императива, который формально может быть

¹ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 477.

² Касевич В.Б. Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-логические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений, М., 1990. С. 89.

схож с императивом (формы с *пусть*, *пускай* или *нека*), но отличается от него неконтролируемостью действия. Однако семантика юссива занимает промежуточное положение между императивом и оптативом, следствием чего является возможность образовывать формы юссива от глаголов, обозначающих неконтролируемое действие, формы, императивы которых невозможны или окказиональны (*цвети*, *пахни* встречаются только в поэтическом тексте, *пусть цветет*, *пусть пахнет* — регулярные формы).

Рассмотрим подробнее формы юссива, а также схожие с ними, в русском и сербском языках.

1.1. Формы побуждения 3-го лица в русском языке

1. пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (контролируемое действие, юссив)

Считаю, именно потому нужно немцам сообщить. Мало ли, может, ищет его родня. Пусть фольксбунд забирает и устанавливает личность.

Пусть мэр этот памятник себе на участке поставит и наслаждается им!

Кому нравится огонь, пусть переносит на свой участок и платит за газ, дрова, бензин или чем там его питают.

— Второй обед для дамы, — произнес он в пространство. — И пусть здесь уберут.

Пускай они пьют воду из-под крана.

Ваш сын на острове Утойя, говорит, что в них стреляет человек, переодетый в полицейского? Ну, хорошо, пусть он сам нам перезвонит.

Говорящий своим высказыванием пытается каузировать действие. Референтом данных высказываний является каузируемое действие агенса, который либо эксплицитно выражен, либо известен из контекста.

Различие между *пусть* и *пускай* незначительное, в толковых словарях они значатся как синонимы, *пускай* имеет стилистическую помету разговорности. В.В. Виноградов считал, что «Пусть выражает волю более

решительную... Пускай обозначает скорее допущение, позволение...»¹. Просторечной частицей является *пуцай*, диалектной — *нехай*. Обе используются не только в литературных текстах в качестве художественного приема, но и в разговорных.

Скажи им, Митрий, на Руси-де едят толстотрапезно, а так, что ж, — насмешка одна. Пуцай принесут щей, головизны какой, тельное там, другое что...

Ходил твой кнут по нас, — нынть пуцай по боярам ходит!

Нехай он сперва взойдёт на этих солонцах, ваш подсолнух.

Если Пионтковскому хочется — нехай берет пулемет и идет воевать с Аль-Каедой.

Я ему объяснил, что раз он такой смелый и торопливый, нехай едет и дальше по встрече.

Давайте заботиться о себе и своих близких. А мировая революция нехай подождёт.

Отметим, что диалектная (южнорусская) частица *нехай* этимологически родственна сербской частице *neka*, имеющей аналогичное значение.

Отдельно мы бы хотели рассмотреть пример

Ну, стоит памятник, так пусть и стоит.

В данном примере нет побуждаемого агенса, однако есть непрямая каузация состояния объекта. Н.Р. Добрушина предлагает считать подобные случаи побудительными, хотя побуждение как таковое здесь отсутствует. «Высказывание с *пусть* является в этом случае не актом каузации конкретного лица, а актом каузации, так сказать, вообще мира»². Н.Р. Добрушиной была разработана классификация высказываний с частицей

¹ Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове)/ Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001. С. 485.

² Добрушина Н.Р. Наклонения и дискурсивный режим текста: на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.

пусть, на которую мы опираемся, рассматривая русский и сербский материалы.

Подчеркнем еще раз, что в приведенных выше примерах действие 3-го лица рассматривается Говорящим как желательное и как контролируемое. Наличие или отсутствие контроля обычно очевидно как для Говорящего, так и для Слушающего, что позволяет использовать одну и ту же грамматическую форму как для императива, так и для оптатива ¹.

2. *пусть* + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (неконтролируемое действие, оптатив)

Пусть накопленный жизненный опыт и мудрость **поможет** тебе достичь новых высот!

Пускай фантазия **не подводит** вас.

Пускай вас **не пугает** количество ингредиентов, так как это блюдо очень легко готовится!

Референтом оптативных высказываний является некое желаемое состояние субъекта или положение вещей (*Пусть пойдет дождь!*). В подобных случаях чаще всего в высказывании имеется поверхностное подлежащее, выраженное абстрактным существительным, не обладающим агентивностью. Говорящий оценивает действие, как желаемое, но независящее от его усилий, и значение императивности уступает место оптативности.

Отметим также, что для выражения желательного, неконтролируемого действия есть форма оптатива (так называемый фактитивный оптатив, выражающий пожелание) *да* + 3-е лицо наст. вр., которая в настоящее время является непродуктивной и используется либо в качестве речевой формулы, либо в качестве художественного приема.

Да хранит тебя Господь!

¹ См. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 244.

*Да услышит тебя Господь в день печали и да пошлёт тебе помощь.
Да пошлёт нам небо путь с луной и звёздами!*

3. пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (контролируемое действие, пермиссив)

При помощи пермиссива Говорящий выражает РАЗРЕШЕНИЕ на совершение действия 3-м лицом. Желательность действия для 3-го лица подразумевается.

В ресторан днём пришёл новый русский, заказал себе полный стол еды, выпивки. Наелся, выпил, но куча еды осталась нетронутой. Посмотрел вокруг. Видит, за соседним столиком женщина с ребёнком очень скромно обедают. Новый русский обращается к ним:

– Слышь, **пусть пацан подойдет поест**, у меня полный стол.

– Ну ты нагрузил, в натуре, — сказал Шурик. – Сейчас крыша поедет.

– А **пусть поедет**, пусть, — нежно сказал Володин. – Зачем тебе эта крыша нужна?

*Есть разные версии реакции Сталина. Одна, принадлежащая академику Вонсовскому, была опубликована в «Вестнике Российской академии наук»: «Ладно, **пусть делают бомбу, расстрелять всегда успеем**».*

Каузироваться при помощи пермиссива может не только действие, но и состояние.

«Ладно, **пусть висит**», — говорит он ей утром про сеть.

Частица *нехай* в этом же значении:

*Другой нерешительно протянул: — Чёрт с ним — **нехай идёт!** Третий, уже снявший винтовку, закинул её опять за спину.*

В целом, пермиссив близок юссиву, отличием является то, что каузируемое действие мыслится Говорящим как желаемое 3-м лицом (юссив же может каузировать и нежелаемое действие).

4. пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (неконтролируемое действие, нонкуратив)¹

При помощи нонкуративного высказывания Говорящий выражает безразличие или незаинтересованность. Говорящий сообщает, что не имеет ничего против Р. Нонкуратив отличается от пермиссива тем, что Говорящий не считает себя способным активно изменить ситуацию.

Пермиссив: *Она пришла к старейшине, объяснила ему, что ей нужно, старейшина расхохотался и сказал: — Ладно, **пусть приходит** твой сын.* (Говорящий может высказать РАЗРЕШЕНИЕ или ЗАПРЕТ).

Нонкуратив: *Ладно, **пусть приходят**, у нашей 3-й еще осталось 26 снарядов, а у ее командира — игрушка калибра 0,8 с шестью свинцовыми пулюлями. Мне пора кончать, вот-вот начнется «вечерняя месса» и надо поглубже зарыться в землю.* (Говорящий не может повлиять на ситуацию).

*Чёрт с ним, **пусть берёт** прошлое поколение видеокарты.*

*Им нет никакого дела даже до внешнего вида города – упал окурок мимо урны, ну и ладно, **пусть лежит**.*

*Видимо действительно, флеш битая. Ну и черт с ним, **пусть лежит**, в деревне таких штук 20, может кому блок питания пригодится.*

Очевидно, что различие между пермиссивом и нонкуративом проявляется только в широком контексте, одного изолированного высказывания бывает недостаточно, чтобы его классифицировать. В отличие от пермиссива, нонкуратив не соответствует требованиям побуждения (которое включает три обязательных компонента²), поскольку действие уже совершается, а Говорящий лишь выражает свое отношение.

¹ Пусть его (ее, их) (разг.) – выражение снисходительного или безразличного согласия, ладно, пусть себе. Пусть его шумит. Бранятся? Пусть их! Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, М., 1992.

² «1. Г считает, что С в состоянии совершить Д; 2. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Д; 3. Состояние, которое является результатом Д, не имеет места» *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985. С. 25.

5. пусть + будет (ут) + предикатив (оптатив)

Пусть будет больше теплоты, Пусть день начнётся с красоты!

Пускай он будет сном нежданным, Пускай он будет другом званным.

Ладно, — соглашается водитель, — пусть будет четырнадцатый. И открывает двери.

Обычно исследователи не уделяют особого внимания подобным конструкциям. Нами они выделены исключительно по формальному признаку. Значение подобных конструкций чаще всего оптативное, за исключением последнего примера, где нам встретился пермиссив.

6. побуждение 2-го лица в форме 3-го

Прошу вас, товарищ, избавьте меня от лошадиной головы. Я терпеть не могу лошадей! Пусть мне приставят голову товарища Ворошилова, или на худой конец, товарища Бишкека.

В данной фразе Говорящий (Буденный) обращается к Слушающему (Рябому), который вместе с соагентом (Плешивым) является множественным участником экстралингвистической ситуации пересадки головы и множественным адресатом коммуникативного акта. 3-и лица при этом ни в коммуникации, ни в экстралингвистической ситуации не участвуют. Использование Говорящим 3-го лица вместо ожидаемого 2-го свидетельствует о том, что Говорящий оценивает ситуацию как слабо контролируемую, и собственное участие в ней воспринимает как незначительное.

Только пусть пан никому не говорит, это мой воз — я везу всякий нужный товар...

В данном примере употребление 3-го лица является полонизмом и довольно редкой для современного русского языка формулой вежливости, которая опять-таки связана с контролируемостью и вовлеченностью в

действие. Говорящий дистанцируется от Слушающего, отказываясь от прямой каузации его действий и тем самым подчеркивая социальную дистанцию.

Возможна и обратная ситуация, когда форма 2-го лица императива используется со значением 3-го лица *Разрази меня гром! (пусть разразит). Упаси Господь! и т.д.* Мы не останавливаемся на них, поскольку они выражают оппозитивное значение, а не побуждение.

7. *чтобы* + л-форма

А игуменья [...] встала и прошла в кабинет. Сняла трубку и набрала номер на аппарате.

- Позови Якова! — велела ответившему абоненту. — Кто? Тетка его!

Чтоб* немедленно *перезвонил!

Она положила трубку и села, ожидая звонка. Тот воспоследовал скоро.

Данные примеры полностью соответствуют требованиям императива 3-го лица — непрямая каузация действий 3-го лица и контролируемость ситуации, хотя подобные формы редко рассматриваются в составе императива из-за их формальной неоднородности формам с частицей *пусть*. Основным ее отличием от форм с частицей *пусть* является то, что конструкция *чтобы* + л-форма не имеет значения лица. Дополнительным значением конструкции с *чтобы* является «категоричность» и повышенная экспрессивность. В сербском языке аналогичное значение передается конструкцией *da* + л-форма (*Da si smesta ustao!*), которая, по-видимому, употребляется только для 2-го лица. В русском языке значение категоричности и требовательности может быть усилено личным местоимением *мне*: *Чтобы мне Ваня немедленно сел за уроки! Чтобы был мне тут через пять минут!* Вводя избыточное местоимение, Говорящий подчеркивает свой статус каузатора, свою вовлеченность в действие и способность его контролировать. Данные конструкции еще будут разбираться в главе V.

Конструкция *пусть* + 3-е лицо ед. ч., наст. вр. может использоваться в уступительных и условно-уступительных придаточных предложениях.

Пусть потом машину обнаружат, главное, чтобы на первых порах ее нигде не было.

Пусть назовут неправильную цифру, лишь бы налили полный бак.

Очевидно, что здесь речь не идет о побуждении к действию, следовательно, подобные высказывания не являются императивными.

В целом, можно отметить, что массив форм типа *пусть* + 3-е лицо слишком разнороден в семантическом плане, чтобы его целиком причислять к средствам объективации императивности. Все формы, которые мы рассматривали в предыдущих главах, выражали только императивное значение (*пой(те)*, *спой(те)*, *споем(те)*, *давай(те) петь*, *давай(те) споем*; по поводу значений императивной формы с суффиксом *-и/-й-* см. главу I). В отличие от них, формы с *пусть* многозначны и только в некоторых контекстах обозначают каузацию действия. Формы с *пусть* регулярно образуются и являются аналитическими словоформами (а не сочетаниями), одно из значений которых является императивным. На основании этого мы можем отнести их к ближней периферии категории императивности.

1.2. Формы побуждения 3-го лица в сербском языке

В целом, семантико-грамматическая ситуация с побуждением 3-го лица в сербском языке схожа с русской, но при этом имеет свою специфику.

1. *neka* + 3-е лицо наст вр. (юссив)

Daj Bože da obe doguraju do finale pa neka bolja pobedi.

Neka mi neko argumentovano kaže da nije tako.

Treba pokrenuti peticiju za smenu Verana Matića, a neka b92 postoji i neka vodi svoju politiku, ali bez onog bezbožnika.

Neka ga Nole klepi u prvom setu i to je to, pošto ovaj prsne kad ga ne ide.

Как уже отмечалось ранее, подобные формы рассматриваются в сербском языкознании то как презентные, то как императивные.

Кроме формы с *neka* ряд исследователей выделяет в качестве императивной форму *da + наст. вр.*¹ (*da dođe*) Однако подобные формы весьма многозначны, и их значение определяется контекстом, в целом, мы склонны их расценивать как оптатив.

2. neka + 3-е лицо наст вр. (оптатив)

Neka poćiva u miru.

Ceo svet neka je tvoj.

Ako već odlaziš neka ti je sreća sva.

Porodici Vujović želim da izjavim najdublje i najiskrenije saučešće i neka ih Gospod čuva i da snage u ovom preteškom trenutku.

Как уже отмечалось ранее, оптатив отличается от юссива признаком контролируемость/неконтролируемость действия.

2.1 Daj Bože/Gospode da + 3-е лицо наст. вр. (оптатив)

Daj Bože da obe doguraju do finale pa neka bolja pobedi.

2.2. Этимологически родственной конструкции *daj Bože da* является частица *dabogda*, или *dabog + л-форма*, которая весьма частотна в сербской разговорной речи и употребляется намного чаще по сравнению с аналогичными средствами русского языка.

Dabogda ti kuća gorela, a vatrogasci oko nje uzičko kolo igrali.

Dabog ti djeca kupovala čungalungu na kredit.

Dabogda te keva našla u kinder jajetu, a nemala sličicu da te sastavi.

2.3. форма 2-го лица императива в значении 3-го (оптатив)

В оптативном значении в сербском языке может употребляться форма 2-го лица вместе с субъектом в 3-м. В русском языке подобные конструкции

¹ Напр., Fekete E. Morfološki i semantiko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008). Beograd, 2008 или Barić E. Priručna gramatika hrvatskog književnog jezika. Zagreb, 1979.

практически не употребляются и сохранились лишь в формулах пожеланий *дай Бог* и *помогай Бог*. В сербском языке, несмотря на стилистическую окрашенность, подобные конструкции более частотны и разнообразны. В современной разговорной речи они встречаются довольно редко, поэтому примеры заимствованы из работы Р. Катичича¹, посвященной хорватской литературной норме, в которой подобные формы атрибутируются как императивные.

*Svaka žena **budi** ti mati, svaki čovek otac.* (Пусть каждая женщина будет ему матерью, каждый человек – отцом.)

*Ako načelnik voli da je nakladna maškara pred čitavim selom, **budi** ti na veselje.*

В подобных случаях форма императива употреблена в оптативном значении, то есть не в прямом, а в переносном. В русском языке есть похожие конструкции, например, *Разрази меня гром!* (см выше).

3. neka + 3-е лицо наст вр. (пермиссив)

Выражение РАЗРЕШЕНИЯ.

*Insistirao je tatica da dođe, da me vidi, i da vidi kako sam namestila sobu za bebu. Reko, 'ajde dobro, **neka dođe**, iako mi nije uopšte bila želja da dođe kod mene.*

*Ajde za devojke je u redu. **Neka se udaju, vide Grčku i neka idu** tamo.*

4. neka + 3-е лицо наст. вр. (нонкуратив)

*Zoveš me na greh i baš me briga za svet što gleda nas, **neka nam zavide!***

*Nemam 300 hiljada za vratiti, **neka me stave** u zatvor.*

*Ma **neka ide** život, ja se ne žurim.*

Частица *neka* сама по себе, без глагольной формы, может выразить нонкуратив (сродни русскому *ну и пусть, да ладно*).

¹ «Posebna je stilska vrijednost kad se upotrijebistari oblik za 3. lice singulara imperativa. Češće se taj imperativni oblik javlja u starinskim formulama». *Katičić R. Sintaksa hrvatskog književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986. С. 65.*

Jesi li čuo da je Seka Aleksić izgubila bebu?

– *Neka, naći će je.*

5. hajde + da + 3-е лицо наст. вр.

Hajde kerovi, mačke, zmajevi i ostala bića koja prave prečudne zvukove da se odsele negde u roku od sad!

Hajde cela gimnazija sad da kupi i Pad.

Hajde neko da me usvoji.

Kad je već tu, onda 'ajde da uzme i markicu (ja uvek imam markice).

Videla da se gledaju turske serije, pa ajde da uzme neki dinar na tu foru.

Ajde da dođe Francuz više u Beograd.

Aj' da roda donese bebu, aj' da pauk odnese kola.

Несмотря на несоответствие норме, подобные формы встречаются в разговорном языке. Их частотность значительно ниже, чем у обсуждавшихся в главе II неправильных употреблений форм 1-го лица мн. ч. Для 3-го лица более принятым является употребление частицы *neka*, а не *hajde*, с помощью которой образуется императив 1-го лица. Подобные конструкции не отмечаются в известных нам грамматиках.

Но по нашим наблюдениям, частица *hajde* в составе конструкции *hajde da + наст. вр.* завоевывает новые позиции в рамках сербского императива. Она ощутимо потеснила синтетическую форму императива 1-го лица мн. ч. и постепенно утрачивает согласованность по лицу с глагольной частью конструкции. Кроме того, она постепенно вторгается в область 2-го лица, конкурируя с синтетической формой и, как мы можем видеть в данных примерах, конкурирует с формой *neka + 3-е лицо*.

neka + безличная форма (или hajde + da + безличная форма)

Nek' se ori pesma naša, neka peva svaki Grobar sad, u venama tvojih huligana teče samo ime Partizan!

Drugovi, hajde da se leže.

I moram još da dodam, da kad se već postavljaju u novine primjeri neuspješnih liječenja koji su se nažalost tragično završili, hajde onda da se piše o svim liječenjima, pa da uporedimo broj onih uspješnih, sa onim nažalost neuspješnim.

Neka se kaže i ono što je bilo dobro, ali i ono što nije

Hajde sad nešto lepo da se desi.

Конструкция, в которой значение агенса снимается возвратной частицей при образовании форм побуждения, соответствует русским конструкциям *спусть + будет + предикатив* (*neka pesma se čuje, пусть песня будет слышна*), однако это общее направление для проведения аналогии, из которого возможны исключения. В примере *Drugovi, hajde da se leže* побуждается 1-е лицо. (*Друзья, давайте полежим* или, учитывая, что используется форма безличного побуждения, *Друзья, а не прилечь ли нам?*). В другом примере (*hajde onda da se piše*) также используется безличное побуждение, которое в русском языке не имеет однозначного эквивалента (*давайте уж тогда писать/пусть тогда уж пишут*).

В сербском языке, как и в русском, есть условно-уступительная конструкция с neka, которая, разумеется, не имеет императивного значения.

Ma neka ide, gde hoće, samo neka ne peva više, jer nema pojma o pevanju.

Neka me guraju i gaze... Ne predajem se!

On neka radi šta hoće, samo da nas ostavi na miru.

Neka pije šta hoće, samo neka mi ne pije krv.

Несмотря на то, что формы 3-го лица некоторыми исследователями считаются императивными и причисляются к ядру категории императивности, окончательное решение данного вопроса еще не найдено, поскольку данные формы могут иметь различные значения, зависящие от контекста. Их отнесение то к формам презенса индикатива, то к императиву вполне обосновано неоднородностью их семантики. В некоторых контекстах

они имеют значение побуждения и каузации, в других — нет. Условно-уступительные, оптативные и нонкуративные высказывания не удовлетворяют требованиям побудительной семантики и, следовательно, формы 3-го лица в их составе не могут быть расценены как императивные.

2.0. Общие замечания о формах побуждения 1-го лица ед. ч.

Одним из наиболее спорных пунктов является включение в парадигму императива форм побуждения 1-го лица ед. ч. Разногласия обусловлены тем, что разные авторы по-разному формулируют прототипическую императивную ситуацию. Одни исследователи, определяя семантику императива, исходят из того, что каузатор и исполнитель каузируемого действия должны быть разными лицами (Вежбицка¹). Другие допускают возможность совпадения этих двух ролей в одном лице (Храковский, Бирюлин², Барентсен³).

Разногласия среди исследователей вызывают не только частные значения и статус тех или иных формантов, принадлежность форм 1-го (а также 3-го) лица императивной парадигме, но и проблема сходства и разграничения категорий императивности и каузации. В императиве и каузативе, в отличие от индикатива, выделяются два предиката и, следовательно, два субъекта — субъект речевого акта, то есть, Говорящий, и субъект каузации. Если для каузатива их совпадение необязательно (*Он кормит белок шишками*, Говорящий — 1-е лицо, субъект каузации — 3-е лицо, «я говорю: он каузирует Р»), то для императива совпадение говорящего и субъекта каузации обязательно (*накорми белок!*, «я говорю и тем самым каузирую Р»). Однако объект каузации (Исполнитель действия) в императивных высказываниях вызывает разногласия, которые можно обобщить следующим образом: следует ли считать императивными только высказывания типа «**каузирую Р**» (*И отрубите ему там на улице голову!* Адресат высказывания совпадает с объектом каузации и субъектом пропозиции) или у императивных высказываний нет ограничений по лицу,

¹ Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 256.

² Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций, СПб., 1992.

³ Барентсен А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam – New York, 2003.

т. е. к императивным высказываниям относятся высказывания с непрямой каузацией типа «каузирую (адресат каузирует Р)» (*Заведи себе собаку. Пусть она приносит тебе тапочки*, «каузирую (ты каузируешь (собака приносит)»)). И особо спорными являются случаи, когда совпадают Прескриптор и Исполнитель, субъект и объект каузации (*Заведу-ка и я себе дневник. Давайте я напишу стихи, а вы поставите своё имя и продадите их*).

Лицо императивного высказывания зависит от лица пропозиции, а оператор «каузирую» является неотъемлемой и неизменной составляющей императивного высказывания: «каузирую «ты идешь» (*иди!*), «каузирую «мы идем» (*пойдемте!*), «каузирую «ты каузируешь «он идет»» (*пусть он идет!*). С другой стороны, категория императивности связана не только с категорией каузации, но и с категорией перформативности, в данном случае, речь идет о грамматической перформативности, то есть, употребление императивной формы не описывает ситуацию, а является средством воздействия на внеязыковую действительность. Императивное высказывание, точно также, как и перформативное, является событием, имеющим определенные последствия. Точно также, как и перформативное высказывание, императивное не может быть оценено по признаку истинности/ложности. Как и перформатив, императив в своем прямом значении не может быть предикатом в придаточном предложении. Однако все это справедливо для императивных форм, выражающих значение «каузирую Р», то есть для форм 2-го лица (*Взрывайте мост!*), в которых Говорящий непосредственно каузирует совершение адресатом действия, а следствием императивного высказывания является изменение ситуации в мире (мост разрушен). Высказывания с формами 1-го лица мн. ч. (*Давай взорвем все мосты, какие тут есть, и выберемся отсюда!*) каузируют совершение действия адресатом вместе с Говорящим, опять же ситуация не описывается, а полагается в актуальном настоящем, то есть присутствует сема перформативности. В высказываниях с непрямой каузацией, например, в высказываниях с формами

3-го лица (*Путь взрывают мост и уходят!* «каузирую (адресат каузирует Р)»), сделай так, чтобы они взорвали мост), у второго каузатора сема перформативности отсутствует.

В высказываниях с так называемым автопобуждением (*Взорву-ка я этот мост, товарищ лейтенант!*), отсутствует не только перформативность, но и сама каузация, поскольку в подобных высказываниях нет значения «причинения». В ситуации каузации всегда выделяются два состояния: антецедентное и терминальное, связанные между собой причинно-следственными отношениями. Объект каузации претерпевает изменение состояния по причине воздействия каузатора. В ситуации *Саперы взрывают мост* терминальное состояние — мост разрушен — обусловлено деятельностью агенса (каузатора). В императивном высказывании *Взрывайте мост!* также выделяется терминальное состояние объекта речевой каузации (саперов) — «выполнение задания». Это состояние является следствием речевой деятельности каузатора (Прескриптор/каузатор каузирует Получателя прескрипции/Адресата, и тем самым меняет его состояние, например, состояние ожидания меняется на состояние выполнения задания, как следствие получения приказа). В императивной ситуации сохраняется специфика ситуации каузации — субъект причиняет изменение состоянию объекта. То же самое касается и побуждения 3-го лица, с той только разницей, что Получатель прескрипции не тождественен Исполнителю прескрипции, то есть подразумевается промежуточная ситуация, в которой Получатель прескрипции сам должен стать Прескриптором и каузировать непосредственное исполнение действия. В 1-м лице мн. ч. специфику составляет то, что каузатор заявляет о своем намерении выполнять действие вместе с объектом каузации, но основной принцип каузации — объект каузации (группа «мы») становится субъектом каузируемой пропозиции — сохраняется. Высказывания типа *Взорву-ка я*

этот мост, товарищ лейтенант! отличаются от всех вышеприведенных случаев.

Если рассматривать подобные случаи, как вариант императива, то возникает расхождение адресата высказывания и получателя Прескрипции (объекта каузации), что очевидно при эксплицитно выраженном Адресате (слушающем), к которому общается Говорящий, но который не является участником каузируемого действия. Отметим, что подобное распределение ролей нехарактерно для императивной ситуации. Далее, если мы продолжаем считать, формы 1-го лица ед. ч. на *-ка* императивными, то можно предположить, что речь идет об автокаузации, когда референты каузатора и объекта каузации совпадают (типа *бриться, злиться* и т. д.). Однако в подобных высказываниях не удовлетворяется основное требование каузации — изменение состояния объекта каузации. Терминальное состояние каузируемого в императивном высказывании можно обобщено охарактеризовать как «получивший прескрипцию». В соответствии с полученной прескрипцией он начинает действовать и становится агенсом каузируемого действия; это также справедливо и для 3-го лица, за тем лишь исключением, что действие, требуемое от 2-го лица, эксплицитно не названо (*пусть взрывают – прикажи/ передай/ сообщи/ сделай так, чтобы они взрывали*, «каузирую (адресат каузирует Р)»). В высказываниях с такназываемым автопобуждением объект каузации не претерпевает никаких изменений, такое высказывание не является причиной, вызывающей действие. Таким образом, автопобуждение не удовлетворяет одному из основных критериев императивности – наличию семы каузации.

В.Ю. Гусев в диссертационном исследовании «Типология специализированных глагольных форм императива»¹ отмечает, что прототипическая каузация предполагает нетождество каузатора и исполнителя, в случае же совпадения каузатора и исполнителя, нет

¹ Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 48.

необходимости в речевом акте. В ситуации же совпадения говорящего и адресата (автокоммуникации), когда говорящий выступает субъектом-каузатором собственных действий, обычно употребляются императивные формы 2-го лица ед. ч. (*И я сказал себе: «Иди, иди скорее отсюда»*). А. Барентсен отмечает, что подобные употребления 2-го лица для автопобуждения являются, с одной стороны, периферийными, с другой — универсальными. Сами же формы 1-го лица ед. ч. на *-ка* (*пойду-ка*) и конструкция *пойду + 1-е лицо ед. ч. наст.-будущ.* (*пойду поем*), по мнению В.Ю. Гусева, не выражают каузации, не имеют значения императивности, а имеют значение намерения.

В сербской грамматической традиции автопобуждение (*zapovest govognog lica samome sebi*) не включается в категорию императивности на основании такого семантического аргумента, как «*rojedinas sam sebi ne zaroveda*» (человек сам себе не приказывает, т.е. каузатор не может быть в то же время и исполнителем действия)¹. М. Стеванович отмечает, что у императива нет специальной формы 1-го лица ед. ч., и в случае необходимости выразить автопобуждение употребляется аналитическая форма *da + наст. вр.* смыслового глагола.

Отметим также, что такие понятия, как побуждение, императивность и директивность иногда накладываются друг на друга, что приводит к смешению грамматики и прагматики. Побудительная интенция может быть выражена различными языковыми средствами, в том числе, косвенными речевыми актами, смысл которых раскрывается в контексте. В то время как в семантике императива обязательным компонентом является сема каузации, а общее значение императивных высказываний не побудительное (поскольку побуждение может быть и внутренним), а повелительное (императив представляет собой речевое действие, направленное на управление поведением адресата). В отличие от русскоязычной лингвистической

¹ Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, 1. Београд, 1970. С. 707.

традиции, в которой «категория побудительности» широко используется лингвистами, а «побуждение» рассматривается как категориальное значение императива¹, в сербской традиции используется термин *zapovest, zapovedni naćin*² (*повеление, повелительное наклонение*).

Разграничение императива и оптатива также является проблемой, привлекающей внимание исследователей. Близость оптатива императиву, а также отсутствие у оптатива грамматикализованного ядра отмечается в работе *Južnoslovenski jezici*³. Различие между оптативом и императивом описывается как разница в иллокутивной силе, или в степени директивности. Отечественные исследователи, отмечающие, что у императива и оптатива есть общая часть значения — «стремление/желание говорящего, чтобы совершилось Р»⁴ — разграничивают эти две категории по признаку контролируемость/неконтролируемость действия⁵. В работе В.С. Храковского и А.П. Володина⁶ выделяются две семантические группы глаголов: «волевые» (обозначающие процессы или состояния, подконтрольные воле человека, который может их каузировать) и «неволевые» (неподконтрольные и некаузируемые). Императив и оптатив имеют дополнительное распределение по признаку контролируемости/неконтролируемости. «Если говорящий (полагает, что) контролирует ситуацию, возможно только первое значение, в противном

¹ Русская грамматика *Шведова Н.Ю.* (глав. ред.), М., 1980, Повелительное наклонение. С. 620.

² «Imperativ, kao izražajni model, podrazumeva modalno znaćenje koje se ispoljava, gramatićki i semantićki rećeno, obićno kao zapovest (zapovedni naćin)...». *Fekete E.* Morfološki i semantiko sintaksićki modeli u imperativnom znaćenju // *Južnoslovenski filolog* LXIV (2008). Beograd, 2008.

³ *Južnoslovenski jezici: gramatićke strukture i funkcije / U redakciji Predraga Pipera.* Beograd, 2009.

⁴ *Гусев В.Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 244

⁵ Там же. С. 244.

⁶ *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. С. 142.

случае — только второе».¹ Еще одним значением, связанным с признаком контролируемость/неконтролируемость, является значение намерения². Именно оно выражается формами 1-ого лица ед. ч, условно называемыми автопобуждением. Несмотря на то, что они не включаются нами в состав императивной парадигмы и не рассматриваются в качестве средства выражения категории императивности, мы считаем целесообразным уделить им внимание, поскольку они выражают смежное с императивом значение.

2.1. Формы выражения автопобуждения в русском языке

1. Синтетические формы с частицей -ка (типа пойду-ка, спую-ка)

Ух, посмотрю-ка я, что там стоит!

Поработаю-ка я немного волшебницей.

У меня диета — съем-ка я котлету!

Как было отмечено выше, данные формы выражают значение намерения, а не побуждения.

1.1. Сюда же относятся аналитические формы пойду + 1-е лицо ед.ч. наст.-будущ. времени, пойду-ка я + инфинитив, в которых пойду означает начало действия, а не перемещение в пространстве.

Пойду-ка я мяса накупаюсь.

Пойду-ка и я на tumblr, тут как-то совсем неуютно стало.

Пойду-ка я стихи писать!

А. Барентсен выделяет у форм с частицей -ка общее значение «новизны идеи» и «внутреннего решения на непосредственное совершение действия»³. Голландский исследователь отмечает, что частица -ка имеет временное значение, и конструкции с ней выражают намерение совершить действие

¹ Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 244.

² Там же. С. 244.

³ Барентсен А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam – New York, 2003.

непосредственно после момента речи. Другой точки зрения на формы с *-ка* придерживается Н.В. Перцов¹, который описывает формант *-ка* как словоизменительный аффикс, выражающий квазиграммему со значением «фамильярное побуждение». Бранко Тошович выделяет у частицы *-ка* значение «непринужденного, смягченного приказания, близости отношений, ... иронии»². В целом, можно заметить, что частица *-ка* у форм императива и у форм со значением побуждения имеет значение «сокращения дистанции», причем дистанция может быть социальной – между говорящим и адресатом, может быть временной («непосредственное свершение действия»). Но дистанция также может быть коммуникативной – между иллокутивным показателем (императив или форма побуждения к действию) и иллокутивной целью (например, иронией), а в этом случае частица *-ка* маркирует не сокращение дистанции, а ее наличие.

Уважаемый ТС, загляни-ка, пожалуйста, под кровать или в кладовку (не знаю, где ты ствол оружия сберегаешь) и выдай-ка нам, для облегчения дискуссии, калибр данного ствола.

–Мам, пойду-ка я прохожих постреляю. — Хорошо, сынок, только в церкви не танцуй.

В.Ю. Гусев³ описывает высказывания 1-го лица ед. ч. с *-ка* формами, как имеющие значение намерения и подразумевающие отсутствие препятствий для его осуществления, а также наличие у говорящего выбора — осуществлять намерение или нет, что, в целом, подразумевает контроль говорящего над ситуацией.

Отметим также, что Р.О. Якобсон предлагал различать повелительное и побудительное наклонения, и формы с частицей *-ка* относил к

¹ Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001. С. 154–160.

² Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006. С. 55.

³ Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 253.

побудительному наклонению, значение которого, согласно мнению автора, выражает повеление с элементом увещевания ¹.

2. Аналитические формы типа дай(-те), (-ка), давай(-те), (-ка) + I лица ед.ч. наст.-будущ. времени СВ/ инфинитив НСВ

Давай я поищу в Google за тебя (давай + СВ).

Давай я буду приходить к тебе кленовым соком (давай + НСВ).

Народ, давайте я вам помогу найти какие-нибудь картинки в любом стиле.

А давайте-ка я вам про вкуснющие шампиньончики напишу!

Дай, красавица, я тебе погадаю.

Даня, дай к сердцу прижму. Дай пожелать тебе в доме гипернаносчастья и пузырьков в бокале.

Дай-ка скину я бушлат Да пуцуся я плясать!

Дайте я вам покажу, как надо!

Дайте-ка я примерю эту чудо-каску!

В «Русской Грамматике» частица *давай(те)* рассматривается только в составе форм совместного действия ². Формы с *дай(те)* упоминаются в качестве средства выражения волевых проявлений со значением призыва к согласию ³.

А.В. Исаченко выделяет в конструкциях с частицей *дай* усиление апеллятивного значения, но обращение в этих формах адресовано самому говорящему. Формы с *дай(-ка)*, а также формы с частицей *-ка*, рассматриваются им как разновидность особой побудительной формы (но не особого наклонения), которую А.В. Исаченко называет гортатив ⁴.

Согласно исследованиям А. Барентсена, который также выделяет в

¹ *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

² *Русская грамматика / Шведова Н.Ю.* (глав. ред). М., 1980, Т. 1, с. 622.

³ *Русская грамматика Шведова Н.Ю.* (глав. ред). Т. 2. М., 1980., С 224.

⁴ *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.

высказываниях с частицами *дай(те)* и *давай(те)* особую важность Адресата, призыв к Адресату не относится к совершению действия (в отличие от императивных форм). *Дай(те)* выражает значение «не мешайте» (*Дайте я взорву этот мост, в конце-то концов!*). *Давай(те)* выражает готовность говорящего совершить действие в интересах адресата.

Отметим, что частица *дай* используется не для побуждения 1-го лица, а для каузации 2-го лица. Значение 1-го лица ед. ч. устраняется без семантических потерь при замене глагольной формы инфинитивом — *дайте-ка примерить, дай-ка скину, дай прижать тебя к сердцу*. Однако подобная трансформация невозможна для конструкции с частицей *давай* — *давайте помогу* и *давайте помогать* отличаются адресатами, в первом случае говорящий не включен в группу адресатов, во втором — включен. Особенно заметна каузация в конструкции с частицей *дай* в высказываниях с глаголами речи: *дай(те) (мне) сказать, дайте договору, Дай-ка, дружок, расскажу я тебе, О том что творится на этой земле*. Очевидно, что значение у подобных конструкций — «каузирую Р», т.е. «слушай». Схожую ситуацию можно отметить для глагола «показать/показывать». *Дай покажу тебе, от чего ты отказываешься*. Опять же, в значении выделяется прямая каузация 2-го лица—*смотри/посмотри*. От высказываний с *позвольте/разрешите* (*позволь, я покажу/расскажу тебе*), примеры с частицей *дай* отличаются большей категоричностью и авторитарностью говорящего, меньшей заинтересованностью в согласии адресата и санкционировании действия. Частица *давай(те)* имеет значение «предложения», запроса на санкционирование, она маркирует категорию вежливости.

Отдельное место занимают случаи употребления частицы *дай* в составе конструкции *дай + думаю + 1-е лицо наст.-будущ. вр. СВ*. В них нет ни императивного, ни побудительного значения.

Ехал я в субботу поздним вечером по Пятницкой в центр, да дай, думаю, заеду в один клуб.

На днях поставил себе выхлоп, спойлер, накладку на бампер, помыл машину и дай, думаю, прокачусь.

Еду мимо банка и не могу вспомнить, положил я в этом месяце деньги или нет? Дай, думаю, заеду, вдруг не положил.

Эта конструкция используется исключительно в повествовательном контексте, в однородном ряду с формами прошедшего времени или настоящего исторического. На наш взгляд, эти конструкции схожи с конструкцией *возьми, да и* (*А он возьми, да и спаси из огня дочку влиятельного вельможи Лопухина*), которая имеет значение неожиданного действия и является маркером категории экспрессивности.

3. Аналитические формы с пусть/пускай + 1-е лицо ед. ч. наст. вр. НСВ (наст.-будущ. вр. СВ)

Пусть я кого-нибудь люблю: Любовь не красит жизнь мою.

Пусть опять я горько ошибусь, Пусть опять ни с чем я возвращусь, Только без глаз твоих Ещё грустнее грусть.

Пускай погибну безвозвратно навек, друзья, навек, друзья, Но все ж покамест аккуратно пить буду я, пить буду я.

И если я завтра воскресну, пускай я сегодня умру.

Пускай всю жизнь я проведу в пути, Пускай я изношу ботинок много, Пускай в конце устану я идти, Но я всегда иду своей дорогой.

В «Русской Грамматике»¹ формы с частицей *пусть/пускай* перечисляются среди способов выражения побуждения 1-го лица ед. ч., хотя отмечается, что такие сочетания редки, значение побуждения в них сочетается со значением «желания, допущения, принятия». На наш взгляд, значение побуждения у данных конструкций отсутствует, значение же их колеблется от концессива до оптатива.

4. Формы чтобы +л-форма (*чтобы я тебя больше не видел!*)

¹ Русская Грамматика / Шведова Н.Ю. (глав. ред). М., 1980. С. 625.

Несмотря на ярко выраженную каузативную семантику (Говорящий своим высказыванием пытается каузировать Р, где Р = прекращение общения), данная конструкция является, скорее, оптативом, поскольку ситуация расценивается говорящим как неконтролируемая. То же самое значение может быть выражено без эксплицитных форм 1-го лица (*Чтоб ноги твоей больше здесь не было! Чтоб духом твоим здесь не пахло! Так и быть, переночевать сегодня переночуй, но завтра чтоб тобой здесь и не пахло!*). От оптатива (например, *Чтоб жила ты до ста лет, горести не зная*) рассматриваемые случаи отличает наличие явной прескрипции, у которой есть Получатель и Исполнитель. Возможно, подобные конструкции следует рассматривать в качестве промежуточных между императивом и оптативом. Отметим, что ряд исследователей выделяет фактитивный оптатив, описываемый как значение промежуточное между оптативом и императивом. Термин «фактитивный оптатив» был предложен в работе Н.Р. Добрушиной¹ для значения разного рода благословений и проклятий. У фактитивного оптатива отмечается наличие каузации, но отсутствует исполнитель каузируемого действия. Н.Р. Добрушина работает, в основном, с кавказскими языками, для русского языка подобрать пример затруднительно, поскольку речевые формулы проклятий и пожеланий не мыслятся носителями русского языка как способные вызвать к жизни соответствующую ситуацию. Тем не менее, наиболее близкими к фактитивному оптативу в русском языке можно считать примеры типа: *Чтоб я сдох! Чтоб я так жил! Лопни моя селезенка!* Выражения *Чтоб я так жил!* отличаются от выражений типа *Чтобы я тебя больше не видел!* тем, что во втором случае имеется исполнитель действия, но выражен он не грамматически (как в императиве), а лексически (местоимением). В императиве разница между каузацией 2-го лица и непрямой каузацией 3-го лица выражается разницей в форме (*Уходи! Пусть уходит!*). В конструкциях

¹ Добрушина Н.Р. К типологии оптатива // Плунгян В.А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 7–27.

чтобы + л-форма эта разница выражена лексически (*Чтоб я тебя больше не видел! Чтоб я его больше не видел!*).

2.2. Формы выражения автопобуждения в сербском языке

В SSSJ¹ отмечается, что высказывания с автопобуждением довольно редки, но, тем не менее, они рассматриваются как члены категории императивности.

Как и в русском, в сербском языке нет синтетических форм, выражающих побуждение 1-го лица ед. ч. Мы не считаем целесообразным рассматривать формы автопобуждения в сербском языке в качестве равноправных членов императивной парадигмы (и категории императивности), однако считаем интересным рассмотреть автопобуждение как смежное с императивностью языковое явление.

Особенностью сербского языка является наличие полифункциональной и полисемичной конструкции *da + наст. вр.*, которая охватывает целый спектр значений, включая желательность и побудительность. Русские конструкции с *дай, давай, чтобы* и *-ка* передаются в сербском языке при помощи *da + наст. вр.*

1. Конструкция *da + наст. вр.*

Da otvorim novu temu onda.

Evo da vam, drage moje i dragi moji, ispričam jednu moju istinitu priču koja se davno, davno dogodila...

Da ti ja ispričam nešto iz mog života da bi me lakše razumeo.

Da nađem žrtvu da mi opere sudove.

Da pomognem ovcama! Ako te neko savetuje, da uradiš ono što on neradi, i ne demonstrira na sopstvenom primeru, nemoj da mu veruješ!

Da pomognem nekima da se odluče da prestanu da puše.

¹ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 660.

Vojo, da ti objasnim kako najlakše sliku da postaviš. Tako ja radim.

В SSSJ¹ конструкция *da + наст. вр. 2-го лица* рассматривается как редуцированный вариант эксплицитной перформативной формулы с модальным глаголом. Конструкция *da + наст. вр. 1-го лица* рассматривается только в вопросительных предложениях (*Da idem?*), в которых конструкция с *da* рассматривается как носитель дополнительного иллокутивного аспекта неуверенности, что сближает рассматриваемую конструкцию с потенциалом. С нашей точки зрения аспект неуверенности (для выявления которого изолированное высказывание недостаточно, а требуется более широкий контекст), может быть привнесен вопросительной формой, в то время как конструкция *da + наст. вр.* может выражать намерение совершить действие. Как и в русском языке, здесь отсутствует значение каузации и императивности, хотя выделяются желательность и контролируемость. В отличие от русского языка, именно эта форма употребляется в сложносочиненных императивных предложениях (*Вы идите, а я останусь. Idite vi, a ja da ostanem*).

1.1. Разновидностью конструкции *da + наст. вр.* является конструкция с побудительной частицей *hajde da + наст. вр.*

'ajde da pokušam da ti objasnim, pa češ valjda skontati, mada za to ne treba puno inteligencije.

Hajde da prelistam engleski na brzinu i da spavam.

Ajde da vam i ja pokažem što sve imam od šminke.

Существенной модификации значения частица *hajde* не вводит, но лишь усиливает значение побуждения. Однозначного соответствия в русском языке нет, все вышеприведенные примеры можно перевести как с частицей *давай(-ка)*, так и с частицей *-ка*. Можем предположить, что, как и аналогичные высказывания в русском, данные побудительные высказывания не имеют семы каузации, но имеют сему контролируемости действия.

¹ Там же. S. 1027–1028.

1.2. Конструкция *daj(te) da* + наст. вр.

Еще одной побудительной частицей, усиливающей побуждение и образующей побудительную конструкцию, является частица *daj(te)*.

*Joј, komšinice... **dajte da vam pomognem.***

Daj da te isplaniram, baš da vidim kako će ti ispasti.

Daj da ti nabacim drugara.

*Nemoј mi te klišeе kao sanjaću te, bićeš mi u snovima i sl., **daj da ti budem na javi.***

Частица *daj(te)*, по-видимому, усиливает апеллятивный компонент высказывания. Детальное описание значений сербских частиц лингвистам еще предстоит, а нам бы хотелось обратить внимание на такую особенность сербского языка, как большую частотность и широкую употребительность конструкций автопобуждения с глаголами восприятия, которые, по сути, являются побуждением 2-го лица.

2. Автопобуждение с глаголами восприятия

*Kažu da je Makedonija najviše napredovala pa **da vidim** kako stoје stvari.*

***Da vidim** link u koje to vreme Budimpešta bila srpska*

*Aјmo vojvođani, **da vidim** koliko vas je.*

***Da vidim** dokle sam stigao, potrebni su mi saveti i pomoć.*

*Hajde baš **da vidim** tekst.*

***Da vidim** gde sam ostavio mobilni.*

*Ovo je garant neka prijevара, znamo za zlatnu ribicu, ali zlatna patka - nikad čuli! Al' **hajde, da vidim** i to čudo.*

***Da čujem** šta kaže onaj ko tamo živi.*

***Daj** još jednom **da čujem** ti glas.*

*Svi znamo da su Zvezda, Partizan, Hajduk i Dinamo najuspešnji klubovi stare Jugoslavije (upravo tim redom). Ali koliko su apsurdne priče da su uspehe imali zahvaljuјуći vlasti? **Da čujem** vaše mišljenje.*

Приведенные выше примеры можно по форме сопоставить с русскими конструкциями типа *расскажу-ка (дай/давай расскажу), покажу-ка (дай/давай расскажу)*, с той разницей, что в сербском языке используются *videti* и *čuti* (*видеть и слышать*), которые относятся к статическим глаголам, которые выражают состояние и имеют ограничения при образовании императива и выражении побуждения.

Например, **Увижу-ка ссылку, когда это Будапешт был сербским?* или **давай/дай увижу ссылку* — грамматически неверные высказывания. Единственным возможным вариантом является *дай увидеть*, в котором нет семантики автопобуждения, а есть каузация действия 2-го лица. В сербском же языке конструкции *da vidim, da čujem* идиоматизировались и выражают каузацию 2-го лица. В русском языке, в большинстве случаев, им соответствуют императивные формы *покажи (da vidim)* и *расскажи (da čujem)*, хотя и не всегда. Отметим, что глагол восприятия может стоять не только в ед. ч., но и во мн. ч. Также рассматриваемые два глагола имеют синтетические формы императива 2-го лица (*vidi ga! посмотри-ка на него!*) и употребляются в оптативном значении в конструкции *da + наст. вр.* (*Da vidiš/vidim još Kubu! Вот бы (тебе/мне) еще Кубу посмотреть!*). Граница между оптативом и побуждением в данных случаях целиком зависит от контекста. Как для побуждения, так и для императива обязательным условием является то, что Говорящий/Прескриптор полагает, что Адресат/Получатель прескрипции в состоянии выполнить требуемое, каузируемое действие. Если действие посильно Адресату, и его выполнение зависит от Адресата, то мы имеем дело с прескрипцией — *da vidim link* (которое на русский может быть переведено императивом *покажи-ка ссылку*), если выполнение желаемого действия напрямую от Адресата не зависит, то значение высказывания становится оптативным — *da vidim Kubu* (*увидеть бы/посмотреть бы Кубу*). В контексте просмотра рисунков (при

использовании метонимии) *da vidim Kubi* приобретает прескриптивное значение (*покажи-ка Кубу*).

Так же конструкция *da* + наст. вр. глаголов восприятия может употребляться в 1-м лице мн. ч., что не подразумевает, что у каузируемого действия будет несколько исполнителей (в отличие от побуждения к совместному действию (*da idemo*), но означает, что у каузируемого действия будет несколько бенефактивов (*da vidim* — *покажи мне*, *da vidimo* — *покажи нам*).

Большую роль для выяснения точного значения конструкции и наличия/отсутствия каузации играет экстралингвистический контекст. В высказывании *Da vidim gde sam ostavio mobilni*, скорее всего, нет призыва к совершению действия (русским эквивалентом будет *Дай-ка посмотреть, где я оставил телефон*, а не *Покажи, где...*). Минимальные контексты зачастую бывают недостаточными и неоднозначными — *Hajde baš da vidim tekst* (*покажи, дай посмотреть*).

Формы так называемого «автопобуждения» (1-го лица ед. ч.) не входят в категорию императивности, однако некоторые формы, традиционно причисляемые к «автопобуждению» (*дай примерю*, *daj da vidim*) не имеют значения побуждения 1-го лица, а имеют значение побуждения 2-го лица Их статус остается спорным. Также некоторые формы, традиционно не рассматривающиеся в качестве императивных (типа *чтоб я тебя больше не видел* или *hajde, da vidim to čudo*) вполне могут считаться грамматической периферией (в силу наличия значения каузации), в отличие от форм, часто рассматривающихся как относящиеся к императивным средствам (типа *съем-ка*, в которых значение каузации отсутствует).

Кроме того, можно отметить, что русский язык обладает средствами усиления апеллятивности (*дай/давай*), которые интерпретируются иногда как показатели побуждения или императивности. Частица *давай* призывает Адресата санкционировать действие, а частица *дай* каузирует

невмешательство Адресата в действие, поэтому формально схожие частицы формируют разные конструкции, которые по-разному относятся к категории императивности: побуждение с *давай* может быть рассмотрено как смежное с императивностью, побуждение с *дай* (которое практически всегда может быть переформулировано с использованием грамматической формы императива 2-го лица) может считаться периферийным способом выражения семантической категории императивности.

В целом бы хотелось отметить необходимость терминологически разграничить понятия «императивности» (повелительности) как понятия более узкого, включающего обязательный компонент значения «речевая каузация» и «побуждение» как понятия более широкого, обозначающего желательность действия для говорящего.

Если некоторые исследователи, например, В.Е. Иосифова¹, причисляют к ядру категории императивности все грамматические способы выражения императивного значения, то мы предлагаем другой подход.

- Ядром категории императивности являются специализированные грамматические формы (2-е лицо в русском, 2-е лицо и 1-е лицо мн. ч. в сербском).

- Приядерные элементы — формы 1-го лица мн. ч., обладающие в полной мере императивной семантикой, но не имеющие синтетического грамматического показателя (в сербском языке синтетические формы 1-го лица мн. ч. пока что включаются в ядро, хотя намечается тенденция их устранения из ядра).

- Ближняя периферия — формы 3-го лица, не обладающие специфической формой и не удовлетворяющие полностью семантическим

¹ Напр., *Иосифова В.Е.* Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2011. С. 11. В составе грамматического ядра перечисляются формы 2-го лица, 3-го лица и 1-го лица мн. ч. Под периферией подразумеваются «все другие средства повеления: инфинитив, наречие, существительное, междометие».

критериям императивности, но, тем не менее, выражающие каузацию действия.

- Дальняя периферия — транспонированные формы, употребленные для выражения императивности в переносном значении.

О дальней периферии речь пойдет в следующей, пятой главе.

Г л а в а V

Средства выражения побуждения неимперативными формами

В последней, пятой главе мы рассмотрим неимперативные средства выражения императивности, которые интересны, прежде всего, своим разнообразием, а также своей спецификацией — различные переносные употребления закреплены за разными подтипами императивного значения. Еще раз отметим то, что уже упоминалось в главе II, — все средства выражения императивности, как прямые, так и косвенные, распределяются по подтипам императивного значения (или по микрополям), и выделенные нами в главе II на материале ядра категории подтипы точно также применимы и к периферии.

Наряду со специализированными формами императива, которые составляют ядро категории императивности, семантика императивности может быть объективирована и другими языковыми средствами в их непрямых употреблениях.

*Завтра в школу **придешь** с родителями!*

*Znači sutra **dodeš** u školu, **otiđeš** do Dominika i reci mi: Traktor te zove ili pozdravlja, svejedno je.*

*«За два дня **убрать** лед с парковок!» — приказал г-н Минаев директору парковки.*

*Jedan put dnevno **naneti** na obolelo mesto.*

Изучение транспозиции позволяет выявить весь комплекс средств, используемых для выражения языковой категории. Прямые употребления и транспонированные во многом схожи, но не идентичны. Транспонированные формы маркированы по признаку «экспрессивность», что отличает их от

нейтральных форм, используемых в прямом значении, и является основой функционального варьирования средств выражения императивности. Стилистическая неоднородность транспонированных и прямых форм предоставляет Говорящему возможность более точно передать свое коммуникативное намерение.

Чаще всего в область императивности транспонируются высказывания с инфинитивом, с индикативом СВ в настоящем-будущем и прошедшем времени, с индикативом НСВ в настоящем и будущем времени и с формами сослагательного наклонения. В сербском языке может транспонироваться конструкция *da + наст. вр.* Кроме того, возможно употребление вопросов с целью побуждения и каузации действия.

В рассматриваемых нами языках (русском и сербском) много схожих схем транспозиции глагольных и именных форм в область употребления императива. Однако наряду с явным сходством существует и ряд различий, обусловленных как узусом, так и грамматикой.

Отдельно от транспонированных высказываний, содержащих ту или иную глагольную форму, будут рассмотрены эллиптированные высказывания, имеющие значение императивности, но не имеющие глагольной форму.

1. Транспонированные высказывания

1.1. Конструкции с инфинитивом

Употребление инфинитива в предикативной позиции в императивных высказываниях встречается как в русском, так и в сербском языке.

Дядечка с усами из нашего оцепления проорал: «Держать строй! Сынки! Если выживем, дам три дня на разграбление».

*Баковым – на бак, ютовым – на ют! По местам **стоять**, со швартовых **сниматься!***

Развести дрожжи в молоке, смешать с частью муки и поставить в теплое место для брожения.

*В случае пожара **разбить** стекло и **нажать** на кнопку.*

*U slučaju nužde **razbiti** staklo.*

*Belanca **mutiti** da malo očvrstnu. Rernu **zagrejati** na 150 stepeni.*

*U rukama **držati** napetu gumenu traku. **Podizati** pružene ruke prema gore i bočno do odručenja.*

Postupak u slučaju poplava:

***Isključiti** električne i druge instalacije i **zatvoriti** vodu.*

*Pokućstvo, pitku vodu, i životne namirnice **podići** na više dijelove kuće ili stana.*

***Izmestiti** stoku na sigurnije mjesto.*

*Sa ličnim i drugim bitnim dokumentima **skloniti** se na sigurno mjesto, **sačekati** prestanak opasnosti, a nakon toga **postupati** po naredbama i upustvima Općinskog štaba civilne zaštite.*

Инфинитивные конструкции могут выражать императивность, несмотря на отсутствие у инфинитивов категории лица и числа, которые необходимы для обозначения Исполнителя каузируемого действия. Состав Исполнителей становится ясен из речевой ситуации и контекста. Чаще всего императивные конструкции с инфинитивом используются в таких функционально-семантических подтипах императивных высказываний, как ПРИКАЗ, КОМАНДА и ИНСТРУКЦИЯ. Во всех случаях употребления инфинитивной конструкции подразумевается, что статус Говорящего выше статуса Слушающего. В случае с ИНСТРУКЦИЯМИ, когда Говорящий и Слушающий нереперентны, статус Говорящего связан с опытом, который передается Исполнителю для совершения действия.

Императивные конструкции с инфинитивом считаются эмоционально окрашенными и маркированными по признаку экспрессивности. Под экспрессивностью обычно понимается языковая категория, выражающая

субъективное отношения Говорящего к Слушающему или к содержанию высказывания и служащая для актуализации сообщения¹. На экспрессивный потенциал инфинитива указывал еще В.В. Виноградов: «инфинитив приобретает все более широкие права экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола»². Г.А. Золотова была первой, кто обратил внимание на экспрессивность инфинитивных конструкций и определенность речевой ситуации: «... чем экспрессивнее категоричность требования, достигающая высшего выражения в инфинитивном императиве по сравнению с личным императивом, тем определеннее речевая ситуация, в которой требование адресуется конкретному исполнителю»³.

Однако наряду с высказываниями с высокой экспрессивностью (*Я вот тебе пролезу! А ну — всем **отойти** от очереди!*) инфинитивные конструкции используются и в высказываниях, лишенных какой бы то ни было экспрессивности:

*Аппарат сам выберет силу разряда и автоматически начнет заряжаться. При этом он сообщит: «Всем **отойти** от пациента! **Нажать** кнопку «Разряд!»*

Этот инструктивный подтип инфинитивных конструкций обращен к деперсонализированному, потенциальному Исполнителю. Действие, к которому побуждается Исполнитель, также является не актуальным, а потенциальным⁴.

Кроме того, есть подтип инфинитивных императивных конструкций, в которых Исполнитель указан (существительным в дательном падеже) и

¹ См. подробнее: *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006. С. 9.

² *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. М., 2001. С. 490.

³ *Золотова Г.А.* О синтаксической природе современного русского инфинитива // НДВШ. Филологические науки. 1979. № 5. С. 44.

⁴ См. подробнее: *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 197–198.

побуждается к конкретному, актуальному действию, но экспрессивность, как выражение субъективного отношения, отсутствует.

*«**Вызвать** ко мне командиров дивизионов и батарей», — приказал майор.*

*Командиру и экипажу **занять** свои места.*

*Снайперу – **приготовиться!** Остальным – оружие наизготовку и двери под прицел.*

В последних двух примерах указаны конкретные исполнители каузируемого действия. Кроме того, инфинитивная конструкция может сочетаться с вокативом:

*– Рядовой Иванов, **выйти** из строя!*

Очевидно, что ни экспрессивность, ни деперсонализированность не являются общим универсальным признаком императивных конструкций с инфинитивом. Также спорным является утверждение А. Вежбицкой, что «инфинитивы команды в действительности не сочетаются с адвербиальными зависимыми, в особенности с препозитивными»¹. Вот лишь несколько примеров обратного:

*«Ты ещё здесь? А ну **быстро собирать** вещи». — Тонкс стояла и смотрела как надзиратель.*

Хадобина подозвал генерал.

*– Вы — минер. Переезд заминирован. Фашисты ведут огонь по скоплению машин. **Срочно разминировать!***

***Копать** отсюда и до обеда!*

Конструкции с инфинитивом могут употребляться также в отрицательной форме, то есть в прохибитивных высказываниях.

*Товар руками **не трогать!***

*– Эй, **не зевать!** — вдруг тихо, но грубо крикнул он на Маркешку.*

*Nikada **ne ulaziti** u označena minska polja.*

¹ Вежбицка А. Русский язык // Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 64.

В сербском языке запретительная конструкция с инфинитивом может быть выражена через аналитическое отрицание с частицей *nemoj* (-te; -mo).

Što god radili samo nemojte kliknuti crveni gumb.

Nemoj odključavati aparat ukoliko nemaš pravi kabel.

Nemojmo paničariti.

Daj, nemojmo se svađati.

Milko, nemojmo o njem pred tvojim bratom govoriti.

Их главной спецификой и отличием от инфинитивных конструкций в русском языке является то, что лицо выражается частицей. Следовательно, о деперсонализации в подобных выражениях речь не идет. Конструкция *nemoj* + *инфинитив* синонимична конструкции *nemoj* + *da* + *наст. вр.* и употребляется как для обоих чисел 2-го лица, так и для мн.ч. 1-го лица. Отрицание с частицей *ne* встречается в инфинитивных конструкциях значительно реже и является маркированно экспрессивным. Обычно частица неиспользуется для подчеркивания исключительной важности сообщения и категоричности запрета.

Ne dirati zmije u poplavljenim mestima! One su tu da sabiju sve glodare, koji mogu da prouzrokuju epidemiju!

Ne staviti odmah u hladnjak, nego pustiti da se malo ohladi prirodno. Rezati zagrijenim nožem.

Сравнительно небольшое число сербистов уделяет внимание инфинитивным императивным конструкциям в сербском языке. Эгон Фекете в статье «Morfološki i semantičko-sintaksički modeli u imperativnom značenju»¹ рассматривает инфинитивы с императивным значением как нестандартный способ выражения императива в таких подтипах как ПРИКАЗ, СОВЕТ или РЕКОМЕНДАЦИЯ. Инфинитив берет на себя функции императива в том случае, если Исполнитель каузации не персонализирован и не референтен, любой (или каждый) из Слушающий может стать агенсом каузируемого

¹ Fekete E. Morfološki i semantičko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008). Beograd, 2008. S. 517–530.

действия. В SSSJ¹ отмечается, что инфинитив, наряду с другими языковыми средствами, может служить для выражения императивности и для достижения директивной иллокутивной цели.

В целом, в сербском языке зона употребления инфинитивных императивных конструкций значительно уже по сравнению с русским языком. В сербском агенте каузируемого действия не может быть выражен дательным падежом при инфинитиве. Также в сербском отсутствует возможность сочетания инфинитива, выражающего побуждение, и вокатива.

Необходимо отметить, что контекст для транспонированных форм играет первостепенную роль. Транспозиция как один из видов языкового варьирования возможна в определенном числе контекстов. Обобщая наблюдения предшественников, В.С. Храковский и А.Н. Володин пришли к выводу, что инфинитивные императивы не используются в пермиссивных речевых актах, которые отвечают на запрос и разрешают выполнение действия. (*Разрешите войти? — *Войти!*)

В целом можно отметить, что исследование инфинитивных императивных конструкций находится на периферии внимания лингвистов.

1.2. Конструкции с настоящим и будущим временем индикатива

Формы настоящего времени НСВ и настоящего-будущего СВ также могут выражать императивность.

Оговорим сразу, что формы совместного действия (типа *споем, споемте*) рассматриваются нами в рамках императивной парадигмы и не относятся к транспонированным. Однако формы НСВ (типа *поем все вместе!*) являются транспонированными формами индикатива в область императивности.

*Все **приносим** по 30 рублей на украшение класса!*

*Завтра на чистописание все **приносят** тетрадь.*

¹ Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica. U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005. S. 1026.

Уважаемые родители! Завтра сдаем деньги за завтраки!

*Джимми, ты **возьмешь** пистолет и будешь держаться чуть позади. Если придется осматривать Барлоу или Сьюзан, все равно, **передашь** пистолет Марку.*

*Вот тебе лукошко, дочка, в нем для бабушки презент. Лес ты **обойдешь** и точка!*

*Слушай меня внимательно! Сейчас **берёшь** руки в ноги и быстренько **валишь** отсюда!*

*- Все! — раздраженно сказал Пархай, — **собираешь** манатки, и **чешешь** отсюда на все четыре стороны, но чтобы ровно через два дня появился в полевом лагере в районе реки Убанги.*

Как видно из примеров, в русском языке в императивном значении могут употребляться формы обоих видов и всех лиц. 2-е лицо может иметь формы как ед., так и мн. числа, 1-е лицо — только мн. ч., 3-е лицо индикатива употребляется обычно во мн. ч. с местоименным подлежащим «все». Употребление в 3-м лице ед. ч., в принципе, возможно, однако в подобных случаях разграничение императивного и индикативного значения проблематично. Императивное значение форма 3-го лица ед. ч. индикатива получает в довольно ограниченном числе ситуаций, когда прескрипция адресована к группе Исполнителей, которые должны действовать как одно целое (военные команды).

*- Отставить разговоры, — прервал наши пояснения ротный. — Завтра утром рота **выходит** на гору для первого «отстрела». Личный состав подготовить. Сейчас все свободны.*

Интересно то, что все транспонированные индикативные формы 2-го лица могут быть заменены собственно императивными, возможно, с потерей экспрессивности, но с сохранением общего значения. Формы 1-го лица мн. ч. НСВ (*завтра сдаем, приносим* и т. д.) и формы 3-го лица не заменяются императивными — ни формами совместного действия **Давайте завтра*

приносить, ни формами с частицей *пусть* **Пусть рота выходит на гору*).
Употребление настоящего времени НСВ в данных случаях имеет модальный оттенок «побуждение к запланированному действию»¹.

В сербском языке собственно наст. вр. индикатива в императивном значении используется в небольшом количестве контекстов и только для 1-го лица мн. ч. В основном, это ИНСТРУКЦИИ, ПРИКАЗЫ или ЗАПРЕТЫ.

Karfiol sečemo na cvetove i kuvamo u slanoj vodi. Mesnatu dimljenu slaninu isečemo na male kockice i ispržimo.

Jedan kraj creva stavimo u vodu. Drugu flašu stavimo niže nego što je prva.

Dišemo duboko, držimo se «vera čuda čini», borimo se.

Svi ostajemo na svojim mestima!

Ništa ne diramo, samo gledamo!

Неправомерно, на наш взгляд, относить к транспонированным формам индикатива конструкции *da* + наст. вр. или *neka* + наст. вр.² Конструкция *neka* + наст. вр. входит в императивную парадигму, а конструкция *da* + наст. вр. со значением побуждения всегда имеет дополнительное значение желательности и ближе к опативу. Так или иначе, говорить о «настоящем времени в императивном значении» (*present u imperativnom značenju*)³ применительно к этим конструкциям не совсем корректно, поскольку они не имеют прямого индикативного значения, а презентными в них являются только глагольные окончания.

В отличие от настоящего времени, транспозиция которого в сербском языке ограничена, будущее время (*futur I*) довольно широко употребляется в императивных контекстах.

Ti ćeš da mi daš dva jajeta.

Ma daćeš ti meni Kamilin broj telefona, da ja malo popričam sa njom.

¹ См. подробнее: Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление), М., 1971. С. 156.

² Подобная т. з. излагается в Fekete E. Morfološki i semantičko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008). Beograd, 2008. S. 517–530.

³ Там же, с. 520.

– *Deda, kupićeš mi dve stvari: kafu i šećer, znači samo dve stvari, kafu i šećer.*

– *Dobro, baba, idem, daj ceger.*

I od svega živog, od svakog tela, uzećeš u kovčeg po dvoje.

Выше приведены примеры с глаголами СВ. В отличие от русского языка, в котором глаголы СВ имеют одну форму настоящего-будущего, в сербском глаголы СВ имеют аналитические формы. Именно они чаще всего транспонируются в область императивности. Формы будущего времени НСВ также могут иметь императивное значение, хотя при использовании НСВ категоричность побуждения снижается, и для разграничения императивных и индикативных высказываний требуется знание коммуникативного контекста.

Uzimaćeš na dva sata kašiku, pa ću ja sutra doći da vidim je li ti bolje.

Nećeš više dolaziti ovamo.

Nosićeš ovu jaknu do kraja zime.

Второе будущее (futur II) в сербском языке в императивном значении не употребляется.

1.3. Конструкции с прошедшим временем индикатива

Императивному употреблению форм прошедшего времени посвящен раздел в работе В.С. Храковского и А.П. Володина «Семантика и типология императива. Русский императив»¹, в котором указывается, что только определенная группа глаголов может иметь в прошедшем времени императивное значение. «Это прежде всего глаголы однонаправленного движения с префиксом *по-...*, выражающим начальную фазу движения; далее, надо назвать глаголы, так или иначе связанные с идеей фазовости... Разумеется, сюда же относятся и глаголы *начать* и *кончить*»². Авторы приводят примеры типа *Пошли! Взяли! Начали!* и т. д. и описывают их как

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 204–205.

² Там же. С. 204–205.

замещающие либо формы совместного действия, либо 2-е лицо мн. ч. «Что касается форм ед. ч., то в императивном значении употребляются весьма немногие глаголы... возможно, это только глаголы движения с префиксом *по-*»¹.

Однако, судя по примерам из современного русской разговорной речи, никаких ограничений для переноса значений формами прошедшего времени нет (за исключением тех лексических групп глаголов, которые не образуют императивные формы).

А ну, быстро съел мухомор и согласился со мной!

А ну, быстро уступил место бабушке!

Давай-давай, упал-отжался! Я сама-то, конечно, очкастый ботан, но кто-то же в семье должен завоевать парочку золотых медалей на Олимпиаде?

А ну-ка, вышел и постучался.

Где хозяйские тапки? Чего морду воротил? А ну, быстро принес!

А ну, встал живо! Я вас ждать не буду, не встанете сейчас — жрать не будете! — он выпихнул Стинга с кровати.

- Романовский! А ну, встал живо в шеренгу, отчитался перед всем классом, где пропал пол урока?!

А ну, быстро выучил, как город-герой правильно пишется!

А ну, немедленно убрал руку с моего колена! Считаю до трех тысяч!

Количество примеров с глаголами, не имеющими семантики фазовости или движения, легко может быть увеличено. Для подобных употреблений характерна разговорность, экспрессивность, категоричность и, как можно заметить, чаще всего конструкция употребляется с повелительно-побудительным междометием и наречиями, маркирующими то, что действие должно начаться сразу же после речевого акта. Возможно, фазовый

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 205.

компонент начала действия присущ не глаголам, а всей конструкции как целому.

Кроме вышеперечисленных, в разговорной речи встречается конструкция *чтобы* + *л-форма*, которая может выражать побуждение как 2-го, так и 3-го лица.

Чтоб сидел мне тут спокойно и не вертелся! (2-е лицо.)

- *Позови Якова!* — велела ответившему абоненту. — *Кто? Тетка его!*

Чтоб немедленно перезвонил! (3-е лицо.)

Чтоб тихо мне тут было, варнаки! Одно хулиганье собралось...

Часто в подобной конструкции акцент стоит на желательном для Говорящего состоянии или результате (используется пассивная форма или предикатив), а само действие и характер его выполнения преподносится Говорящим как несущественные («добейся результата, неважно как»).

Таксу твою я знаю, — сказал он. — *Возьми пятерку, и **чтоб** к утру **был** готов...*

*Старший лейтенант Юсуфов! **Чтоб** к утру **был** **готов** отчет о проделанной работе по делу о пропаже памятников с Площади всех российских революций, она же — «платформа». Сообразил меня?*

*Принесла кусок мяса в дом, бросила на стол получку, сказала: «Так, **чтобы** уроки **были** **сделаны!**».*

Похожая ситуация наблюдается и в сербском языке.

В сербском языке только одно прошедшее время из четырех может транспонироваться в область императива — и это перфект (*perfekat*), который состоит из *л-формы* и вспомогательного глагола. В переносном значении *л-форма* потребляется не самостоятельно, а в рамках конструкции *da* + *л-форма*.

Da si smesta ustao!

Da ste odmah zauzeli svoja mesta!

Da nisi to nikad više uradio!

В русском языке можно найти схожую конструкцию *чтоб(ы) +л-форма*.

Чтобы все уроки сделал!

И чтобы больше мои вещи не надевал!

Также, как и в русском, в сербском императивная конструкция с прошедшим временем маркирована по признаку экспрессивности и категоричности и часто сочетается с темпоральным наречием.

Форма прошедшего времени может обыгрываться.

*Пришел, увидел, наследил и... **убрал** за собой! Для тех, кто на бронепоезде разъясняю: берегите природу!*

У первых трех глаголов форма прошедшего времени употреблена в своем прямом значении (сообщение о свершившемся факте), а форма *убрал* — в переносном императивном значении для каузации действия.

1.4. Императивные конструкции с сослагательным наклонением

Желательность действия и побуждение к действию — это две смежные семантические области, поскольку, чаще всего, Говорящий побуждает Слушающего к тому действию, которое считает желательным.

– *Елизавета Андреевна, вы **бы присели**, — заботливо предложил ей мужчина, встав со своего места.*

*Вы **бы задумались** на досуге о том, что списком зарегистрированных пассажиров обладает любая авиакомпания сразу, как только закрылись двери в самолет.*

*«**Сидела бы** ты дома! Тебе рожать через месяц, **побереглась бы...**»*

- *Вы **бы тщательнее выбрали** себе друзей, Пиптин, — язвительным тоном обратился к своему заместителю Гун.*

Подобные случаи транспозиции весьма частотны и, в первую очередь, связаны с намерением Говорящего смягчить требование. Кроме того, замена императива сослагательным наклонением диктуется языковой категорией вежливости, которая предписывает применять языковые средства,

маскирующие прямую каузацию и непосредственное воздействие Говорящего на Слушающего. В отличие от всех предыдущих транспонированных форм, формы сослагательного наклонения снижают категоричность побуждения.

Транспонироваться могут формы обоих видов, как утвердительные, так и отрицательные.

Вы бы не лезли туда кривыми руками, мой вам совет.

Вы бы не лазили в клиент и не трогали там ничего. Неудивительно, что потом ни одно обновление нормально не скачивается и не устанавливается.

Кроме конструкций с сослагательным наклонением, можно также выделить конструкции с инфинитивом и частицей *бы* (сослагательный инфинитив), которые могут иметь подлежащее в дательном падеже.

Очень быстро продаете, вам бы подождать хотя бы до сдачи 1-й очереди, тогда подороже сможете продать.

Вам бы пересесть, туда, посмотрите, на той лавочке солнца нет.

Тебе бы волосы привести в порядок, а то нарастила, а ухаживать кто будет?

Эта конструкция еще дальше от прямой каузации, чем личная форма сослагательного наклонения, и считается максимально вежливым способом выражения таких императивных подтипов как СОВЕТ и ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

В сербском языке подобный перенос значения формами сослагательного наклонения (*potencijal*) отсутствует. В SSSJ среди различных значений потенциала, в том числе и переносных, значение побуждения не выделяется и не описывается. При переводе с русского на сербский и желании сохранить сослагательное наклонение можно воспользоваться различными устойчивыми оборотами с потенциалом, а каузируемое действие выразить придаточным предложением.

Дал бы ты уже ребенку это яблоко.

Mogao bi da daš već detetu tu jabuku. (Дословно: Ты бы мог дать...)

Вы бы присели.

Mogli biste da sednete.

Хотя употребление непосредственно императива *Sedite, molim vas* считается вполне допустимым с точки зрения норм вежливости.

1.5. Вопросительные предложения

Среди вопросительных конструкций традиционно выделяют побудительно-вопросительные, выполняющие функцию побуждения. Обычно вопросы побуждают к речевой деятельности, но в некоторых случаях они могут побуждать и к неречевой деятельности.

Подобное употребление, опять-таки, связано с категорией вежливости и относится к подтипу ПРОСЬБЫ.

Формы вопросов, транспонированных в область императивности, могут быть различными.

Ты не одолжишь мне сто рублей до зарплаты?

Часто в побудительных вопросах используется частица *ли*.

Не одолжишь ли ты мне сто рублей до зарплаты?

Однако вопрос с частицей *ли*, но без отрицания не имеет переносного императивного значения.

Одолжишь ли ты мне сто рублей до зарплаты?

Этот вопрос в качестве ответа предполагает речевое действие (высказывание с *да* или *нет*), а не действие в физическом мире. Вопрос без частиц *не* и *ли* (*Ты одолжишь мне сто рублей до зарплаты?*) будет рассмотрен ниже.

Вместо личной формы глагола в вопросе может присутствовать инфинитив.

– *А не съест ли тебе пустой горшочек? - Ты у меня дошутисься, — пригрозил ему охрипшим от пения голосом плюшевый медвежонок.*

В.С. Храковский и А.П. Володин пишут, что «эти конструкции являются синонимами стандартных императивных конструкций с центральными формами 2 лица»¹. Очевидно, что они не являются полными синонимами, поскольку транспонированные высказывания имеют ряд дополнительных значений, которые совмещаются с императивностью.

Вопросительные конструкции с инфинитивом не всегда бывают однозначны в силу того, что позиция агенса при инфинитиве заполнена дательным падежом и, если глагол имеет валентность адресата или бенефактива, то возникает вопрос: какая именно позиция выражается дательным падежом?

А не почитать ли тебе книгу?

Если местоимение обозначает агенса (Исполнителя прескрипции), высказывание можно считать функциональным эквивалентом императива *почитай*. Если местоимение выражает бенефактива чтения (*почитай для тебя*), то высказывание можно рассматривать как вопрос, требующий речевого ответа.

В тех случаях, когда употребляется местоимение не 2-го лица, В.С. Храковский и А.П. Володин считают, что речь идет о риторических вопросах, в которых императивная семантика отсутствует.

Наиболее спорный и зависящий от широкого контекста коммуникативной ситуации способ выражения императивного значения — это вопрос без отрицания и частицы *ли*. В.С. Храковский и А.П. Володин обошли его в своем исследовании молчанием и рассматривали только случаи с *ли*. Однако побуждение в вопросе может одновременно относиться как к речевой, так и к неречевой деятельности.

Ты доешь когда-нибудь этот торт?

Ты сходишь уже наконец в магазин?

¹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 209.

В подобных высказываниях иллокутивный эффект не соответствует вопросу. Говорящий не стремится получить информацию о положении дел, а стремится воздействовать на Слушающего и добиться от него некоторого действия (*доешь уже этот торт! сходи побыстрее в магазин!*) Перед нами, очевидно, косвенные речевые акты, «которые на первый взгляд обозначают одно, а при их восприятии интерпретируются так, как будто они обозначают нечто другое»¹.

Использование косвенных речевых актов для побуждения к действию широко распространено в языках мира. В том числе, в сербском языке они достаточно частотны. Формальным отличием от русского является то, что вопрос без вопросительного слова в сербском языке нельзя задать без частицы *li*. Немаловажно и то, что обычно побудительный вопрос формулируется в будущ. вр. (futur I), которое чаще, чем наст. вр., транспонируется в область императива в невопросительной форме.

Hoćeš li najzad da se ostaviš tih metafora i da dohvatiš lopatu?

Hoćeš li najzad zapamtiti da se zvao Krsta a ne Kosta, kako ga ti svako malo nazivaš

Da li ćeš ikada moći da mi oprostiš?

Da li ćeš ikada prestati da slušaš green fest intro?

Как видно из всех вышеприведенных примеров, императивная семантика может присутствовать в высказываниях без императивных форм. Кроме того, императивность может выражаться и безглагольными высказываниями.

2. Эллиптические императивные конструкции

Каузировать действие может не только высказывание с глагольной формой, но и неполные конструкции с незамещенной позицией предиката.

¹ Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 195–222.

Быстрее!

Шагом марш!

Воды!

Подарки в студию!

Brže!

Ražnja!

Vode!

В подобных высказываниях отсутствует императивная глагольная форма, и считается, что она может быть легко восстановлена, поэтому подобные конструкции принято называть эллиптическими. На них не раз обращали свое внимание исследователи, в том числе, Анри Фрей, который связывает эллипсис с потребностью в краткости. «Говорящий укорачивает или уничтожает более или менее бессознательно все, что в конкретной речевой ситуации подразумевается само собой, то есть тот материал, который будучи известен собеседнику, составляет общий фон их беседы»¹. В.С. Храковский и А.П. Володин отметили, что основной спецификой эллиптических конструкций является то, что «каузируемое действие обычно заранее известно исполнителю. Для большинства таких ситуаций... характерен дефицит времени, и лаконизм императивных предложений оправдывается своевременным... исполнением каузируемого действия»². Также можно добавить, что подобные конструкции наиболее характерны для разговорной речи и их значение обусловлено контекстом.

Многие, хотя и не все, подобные конструкции относятся к функциональному подтипу КОМАНДА, для которого характерно то, что Говорящий занимает более высокий социальный статус, чем Слушающий, и то, что Прескрипция должна быть выполнена сразу же после ее получения.

¹ Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. С. 92.

² Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 173.

Исполнитель (группа Исполнителей) заранее знают, что необходимо делать, чтобы выполнить КОМАНДУ, поэтому ее форма может быть далека от содержания.

– *Что!? Как!?* – захрипел командир и спустя мгновение что есть мочи завопил: - *Дрoбь! Дро-о-бь! Не наблюдать!..* (Команда для прекращения огня на флоте).

«Протяжка-1», «Протяжка-2», «Ключ на старт», «Ключ на дренаж» — значение КОМАНДЫ не равно значению употребленных слов. КОМАНДЫ являются частью профессионального слэнга. Более того, одна и та же КОМАНДА может каузировать различные действия разных Исполнителей. КОМАНДА *Тревога! (Uzbuna!)* имеет разные означающие для механиков-водителей и для командиров рот. И тут можно отметить, что не во всех случаях КОМАНДУ с эллиптической структурой можно развернуть в высказывание с глагольной императивной формой. В ряде случаев глагол действительно легко восстановить:

Воды! = *Дайте/Принесите воды!*

Зажим! = *Вложите в руку зажим!*

Дистанция двести! = *Удалитесь на двести метров!* или *Держите дистанцию в двести метров!*

Na svoja mjesta! = *Vratite se na svoja mesta! Zauzmite svoja mesta!*

Pred tenk zbor! = *Postrojte se ispred tenka!*

В некоторых случаях для восстановления глагола требуются специфические экстралингвистические знания.

Разряд! = *Разрядите электроды!* что, по сути, означает *Одновременно нажмите на пусковые кнопки!*

Razleže se komanda:

– *Jaje na pola!*

Jedna šarena zastavica ističe se do polovine katarki. Na marinskom jeziku to je značilo torpiljer je spreman za borbu... Razleže se nova komanda: Jaje na vrh!

Penje se ona zastavica na vrh katarke i označava naređenje da napad otpočne. Oficir sa mosta komanduje:

– Prvi minonosac na 3000. Razorna granata pali!

Буквально КОМАНДА переводится как *Яйцо до половины!* а фактически она означала *Поднимите флажок до середины мачты!*, что, в свою очередь, сигнализировало, что миноносец готов для выполнения боевого задания.

В некоторых случаях КОМАНДА требует выполнения целого комплекса действий, которые могут сильно различаться в зависимости от Исполнителей.

«Uzbuna!», kasarnom je odzvanjao poluglas ozbiljnih podoficira i oficira... Niko ne zna svrhu uzbune, ali svi znaju zadatke i izvršavaju ih besprekorno.

Ночь проходит спокойно. Как правило, только утром, минут за десять до положенного по распорядку подъема, подается команда: «Тревога!» — и все идет точно, как в кино: солдаты срываются с коек, в мгновение ока одеваются и мчатся разбирать оружие.

Sa mosta na palubi komandanti držeći megafon u ruci komanduju.

- Brod za borbu!

Trče beli mornari, skidaju ograde ispred topovskih cevi, nišandžije staju kraj topova, iz kojih se vade čepovi. Otvaraju se sanduci sa municijom. Torpedni oficir na mostu staje spreman sa rukom na dugmetu aparata za paljenje.

Также целый ряд одновременных или последовательных действий каузируют Команды типа *Вспышка справа! Atomski s desna!* и т. д.

Мы можем предположить, что не во всех так называемых эллиптических императивных конструкциях возможно восстановить эллиптированный глагол. В случаях, когда в КОМАНДЕ невозможно однозначно восстановить императивную форму, на наш взгляд уместнее говорить не об эллипсисе, а о репрезентации, как об одном из способов удовлетворения потребности в краткости. КОМАНДА *Тревога!* по сути репрезентирует ИНСТРУКЦИЮ, каузирующую целый ряд действий. Этот аспект императивных высказываний

пока что остается малоизученным, и их репрезентативная функция обычно не упоминается исследователями.

В целом, экономия речевых усилий довольно заметно проявляется в императивных высказываниях. Стремление языка к экономии приводит к тому, что, с одной стороны, возникают фразы, непонятные вне контекста (типа *На две!* = *Дайте проездной билет на две поездки, пожалуйста!*), с другой стороны — типичные высказывания в типичных ситуациях становятся общеизвестными и активно используются в качестве устойчивых коммуникативных единиц. Например, *Следующий!* (= *Пусть войдет следующий!* или *Следующий, войдите!*), *Счет!* (= *Принесите счет!*), *Два билета, пожалуйста!* (= *Дайте два билета!*), *Мне без пены!* (= *Мне налейте без пены!*).

В зависимости от того, какая часть императивного высказывания остается не эллиптированной, можно выделить высказывания-актанты (*Воду в четвертый!*) и высказывания-сирконстанты (*Быстрее! В ногу!*). Подобная классификация предложена в работе «Семантика и типология императива»¹. Очевидно, что эллиптированные высказывания могут одновременно содержать как актант каузируемой ситуации, так и сирконстант, и, таким образом, сочетать в себе оба типа (*Гепарин подкожно — двести миллилитров; Счет, и побыстрее; В восемь ко мне с докладом!*). С другой стороны, нельзя не отметить существование императивных высказываний, в которых отглагольное существительное называет ту же пропозицию, что и каузирующий действие глагол (*Экстренное всплытие! Сбор в пять! Готовность — десять!*). Они не являются ни актантными, ни сирконстантными.

Е. Фекете пишет об именных императивных конструкциях, что «referencialna radnja na koju se imperativnom imenicom... upućuje imanentno se sadrži u značenju same imenice, dok sw predikatska opcija koja sledi (ili treba da

¹Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001. С. 174.

sledi) podrazumeva i realizuje zavisno od konkretnih okolnosti, i u procesu saopštenja se ne izriče, već se izvršava...»¹.

Отметим также, что прохибитивы не могут быть эллиптированными, сокращаются только конструкции без отрицания, поскольку при эллиптировании глагола с отрицанием теряется как семантика запрета, так и семантика императивности. (*Не покупай это старье!* – **Это старье!*)

Некоторые исследователи² относят эллиптированные конструкции к лексическим средствам выражения императивности, которые они классифицируют по частям речи (наречия типа *Tuxo!* или *Brže!* или междометия типа *Прочь!* *Кыш!* *Марш!* *Stoj!* *Šibe!*). И если наречия в императивной функции легко опознаются как сирконстанты предикатов, не получивших формального выражения, и их выделение в отдельную лексико-грамматическую группу не представляется целесообразным, то междометия, действительно, могут быть выделены в отдельную группу средств выражения императивности в силу своей семантической и синтаксической специфики.

3. Междометия с императивной семантикой

Междометия близки императиву тем, что в них отсутствует номинативная семантика, они не описывают мир, а выражают отношение Говорящего. Некоторые из них выражают побуждение к действию также, как и императивные формы глагола, и могут употребляться вместе с императивными формами или заменять их.

Тс-с-с, тихо!

¹«Референциальное действие, на которое указывается именем существительным, имманентно содержится в значении самого имени, в то время как предикат, который следует (или должен следовать) за именем подразумевается и реализуется в зависимости от конкретных условий, и в процессе сообщения не произносится, но выполняется...» (перевод наш). *Fekete E. Morfološki i semantičko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008). Beograd, 2008. S. 527–529.*

²Напр., *Хариева Д.С.* Средства выражения побуждения в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011 и *Fekete E. Morfološki i semantičko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008). Beograd, 2008.*

Уходи, фу, фу, брысь!

Кыиш, уходи отсюда, уходи, пока цел!

Ajde, što stojiš, idi!

Iš! Sklanjajte mi se s puta!

Marš, beži, da te više ne vidim!

Некоторые побудительные междометия в русском языке произошли от императивных форм глагола (например, *Пли!* от *Пали!* или *Запали!*; *Товьсь!* от *Готовься!*). Некоторые другие могут присоединять глагольный показатель лица и числа *-те*, используемый как в индикативе, так и в императиве.

Так, все брысьте отсюда! Я торговать пришла!

А ну кыиште все! Дорогу депутату государственной думы!

То же самое наблюдается и в сербском языке, где помимо *-te* может присоединяться и показатель 1-го лица мн. ч. *-то*.

Ajdete ljudi, pomognite nam.

Ajdemo ljudi, tražimo nove ideje o poboljšanju našeg sajta.

Эти признаки показывают, что побудительные междометия функционально и семантически близки императиву.

Очевидно, что категория императивности значительно шире значения грамматических форм императива. Семантика императивности может быть объективирована формами, которые используются во вторичных, переносных значениях, а также эллиптическими конструкциями, в которых императивная форма опущена. Помимо использования эллипсиса для достижения краткости высказывания может быть использован прием репрезентации, когда одно императивное высказывание замещает известный Адресату ряд прескрипций.

Транспонированные формы распределяются на периферии функционально-семантического поля императивности, выражая, с одной стороны, категорический Приказ (инфинитивы, прошедшее время), с другой — этикетно-вежливую, смягченную просьбу (вопрос, сослагательное

наклонение). В отличие от русского языка, в сербском сослагательное наклонение и прошедшее время не выражают императивность, в то время как будущее время (futur 1.) активно используется в значении каузации действия. Специфической чертой сербского языка является наличие практически неописанной конструкции *da* + *л-форма*, которую можно сравнить с русской конструкцией *чтобы* + *л-форма*, но переводить в большинстве случаев предпочтительно формой прошедшего времени с переносным императивным значением.

З а к л ю ч е н и е

В диссертации были проанализированы различные языковые средства (от морфологических форм до косвенных речевых актов), выражающие императивную семантику в двух славянских языках — русском и сербском. Категория императивности и средства ее объективации были рассмотрены для каждого языка в отдельности и в сравнении между двумя языками.

В первой главе была дана краткая характеристика основных точек зрения на императивные высказывания в философии языка, а также их сходство и различие с лингвистическим подходом к императивности. Также в ней был дан краткий обзор истории изучения семантики и грамматики императива в отечественном языкознании и в сербистике. Опираясь на работы предшественников, мы определили специфику категории императивности, выявить ее обязательные и факультативные семантические компоненты.

Обязательными семантическими компонентами императивного значения мы считаем каузативность, перформативность и контролируемость. Необходимыми критериями императивного высказывания являются отсутствие ассерции и категории истинности/ложности.

Во второй главе было описано ядро категории императивности в сравниваемых языках и выявлен ряд различий.

В первом разделе второй главы, посвященном специфике категорий лица, числа, глагольного вида и отрицания в императивных формах, рассмотрены различия и сходства между русским и сербским языком в области взаимодействия императива и глагольных категорий. Например, для сербского императива характерна интеграция с категорией глагольного вида и категорией отрицания (НСВ и СВ императива находятся в отношении дополнительной дистрибуции в зависимости от наличия/отсутствия отрицания). В то время как выбор видовой формы русского императива

зависит от иллокутивного намерения Говорящего. В сербское же видовое выражение семантического противопоставления превентива и прохибитива отсутствует. Различия в категориях лица и числа в сравниваемых языках, как и предполагалось, оказались незначительными.

Анализируя ядро категории императивности, мы предложили свою модель его структуры и свои признаки членения ядра на семантические подтипы. В качестве основополагающего семантического признака императивности мы предлагаем считать необходимость (а не желательность) и потребность каузируемого действия. Предложенная нами классификация, основанная на выявлении шаблонов коммуникативных ситуаций, в которых используются те или иные подвиды императивных высказываний, в равной степени применима для обоих сравниваемых языков. При создании классификации мы исходили из того, что императивные высказывания используются Говорящим с целью изменения текущей, наличной ситуации, для чего он (Говорящий) каузирует действие Адресата, который должен стать агенсом выполняемого действия. Главным условием императивного высказывания является то, что Говорящий считает текущую ситуацию (до речевого акта) не идеальной, в ней возможны или необходимы преобразования. При этом мы считаем, что целесообразно различать ситуации, в которых необходимо управление, которое должен осуществлять Говорящий, с одной стороны, и ситуации стабильные, но требующие изменений (по умолчанию в лучшую сторону) — с другой. Это противопоставление можно сформулировать в виде оппозиции необходимости и потребности.

Большое количество разнообразных классификаций императивных значений показывает, что комбинаторный подход, при котором выделяются несколько бинарных признаков и в результате создается классификационная таблица, не является удачным для семантических вариантов. На наш взгляд наиболее уместной для вариантов императивного значений является

многоступенчатая классификация в виде дерева, которая предложена в нашей работе.

Всего нами были выделены 13 частных вариантов императивного значения: ПРИКАЗ, КОМАНДА, РАСПОРЯЖЕНИЕ, ТРЕБОВАНИЕ, УГРОЗА, ЛОЗУНГ (ПРИЗЫВ), ПРОСЬБА, МОЛЬБА, ИНСТРУКЦИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, СОВЕТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Располагая классификацией частных императивных значений русского языка, мы спроецировали ее на сербский язык, что позволило выявить эквивалентные типы императивного значения в сербском. В результате сравнения было выявлено, что в области русских микрополей ПРОСЬБА и МОЛЬБА есть различия, которых нет в языке-цели, то есть, конвергентные отношения. В то время как в области сербских микрополей SAVET и PREPORUKA существуют различия в языке-цели, которых нет в исходном языке, то есть, дивергентные отношения.

В третьей главе были рассмотрены актуальные тенденции, развивающиеся в приядерных элементах русского и сербского императива. Нами была сформулирована гипотеза о том, что формы совместного действия (императив 1-го лица мн. ч.) стремятся выйти за пределы ядра категории и обрести собственные аналитические формы, отличающиеся от специализированной императивной формы. В русском языке можно отметить тенденцию к аналитизму в образовании форм побуждения к совместному действию, которая проявляется как в большей частотности форм с *давай/давайте*, по сравнению с синтетической формой на *-те*, так и в процессе грамматикализации форм глагола *пойти*, которые начинают принимать участие в образовании аналитических конструкций наряду с *давай/давайте*. В целом можно считать, что в русском языке этот процесс уже завершается, и все формы совместного действия могут быть отнесены к приядерным элементам поля.

В сербском языке процесс находится в начальной стадии (смещение модальной и формообразующей частицы, унификация форм вспомогательной частицы, возникновение новой аналитической формы с *daj/dajte*) и, хотя намечается снижение частоты использования синтетических специализированных форм императива 1-го лица мн. ч. и формирование аналитических форм, пока что говорить о выходе синтетических форм из ядра категории преждевременно. На данный момент мы вынуждены отнести синтетические формы совместного действия в сербском языке к ядру категории (несмотря на тенденцию их выталкивания из ядра), а аналитические формы — к приядерным элементам. Однако мы предполагаем, что в обоих сопоставляемых языках идут схожие процессы. Аналитическая форма побуждения к совместному действию завоевывает позиции в обоих языках как благодаря частотности уже сформировавшихся аналитических конструкций (с *давай(-те)* в русском и *hajde(-mo)* в сербском), так и благодаря появлению новых альтернативных конструкций (с *пойдем/пошли* в русском и *daj(-te)* в сербском).

Гипотезу относительно дальнейшего развития сербского императива 1-го лица мн. ч. можно сформулировать следующим образом: в дальнейшем аналитическая форма вытеснит из речевого употребления синтетическую специализированную форму, синтетическая форма исчезнет из ядра, а аналитическая форма окончательно закрепится в приядерной зоне. Таким образом, общая тенденция для обоих языков заключается в том, что ядро категории сужается (постепенно отмирают синтетические формы совместного действия), а приядерная зона переживает фазу развития и расширения (становление аналитических форм, появление новых конструкций). При этом форма совместной деятельности стремится формально обособиться от центральных форм категории.

Четвертая глава посвящена не только категории императивности, но также элементам, в нее не входящим, но близким по форме и значению.

Формы побуждения 3-го лица были отнесены нами к ближней периферии императивного поля, а побуждение 1-го лица ед. ч. вынесено за пределы поля (за исключением глаголов перцепции в сербском языке, у которых наблюдается несоответствие морфологической формы лица семантическому содержанию — грамматическая форма побуждения 1-го лица ед. ч. выражает каузацию действия Адресата и на русский язык переводится императивами 2-го лица).

В конце четвертой главы предложено следующее членение функционально-семантического поля императивности:

- Ядро категории императивности являются специализированные грамматические формы (2-е лицо в русском, 2-е лицо и 1-е лицо мн.ч. в сербском).

- Приядерные элементы — формы 1-го лица мн. ч., обладающие в полной мере императивной семантикой, но не имеющие синтетического грамматического показателя (в сербском языке синтетические формы 1-го лица мн. ч. пока что включаются в ядро, хотя намечается тенденция их устранения из ядра).

- Ближняя периферия — формы 3-го лица, не обладающие специфической формой и не удовлетворяющие полностью семантическим критериям императивности, но, тем не менее, выражающие каузацию действия.

- Дальняя периферия — транспонированные формы, употребленные для выражения императивности в переносном значении.

В пятой главе рассматриваются формы и конструкции, для которых императивное значение не является прямым. Это элементы дальней периферии императивного поля, среди которых находятся транспонированные формы и конструкции и эллиптические конструкции. Несмотря на нетипичность формы, средства выражения, используемые в

переносном значении, удовлетворяют признакам императивности, и также, как и ядро, членятся на частные семантические подтипы.

В рассматриваемых нами языках (русском и сербском) много схожих схем транспозиции глагольных и именных форм в область употребления императива. Однако наряду с явным сходством существует и ряд различий. Например, в сербском языке зона употребления инфинитивных императивных конструкций значительно уже по сравнению с русским языком. Также наст. вр. индикатива в транспонированном значении используется в сербском языке ограниченно, в отличие от будущего времени (*futur I*), которые довольно широко употребляется в императивных контекстах.

Среди эллиптических императивных высказываний мы предполагаем существование особого вида конструкций, в которых невозможно восстановить эллиптированный глагол. В случаях, когда в высказывании невозможно однозначно восстановить императивную форму, на наш взгляд уместнее говорить не об эллипсисе, а о репрезентации, как об одном из способов удовлетворения потребности в краткости. КОМАНДА *Тревога!* по сути репрезентирует Инструкцию, каузирующую целый ряд действий. Этот аспект императивных высказываний пока что остается малоизученным и их репрезентативная функция обычно не упоминается исследователями.

За пределами данного исследования остаются просодические особенности императивных высказываний и синтаксические особенности (хотя мы старались, по возможности, указывать на сочетаемость тех или иных форм с подлежащим).

Литература

1. *Аристотель*. Об истолковании / Аристотель Сочинения в 4 тт. Т. 2. М., 1978.
2. *Барентсен А.* О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица / Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam – New York, 2003.
3. *Барентсен А.* О формально маркированных выражениях призыва к совместному действию в русских текстах двух последних столетий // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М., 2004,
4. *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
5. *Бенаккио Р.* Глагольный вид в императиве в южнославянских языках // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004.
6. *Бенвенист Э.* Делокутивные глаголы // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика, М., 1974/
7. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
8. *Бергельсон М.Б.* Проблема контроля в побудительных высказываниях // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. II / Ред. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. М., 1990.
9. *Бирюлин Л.А.* Презумпции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика. М., 1990.
10. *Бирюлин Л.А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке. Дис... д-ра филол. наук. СПб., 1992.
11. *Бирюлин Л.А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994.

12. *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
13. *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.
14. *Бондарко А.В.* (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л., 1987.
15. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
16. *Бондарко А.В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
17. *Бондарко А.В.* О типах категорий в системе грамматики // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Недялкова. М., 2010.
18. *Бондарко А.В.* Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч 2. М., 1990.
19. *Бондарко А.В., Шубик С.А.* (отв. ред.) Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005.
20. *Буторина Е.П.* А поговорить? Интернет как лингвистический феномен [Электронный ресурс] // Мир медиа XXI. 1999. № 1. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_50 (дата обращения 29.03.2014)
21. *Буторина Е.П.* Русский язык в деловой интернет-коммуникации. М., 2013.
22. *Валиахметова Д.Р.* Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. *К.Р. Галуллина, Г.А. Николаева.* Казань, 2001. Т. 2.

23. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
24. *Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.
25. *Виноградова Т.Ю.* Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.
26. *Войводич Д.* Об инклюзивных формах императива в славянских языках // *Izučavanje slovenskih jezika , književnosti i kultura u inoslovenskoj sredini*, Beograd, 1998.
27. *Войводич Д.* Перформативное поле прескриптивности // *Zbornik matice srpske za filologiju i lingvistiku*, Novi Sad, 2000 (№43).
28. *Войводич Д.* Функционально-семантическое поле перформативности в славянских языках // *Зборник Матице српске за славистику*, Нови Сад, 2003 (№ 63).
29. *Галактионова И.В.* О грамматическом статусе форм типа *скажи* в связи с их переносными употреблениями // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов, М., 2004.
30. *Грабье В.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
31. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
32. *Гусев В.Ю.* Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.
33. *Гусев В.Ю.* Типология нерегулярных императивных форм // Вопросы языкознания. 2005, № 2.

34. *Гусев В.Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук, М., 2005.
35. *Данг Тхи Шам.* Употребление форм глагольного наклонения как основной способ выражения модальности в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, М, 2005.
36. *Даниэль М.А.* О корреляции между звательной формой имени и повелительным наклонением // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича Материалы. СПб., 2006.
37. *Диденко А.В.* Категория императива в угорских языках. Томск, 2010.
38. *Добрушина Н.Р.* К типологии оптатива // Плунгян В.А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001.
39. *Добрушина Н.Р.* Наклонения и дискурсивный режим текста: на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
40. *Добрушина Н.Р.* Оптатив или императив? // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань, 2007.
41. *Добрушина Н.Р.* Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды Международного семинара «Диалог '2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. I: Теоретические проблемы. Аксаково, 2001.
42. *Добрушина Н.Р.* Русская частица *смотри* в типологическом освещении // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы. СПб., 2006.
43. *Долинина И.Б.* Императивная парадигма: содержательная структура и механизмы маркировки // Типология императивных конструкций. СПб., 1990.

44. *Дуденкова А.А.* Функционирование форм императива на *-мте* в русском языке // *Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики*. СПб., 2013.
45. *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин. 1981.
46. *Еремеев Я.Н.* Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
47. *Ермолаева Л.С.* Типология системы наклонений в современных германских языках // *Вопросы языкознания*, 1977. № 4.
48. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
49. *Зенчук В.Н.* Отрицательные императивные конструкции в славянских языках // *Вестник Ленинградского университета*. Л., 1971. № 8.
50. *Золотова Г.А.* О синтаксической природе современного русского инфинитива // *НДВШ. Филологические науки*, 1979 б, № 5.
51. *Иванов В.В.* Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках / В.В. Иванов, Т.Н. Молошная, А.В. Головачева и др.; (отв. ред. В.В. Иванов, Т.Н. Молошная). М., 1995.
52. *Ивановская Г.П.* Структурно-семантические и социопрагматические характеристики императивных высказываний. Дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.
53. *Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен. На материале чешского языка, М., 2008.
54. *Изотов А.И.* К вопросу о полной парадигме чешского императива // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции, Казань, 2007, Т. 1.
55. *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2007.

56. *Иосифова В.Е.* Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2011.
57. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 2, Братислава, 1960.
58. *Караванов А.А.* К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола // Вопросы языкознания. 1992, № 6.
59. *Касевич В.Б.* Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-логические аспекты анализа императива, ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990.
60. *Ким И.Е.* Контролируемость действия: сущность и структура // Лингвистический ежегодник Сибири (ЛЕС). Вып. 1. Красноярск, 1999.
61. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе, М., 2007.
62. *Козьмин О.Г.* Интонация побудительных предложений в современном немецком языке // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике. М., 1966.
63. *Комлева Е.В.* Функционирование директивного речевого акта в аппеллятивном тексте (на примере современного немецкого языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009, № 90.
64. *Крашенинникова Е.А.* Побудительная модальность в немецком языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1953, т. 12, вып. 5.
65. *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) / Языки мира. Славянские языки (Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик). М., 2005.
66. *Кузнецов А.В.* Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2.
67. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.

68. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.
69. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, М., 1990.
70. *Логинов А.В.* Функциональная периферия категории интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 5(16).
71. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. 2.. М., 1969.
72. *Маслова А.Ю.* К проблематике исследования категории побудительности в славянских языках // Acta Linguistica. Vol. 1. № 1 (2007).
73. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.
74. *Молошная Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
75. *Мухин М.М.* Морфологические и синтаксические категории // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко. СПб., 2001.
76. *Немец Г.П.* Актуальные проблемы модальности в современном русском языке /отв. ред. В.В. Казмин. Ростов-на-Дону, 1991.
77. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 1992.
78. *Остин Дж.* Избранное. М., 1999.
79. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
80. *Пазухин Р.* Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Posnaniensia, Poznan, 1974, № 6.
81. *Панин Л.Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. М., 1993. № 5/6.
82. *Перцов Н.В.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
83. *Перцов Н.В.* К проблеме инварианта грамматического значения. II. (Императив в русском языке) // Вопросы языкознания, 1998. № 2.

84. *Петрова Е. Б.* Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008, № 3. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/03/2008_03_24.pdf (дата обращения 02.04.2014).
85. *Пешковский А.М.* Интонация и грамматика // Изв. АН СССР, Отд. по русск. яз и словесн. Л., 1928. Т. 1.
86. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
87. *Поройкова Н.И.* К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
88. *Рассел Б.* Логический атомизм // Грязнов А.Ф. Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М., 1998.
89. *Рехтин Л.В.* Речевой жанр инструкции: полевая организация. Дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.
90. *Руделев В.Г.* Место существительных среди других частей речи русского языка // Грамматические классы в современном русском языке. Тамбов, 1976.
91. Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (глав. ред). М., 1980. Т. 1–2.
92. *Сергиевская Л.А.* Императивные предложения со значением совместного действия в современном русском языке.
93. *Сергиевская Л.А.* Инфинитивные предложения со значением императива совместного действия // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания. М., 1987.
94. *Сергиевская Л.А.* Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке. Вопросы языкознания, 1995, № 3.
95. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.

96. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. М.; Л., 1948–1965.
97. *Степанов Е.Н.* Русский язык в контексте социально-политических процессов современной Украины / Е.Н. Степанов // Фонд «Русский мир». Информационный портал [Электронный ресурс] 04.05.2011. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0019.html> (дата обращения: 29.01.2014).
98. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М. 1939. [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М. 2006. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3e0203.htm> (дата обращения 09.04.2014)
99. *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М, 2006.
100. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://refdb.ru/look/1095967-pall.html> (дата обращения 09.04.2014)
101. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М., 1986.
102. *Фортейн Э.* Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания, 2008. № 1.
103. *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М. 2000.
104. *Фрей А.* Грамматика ошибок. М., 2006.
105. *Хариева Д.С.* Средства выражения побуждения в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук, Махачкала, 2011.
106. *Храковский В.С.* Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996.

107. *Храковский В.С.* Исчисляющие классификации в типологии // Вопросы языкознания, 1996, № 3.
108. *Храковский В.С.* Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении. 2002, № 2(4).
109. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001
110. *Худяков А.А.* Понятийные категории как объект лингвистического исследования // Аспекты лингвистических и методических исследований: сб. науч. тр. Архангельск, 1999.
111. *Черенков А.И.* Темпоральная характеристика побудительных высказываний // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М., 2007.
112. *Шатуновский И.Б.* Несовершенный vs совершенный вид в императиве (к проблеме начала) // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
113. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
114. *Шведова Н.Ю.* О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма, М., 1974.
115. *Штелинг Д.А.* О грамматическом статусе повелительного наклонения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982. Т. 41. № 3.
116. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М., 1974.
117. *Якобсон Р.О.* О структуре русского глагола // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
118. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
119. *Barić E.* Priručna gramatika hrvatskog književnog jezika, Zagreb, 1979.

120. *Batistić T.O* nekim pitanji mauvezisa analizom glagola moratiimoći // Južnoslovenski filolog, XXXIX, Beograd, 1983.
121. *Belnap N.* Declaratives Are Not Enough // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition, Vol. 59. No. 1. 1990.
122. *Bolinger D.* The imperative in English // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. Vol. 1. Mouton. 1967.
123. *Bybee J. et all.* Evolution of grammar. Chicago, London, 1994.
124. *Chomsky N.* The logical structure of linguistic theory. Chicago, 1975.
125. *Davies E.* The English Imperative. London, 1986.
126. *Ebeling C.L.* On the verbal predicate in Russian // For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his sixtieth birthday. The Hague, 1956.
127. *Fekete E.* Morfološki i semantiko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog LXIV (2008), Beograd, 2008.
128. *Forcheimer P.* The category of person in language. Berlin, 1953.
129. *Hamblin C. L.* Imperatives. London: Blackwell Publishers, 1987.
130. *Ivić M.* Slovenski impertiv uz negaciju // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine X, knj. 4. Sarajevo, 1958.
131. *Ivić P.* Književni jezik kao instrument kulture i produkt istorije naroda / Istorija srpske kulture. Beograd, 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://isj-sanu.rs/index.php?route=product/category&path=20> (дата обращения 20.03.2014).
132. Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije / U redakciji Predraga Pipera. Beograd, 2009.
133. *Katičić R.* Sintaksa hrvatskog književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
134. *Katz J.J.* Propositional structure and illocutionary force: A Study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts, New York, 1977.
135. *Kostić Đ.* Operativna gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1987.

136. *Lalević M.* Sintaksa srpskohrvatskog književnog jezika. Beograd, 1962.
137. *Lalević M.* Kategorije srpskohrvatskog književnog jezika. Beograd, 1957.
138. *Lewis D.* General Semantics // Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of natural language. New-York, 1972.
139. *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.
140. *Marković M.* Morfolofija savremenog srpskohrvatskog književnog jezika sa osnovama istorije jezika. Sarajevo, 1967.
141. *Maslova A.* Semantičko-pragmatičke osobine indirektnog izražavanja imperativnosti // Semantička proučavanja srpskog jezika. Beograd, 2008.
142. *Mastop R.* What can I do? Imperative mood in semantic theory. PhD dissertation, Amsterdam: Institute for Logic, Language, and Computation, 2005.
143. *McGinn C.* Semantics for nonindicative sentences // Philosophical Studies 32, 1977.
144. *Minović M.* Sintaksa srpskohrvatskog – hrvatskosrpskog književnog jezika. Sarajevo, 1987.
145. Rečnik savremenog srpskog književnog jezika s jezičkim savetnikom / U redakciji M. Moskovljevića. Beograd, 2000.
146. Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad, 2007.
147. Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika, knjige 1-6, Novi Sad, Zagreb, 1967–1976.
148. *Ross J. R.* On declarative sentences // Readings in English Transformational Grammar, 1970.
149. Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica / U redakciji Milke Ivić. Beograd, 2005.
150. *Stanojčić Ž.* Gramatika srpskog književnog jezika. Beograd, 2010.
151. *Stanojčić Ž., Popović Lj.* Gramatika srpskog jezika. Beograd, 2000.
152. *Stenius E.* Mood and language-game // Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of natural language, New-York, 1972

153. *Stevanović M.* Savremeni srpskohrvatski jezik, 1. Beograd, 1999.
154. *Tanacić S.* O imperativu u savremenom srpskom jeziku // Sintaksičke teme. Beograd, 2009
155. *Terzić B.* Rusko-srpske jezičke paralele. Beograd, 1999.
156. *Tošović B.* Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom. Sarajevo, 1988.
157. *Vojvodić D.* O vokativnim imperativnim tipovima kauzacije u ruskom i srpskom jeziku // Južnoslovenski filolog, № 59, 2003.

Электронные источники языкового материала

Список русскоязычных форумов:

1. <http://forum.dirt.ru/>
2. <http://forum.guns.ru/>
3. <http://forum.medicinform.net/>
4. <http://forums.drom.ru/>
5. <http://forums.nf.ru/index.php>
6. <http://intra.biysk.ru/forum/>
7. <http://www.kti.ru/forum/index.asp>
8. <http://www.linux.org.ru/forum/>
9. <http://www.medprof.ru/>
10. <http://www.stroi-baza.ru/forum/>
11. otvet.mail.ru
12. <http://forum.travian.ru/>
13. <http://hpforum.ru/>
14. <http://www.trizna.ru/forum/>
15. <http://forum.garant.ru/>
16. <http://www.wrk.ru/forums/>
17. <http://forum.cofe.ru/forum.php>
18. <http://forum.ru-board.com/>
19. <https://kamrad.ru/>
20. <http://sp-bum.com/>
21. <http://www.old-games.ru/forum/>

Список сербскоязычных форумов:

1. <http://forum.krstarica.com/>
2. <http://forum.worldoftanks.eu/index.php?/forum/99-balkanski-forum/>
3. <http://jna-sfrj.forum-aktiv.com/>
4. <http://teenforums.fr.yuku.com/>
5. <http://www.ana.rs/forum/>
6. <http://www.bebac.com/forum/>
7. <http://www.blic.rs/forum/?category=forum>
8. <http://www.building-body.com/forum/forum.php>
9. <http://www.elitesecurity.org/>
10. <http://www.gamers.ba/forum>
11. <http://www.serbiancafe.com/lat/diskusije/>
12. <http://www.svetbiljaka.com/Forums.html>
13. <http://www.xsport.rs/forum/>
14. <http://www.ringeraja.rs/forumiall.asp>
15. <http://www.mycity.rs/>

16. <http://www.svetlostistine.org/Forum/>
17. <http://www.delije.net/forum/>
18. <http://forum.avaz.ba/>
19. <http://www.inter-caffe.com/>
20. <http://forum.burek.com/>
21. <http://politikin-zabavnik.rs/pz/forum>
22. <http://www.balkanboard.com/>
23. <http://www.prijatelji.org/forum/>
24. <http://www.forum.autentik.net/>
25. <http://www.srpskaforum.com/>
26. <http://balkankinology.net/forums/>

Сербскоязычные развлекательно-новостные порталы:

1. <http://www.telegraf.rs/>
2. <http://scsport.ba/>
3. <http://www.kurir-info.rs/>
4. <http://vikendplaner.info/>
5. <http://www.e-novine.com/>
6. <http://www.dnevno.ba/>